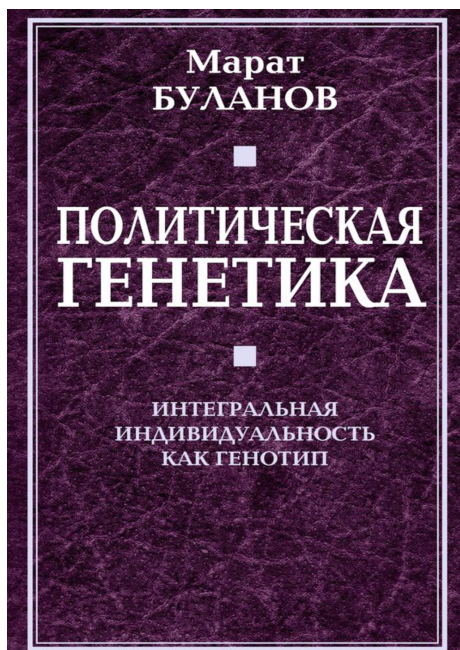

Марат Марсилович Буланов

Политическая генетика. Интегральная индивидуальность как генотип

Тип нервной системы суть генотип.
И.П. Павлов

От автора

Работа над данным трудом и последующий выпуск в свет были обусловлены рядом веских причин. Я не имею научных званий и академических должностей, – для большинства я «дилетант», хотя занимаюсь наукой в течение 20 лет. А все потому, что меня был свой наставник на этом поприще, – кандидат психологических наук Борис Борисович Пысин. Именно ему я многим обязан, как в плане получения необходимых знаний, научной полемики в поисках Истины. Борис Борисович был добрейшей души человек, к сожалению, так полностью и не успевший реализовать себя...

В Пермском госпединституте (в Пермской психологической школе В.С. Мерлина), где он работал, я был соискателем на звание кандидата психологических наук. В дальнейшем трудился в лаборатории экспериментальной психологии личности, в институте культуры у к.п.н. Л. Дорфмана и А. Щebetенко. Именно под руководством одного из них, а не Б.Б. Пысина, мне предстояло корпеть над диссертацией. Однако идеи, которые интересовали меня с самого начала, шли вразрез с идеями несостоявшихся научных руководителей. Неизбежно произошел разрыв отношений, и я остался «не у дел», хотя продолжал поддерживать связь с Борисом Борисовичем и работать над «дешифровкой» последнего, посмертного труда основателя школы В.С. Мерлина. «Очерк интегрального исследования

индивидуальности» – «лебединая» его песня, – был своего рода подведением итогов 30-летней деятельности школы и в то же время, без сомнения, программной монографией, которая намечала дальнейшие пути развития работы пермских дифференциальных психофизиологов.

Многие положения теории интегральной индивидуальности, как я только что заметил, были зашифрованы ввиду жесткой идеологической цензуры, действующей тогда в СССР. Так называемое «биологизаторство», биологизация человека – преследовались, ибо последний, по мнению тогдашних идеологов, являл собой биосоциальное существо с исключительно «социальной», «надприродной» сущностью. Такой «возвышенной» трактовки, – фактически человеческого животного, генотипа, – требовала сама советская действительность. Ведь мы формировали человека «новой, социально справедливой» формации под руководством «мудрой» партии.

Как это ни парадоксально, но с развалом СССР и последующим экономическим, политическим и культурным беспределом в обществе, показавшим, что в действительности представляет собой человек, – социальная детерминация в развитии человеческой психики почему-то так и осталась ведущей, доминирующей, по мнению многих, если не сказать, большинства психологов и психофизиологов, не говоря о философах. Такое положение вещей, – в частности, утверждение примата развития «надбиологической» (социальной) личности в «ущерб» биологическому организму, – осталось и поныне.

После смерти В.С. Мерлина теоретический кризис в психологической школе перешел на новый этап своей застойности, хотя на первый взгляд работа психологов-ученых в пединституте, что называется, «шла (и идет) вовсю». Тиражировались по накатанному стандарту кандидатские и докторские диссертации, писались «серьезные» монографии, учение В.С. Мерлина «реформировали» и стали «развивать». Появился новый психологический факультет в пединституте, а также возможность получения второго высшего образования по специальности «Психология». В настоящий же момент бурная деятельность члена-корреспондента РАО Б. Вяткина вылилась в образование... научного института психологии! И это при всем при том, что теория интегральной индивидуальности, на которой зиждется вся теоретико-экспериментальная работа его, так до сих пор и не была адекватно понята «ведущими» представителями школы, включая и самого лидера (они до сих пор не подозревают, чем занимались в свое время под руководством В.С. Мерлина).

Попытки автора раскрыть истинное положение вещей, как в теории, так и в психологической школе (ибо мной был найден «ключ» к пониманию учения гениального подвижника науки) встретили резкий отпор, огульное и высокомерное отрицание предлагаемых идей. По сути, я как варился «в собственном соку» после смерти Б.Б. Пысина, так и продолжал оставаться в том же изолированном состоянии. Отвергли мои идеи и Л. Дорфман, и А. Щебетенко, которые, получив докторские степени, в настоящее время безуспешно пытаются интерпретировать, понять теорию, оказавшуюся им, к сожалению, не по зубам. Зато они полны сознания собственной значимости, гордыни, не позволяющими им снизойти до какого-то бывшего журналиста «без роду и племени».

Именно поэтому я, сознавая собственную формальную «некомпетентность» по части науки, все же таки решился опубликовать труд своей жизни: один против всех тех, чьему реальному «общественному положению» и вместе с тем научному (творческому) бессилию можно только без конца удивляться.

Второсигнальные генотипы строчат свои диссертации, преподают студентам бог неведь что относительно мерлинской теории, добиваются высокого социального статуса и не хотят терять привилегированного, «непыльного» существования.

Но кто знает, кто знает... Революционное, пионерское (фактически, в мировом масштабе) учение В.С. Мерлина неизбежно должно пробить себе дорогу через все те якобы «научно-профессиональные» нагромождения, которые стоят у него на пути. Победа, будем надеяться, не за горами...

Глава 1

Интеграция системы: одни и те же свойства генотипа

Уже два десятилетия минуло со времени выхода в свет последней капитальной монографии основателя Пермской психологической школы. За истекший период школа под руководством д.п.н., члена-корреспондента РАО Б.А. Вяткина продвинулась далеко вперед в развитии кардинальных идей родоначальника нового теоретико-экспериментального направления [8; 9; 10; 16; 36; 48], однако говорить о том, что данная идейная база до конца является разработанной, естественно, еще преждевременно.

Больше того, остается открытым первостепенный вопрос: а в чем, собственно, заключается суть интегрального исследования?

Опуская известную аргументацию со стороны преемников выдающегося ученого, можно констатировать, что та структура индивидуальности, о которой писал В.С. Мерлин в своем труде, является, на поверку, всего лишь исходной теоретической предпосылкой для проведения самого исследования, – исследования, которое до сих пор, так и не было выполнено.

Иными словами, для того, чтобы получить действительно искомый результат – интегральную индивидуальность, – необходима процедура междисциплинарно-интегрального «слития» разноуровневых свойств, что и предпринимает автор на страницах «Очерка» (разумеется, имплицитно [1 - Имплицитно (от лат. *implicite*, букв. – запутанно, спутанно) – неявно. – Прим. ред.]), выходя в итоге (также имплицитно), к теоретическим и методологическим основам новой «метанауки».

Само по себе использование ученым понятия «исследование», которое обычно ассоциируется с сугубо аналитическим познанием предмета, ни в коей мере не должно вводить читателя в заблуждение. Суть интегрального подхода (метода), в отличие от аналитического, при котором система расчленяется на составные элементы (уровни), и синтетического, при котором отдельные подсистемы свойств объединяются в целое, – заключается в том, что объединение разноуровневых элементов, полученное в результате синтеза, подвергается последующему анализ-обобщению (межуровневой интеграции), основанному на поиске внутрисистемного единства компонентов подсистем.

Говоря о специфических особенностях интегрального подхода в изучении индивидуальности, нужно отметить, что служит он, в конечном счете, выявлению не специфических, но одной и той же(!), общей для всех уровней закономерности. Декларация же Пермской школой якобы имеющегося «единства», «целостности» человека, при сохраненной, в то же время, автономии различных подструктур, скорее представляет умозрительное синтезирование (ведь нелепо отрицать реальность целостной

системы!), нежели междисциплинарную (межуровневую) интеграцию.

Словом, при таком «системном видении», дескать, «интегральной индивидуальности», мы имеем дело, лишь со специфичными закономерностями уровневой иерархии (соответствующей, с легкой мерлинской руки, еще и ступеням развития материи), однако вовсе не с единством целого, детерминированного интегральной, неспецифической закономерностью. Для выявления последней иерархические уровни необходимо не только «слить» (интегрировать), абстрагируя при этом общее, существенное, – но и исследовать, воспользовавшись тем же методом, «статичную» индивидуальность в собственной динамике, – т. е. функционировании, развитии.

Если использовать критерий абсолютности познания, то целостная индивидуальность, подчиняющаяся одной и той же интегральной закономерности, должна, по-видимому, исключать всякую специфику. Точней, – соединить в себе, неспецифичном, как ни парадоксально, специфическое, результируя тем самым неспецифическую специфичность (!), но не автономность. Ибо любая автономия «частей», – пусть даже относительная, – своей «самостоятельностью» уже предполагает отрицание абсолютизма; в то время как неспецифичная специфика определенных «подструктур» (аспектов целого) моносистему абсолютной целостности сохраняет.

Исходя из сказанного, можно констатировать: индивидуальность человека, рассматриваемая как система, состоящая из блоков автономно-разноуровневых свойств, неспецифичным интегральным целым, в подлинном значении определено не является интегральной.

«Одно из основных методологических требований системного подхода, – подчеркивает в этой связи В.С. Мерлин, – заключается в том, что характеристика системы в целом требует иных понятий, чем характеристика отдельных иерархических уровней. Каждый уровень... является предметом какой-либо специальной науки, характеризуется в ее понятиях, описывается на ее языке. Система в целом, а также взаимосвязь различных ее уровней, не подчиняются... специальным закономерностям (но подчиняются одной и той же неспецифической закономерности. – Авт.). Они могут быть описаны особыми понятиями (математическими, философскими, общенаучными, общесистемными и пр. – Авт.) и на особом языке – метаязыке» [28; с. 36–37].

Таким образом, в процессе системной интеграции необходима ломка установившихся понятийных (мыслительных) барьеров и стереотипов, что ведет к новому пониманию системного единства индивидуальности, к новому, интегральному знанию, несводимому к одним лишь связям между «разноуровневыми» свойствами. Сказанное касается и отживших свой век, некоторых принципов специальных наук о человеке, а также и самого системного подхода в том его виде, который мы имеем на сегодняшний день.

Так, нужно подчеркнуть, что говоря об универсально-интегральном исследовании (методе), то В.С. Мерлин отмечал его принципиальное отличие от широко известных вариантов специально, а также общесистемного теоретического моделирования, включающего, в качестве подспорья, статистические методы и средства, также отличающиеся от мерлинской математической «концепции» моносистемы [28; с. 20, 37–43, 210–211 и др.].

Пример красноречив: «Благодаря много-многозначным связям между индивидуальными свойствами разных уровней и однозначным связям одного и того же иерархического уровня, достигается относительная замкнутость и относительная открытость каждого уровня. Как показывают Л. Берталанфи (1968) и У.Эшби (1959), такая организация

больших систем (т. е. так считают У. Эшби с Л. Бергаланфи, но не В.С. Мерлин [28; с.20]. – Авт.) обеспечивает их оптимальную саморегуляцию и саморазвитие, в многообразно и быстро изменяющихся объективных условиях» [28; с.211].

Между тем, чтобы определить во всем объеме довольно сложную специфику неспецифического интегрального подхода (предмета изучения), как минимум, потребуется проведение «повторного» исследования: вскрытия и «дешифровки» имплицитной логики и принципов, которые и образуют, собственно, теоретический фундамент нового учения о человеке.

В.С. Мерлин выделял следующие иерархические уровни большой системы индивидуальности:

1. Система индивидуальных свойств организма. Ее подсистемы:
 - а) биохимические;
 - б) общесоматические;
 - в) свойства нервной системы (нейродинамические);
2. Система индивидуальных психических свойств. Ее подсистемы:
 - а) психодинамические (свойства темперамента);
 - б) психические свойства личности;
3. Система социально-психологических индивидуальных свойств. Ее подсистемы:
 - а) социальные роли в социальной группе и коллективе;
 - б) социальные роли в социально-исторических общностях (класс, народ).

Согласно Мерлину, человеческая индивидуальность, определяемая как система связей разноуровневых свойств, детерминируется двояко: каузально и телеологически. При этом следует обратить особое внимание, что речь идет о детерминации именно связей, но не самих одно– либо разноуровневых элементов. Между тем, В.С. Мерлин прямо отождествлял первый, каузальный вариант с однозначной обусловленностью корреляций, тогда как второй – с много-многозначной, что недвусмысленно говорит об отсутствии какой-либо разницы между ними (т. е. каузальностью и однозначностью, и наоборот, телеологичностью и много-многозначностью) [28;с.45].

Но если так, то не существует и различий между каузальной детерминацией и, собственно, однозначной связью переменных, и наоборот, обнаруживается тождество телеологической обусловленности с много-многозначными их зависимостями. «В интегральном исследовании, – подчеркивает ученый, – разный тип математических связей является показателем разного типа детерминации. Поэтому, по типу математических связей (равно – обусловленности, зависимости. – Авт.) мы отличаем разноуровневые индивидуальные свойства от одноуровневых» [28; с.46].

Из сказанного, однако, вовсе не следует, что, дескать, каузальный (или однозначный) тип корреляций – суть детерминация одноуровневых подсистем, а телеологический (много-многозначный) – разноуровневых. Сами свойства, в интегральном «слитии», повторяем, не детерминируются и не детерминируют друг друга в обычном понимании (т. е. «горизонтально» или «вертикально», биологически или социально, внешне или внутренне и пр.), что для самого В.С. Мерлина, по крайней мере, было принципиальным фактом.

«Детерминацию связи высших и низших уровней человеческих свойств, – предупреждал он, – следует искать не в самих свойствах, не в их собственной природе и сущности, а вне их, (в них (!), «слитых» в деятельностной стохастичности. – Авт.) в том, что порождается

соотношением («слитием». – Авт.) объективной и субъективной обусловленности деятельности того или иного человека» [28; с.214]. То бишь, в действительности, мы имеем дело только с типами различных связей-обусловленностей, по критерию которых и определяются (и то в предложении) одно– либо разноуровневость системных элементов. Но, – повторяем еще раз, – не сами переменные.

Несмотря на парадоксальность такого утверждения, отделяющего элементы, казалось бы, от их же взаимоотношений и зависимостей, органическое слияние понятий «детерминация» и «связь», наглядно демонстрирует своеобразие системно-интегрального подхода, благодаря которому, в данном «исследованном» случае, раскрывается один из фундаментальных принципов теории: принцип объективной самодетерминации индивидуальных свойств, как двигательной силы динамики моносистемы. Но чтобы понять его действительные значение и смысл, прежде, необходимо разобраться в самих типах зависимостей-связей, абстрагированных от относительно устойчивых образований индивидуальности.

Итак, судя по изложенному материалу, автор монографии определяет характер телеологической детерминации как опосредованный, случайно-вероятностный, гибкий, относительный и специфический. Следовательно, характер каузальной обусловленности («противоположных» связей), по диалектике дихотомий, должен быть непосредственным, закономерным, жестким, абсолютным и неспецифическим. Отсюда, свойства отдельных уровней системы коррелируют жестко, однозначно, закономерно («каузально»); тогда как переменные различных подсистем, сопряжены между собой гибко, много-многозначно («телеологически»), а главное – случайно (!).

В связи с этим, В.С. Мерлин подвергает критике некоторые физиологические, психологические и социологические теории, авторы которых утверждают, будто отношения между иерархическими уровнями могут быть только жесткими и непосредственными, из чего явствует, что «нижележащие» структуры причинно-следственно детерминируют «вышележащие», и наоборот. Такой подход ученый обозначает, как редукционистский [28; с. 26].

Подход В.С.Мерлина иной: «...мы должны рассматривать все разноуровневые связи между... биохимическими, соматотипическими, нейродинамическими, психодинамическими, личностными, социально-психологическими свойствами не только как каузальные (!), но и как определяемые также иным типом детерминации» [28; с. 27]. Отметим, что разноуровневые сопряженности, оказывается, могут быть не только телеологическими (многомногозначными), но также и каузальными (однозначными), что для привычного подразделения системы на разно-, либо одноуровневые зависимости представляется, по меньшей мере, недоразумением.

Итак, покуда разноуровневые свойства индивидуальности детерминируются не только телеологически, но и каузально, причинно-следственно, – разные иерархические подсистемы переменных обнаруживают однозначную взаимосвязь. Это обстоятельство отнюдь не противоречит положению В.С. Мерлина о том, что свойства одного и того же уровня сопряжены между собой жестко и непосредственно, закономерно.

На с. 29 он пишет: «Изучение связи между всеми иерархическими уровнями, в настоящее время, невозможно по двум причинам:

1. Неизвестен исчерпывающий состав этих уровней;
2. Часто мы не в состоянии заранее знать, какие свойства относятся к одному и тому же,

а какие к разным иерархическим уровням.

Так, отнюдь не очевидно, что свойства темперамента и отношения личности, или отношения личности и социальный статус относятся к разным... уровням. Это может быть, установлено лишь в ходе самого исследования (т. е. интегрального исследования, интеграции разноуровневых свойств. – Авт.). В конечном счете(!), исследование индивидуальности будет интегральным, даже тогда, когда его объектом окажутся, лишь некоторые свойства нескольких (2–3) иерархических уровней» [28; с. 29].

И действительно, если предположить, что интеграция системы представляет собой «слитие» (а в результате «слитность») специфически закономерных элементов, хотя бы до той стадии, когда останутся только уровни морфосоматический, химический и психологический, то логика ученого, в какой-то мере, становится прозрачной.

Указанная цитата, в одно время, интерпретировалась пермскими учеными буквально, – считалось, что для «интегрального исследования» достаточно соотнесения любых двух-трех «соседствующих» друг с другом подсистем, с установлением меж ними... много-многозначной связи (?), дескать, подтверждающей (?), так называемое «основное положение» теории о «разноуровневости» переменных. Такое понимание неверно еще и потому, что, в данном случае, всеобщей (всеохватывающей), целостной характеристики системы получить не представляется возможным, а значит, вычленив конечный обобщенный результат: неспецифическую, интегральную закономерность.

Вместе с тем, не представляется возможной (в силу технических причин) и одновременная интеграция, в целом, по системе разноуровневых связей, ибо составить общую картину такого разнородного, громоздкого, на первый взгляд, образования, как индивидуальность, можно, лишь суммируя локальные исследования зависимостей соотнесения различных уровней. Когда же это будет произведено на базе экспериментального обоснования, то возьмем, так сказать, и силу собственно теоретическая интеграция.

В целях прояснения особенностей интегрального подхода в изучении системы (имплицитной логики), приведем еще одну цитату В.С. Мерлина: «Для того чтобы исследование... было интегральным, достаточно изучить связи между ограниченным количеством индивидуальных свойств, но относящихся к разным иерархическим уровням. При этом под разными... уровнями надо понимать такие, которые предположительно определяются разными закономерностями.

В ходе самого исследования, разноуровневость изучаемых свойств должна быть проверена на основе объективных критериев, и, таким путем, подтверждена правомерность их выбора (не критериев, но разно- или одноуровневых элементов. – Авт.). В качестве представителей разных уровней, необходимо выбирать (т. е. для проверки одно-, «разноуровневости». – Авт.) не любые изолированные свойства, а лишь такие комплексы, которые определяют закономерную (типологическую. – Авт.), относительно замкнутую систему.

Например, для нейродинамического уровня такими образцами, могут быть показатели силы и лабильности, потому что их сочетание характеризует тип нервной системы. Для психодинамического – эмоциональность и экстраверсия, потому что их сочетание характеризует тип темперамента» [28; с. 28–29].

И еще раз, закрепим основную авторскую мысль: «В интегральном исследовании, элементами являются индивидуальные свойства человека, которые, в свою очередь, характеризуются многомерными показателями (симптомокомплексов, проявлений

свойств. – Авт.). Элементы рассматриваются как относительно устойчивые, на протяжении определенного времени, и относительно тождественные(!) при разном их взаимоотношении (системных перестройках. – Авт.). Подсистемы интегральной индивидуальности подчиняются, по предположению, одним и тем же закономерностям... Различные подсистемы... подчиняются различным закономерностям, и задача заключается в том, чтобы проверить это предположение [28; с. 46–47].

Иначе говоря, в процессе интеграции системы («интегрального исследования», изложенного в монографии), судя по предположению ученого, мы должны прийти к одной и той же (неспецифической, единой, общей) интегральной закономерности.

Отсюда наиболее фундаментальным заблуждением большинства исследователей является тот факт, что однозначно-каузальные зависимости переменных квалифицируются ими, как связи одноуровневые (к примеру, только свойств темперамента или только свойств личности); в то время, как неоднократно акцентируемые на протяжении всей книги В.С. Мерлиным телеологические (много-многозначные) зависимости – напротив, разноуровневыми корреляциями. И, собственно, на этом книжном знании их «поисковая активность» обрывается.

Мы выяснили, что разноуровневые связи могут проявляться двояким образом: не только как телеологические, но также и как жестко-однозначные (причинно-следственные, каузальные). Однако, зная даже этот важнейший постулат теории, исследователи дальше не идут...

А между тем, – на практике, в реальной жизни, мы имеем дело не с «частями» человека, механически «сцепленными» в модель, но именно с его живой (функционирующей, развивающейся) индивидуальностью, чья целостность и нераздельность в функционировании и развитии – неоспоримы. Поэтому под разноуровневым «слитием» при однозначной каузальной сопряженности, необходимо разумеется лишь то, что элементы разных уровней «становятся»... безуровневыми, – или одним и тем же целым, моносистемой с неспецифичной специфичностью.

Иной вопрос, что действующая моносистема, сохраняя безуровневую «слитность» (целостность), претерпевает перестройки функционального характера и видоизменения, активно и сравнительно пластично (гибко) адаптируясь не столько к «внешним», сколько к внутренним условиям существования (если иметь в виду, как специфические свойства и проблемы типов, так и неспецифичную активность свойств).

Соотнесение условий, по большому счету, также представляет интегральное единство целого, поскольку «внешнее» как деятельность (во внешнесредовых условиях) [28; с.161] – всегда есть внутренне-индивидуальное по отношению к субъекту, и, надо полагать, не только в отраженных формах индивидуально значимого мира.

Таким образом, причинно-следственная связь от «низших» к «высшим» свойствам объясняется не «снятием», а «слитием» (в причинно-следственное тождество); связь отражает равно– или однозначность всех разноуровневых элементов (т. е. с одним значением), и, следовательно, получающих определение одних и тех же гомоморфных свойств. При каузальном тождестве система индивидуальных корреляций из разноуровневой трансформируется в «одноуровневую» и подчиняется, естественно, одной и той же каузальной, неспецифической закономерности.

В итоге интеграция в единый «уровень» (моносистему) приводит к специфическому тождеству: 1. единой (однозначной) сопряженности и 2. одних и тех же (равнозначных)

переменных. Это и есть не что иное, как эквивалентность (адекватность) объективного критерия объекту, в математической оценке «одно-разноуровневости» последнего [2 - Хотя объединение «частей» под «общим знаменателем» мерила связи, мы называем интеграцией системы, было бы, однако, преждевременным считать, что выход на одни и те же уровни автоматически приводит к абсолютной интегральной целостности. Ибо представить «одинаковым» такой конгломерат из свойств, какой, на первый взгляд, являет индивидуальность, кажется действительно невообразимым. И в самом деле, соматические, биохимические, нейро(психо)динамические, – наконец, детерминированные «социально» (в том числе, психосоциологические) уровни и элементы, тождественными, вряд ли, назовешь. Между тем, о выходе на абсолютность интегральной индивидуальности, мы вправе говорить, однако лишь тогда, когда границы между «абсолютно» разнородными и специфическими уровнями будут стерты («слиты»). Причем, абсолютизм системы должен быть достигнут не посредством статистического аппарата связей, но лишь посредством непосредственного (теоретического) «слития» тождественных, но все же, «разноуровневых» системных компонентов. Для этого необходимо предпринять дальнейшее исследование: интегральные анализ-обобщение одних и тех же и, в то же время, «не одних и тех же» переменных, как отмечалось, так сказать, в «неспецифическую специфичность».]

В данном контексте, логично рассудить, что жесткость корреляций, относительная замкнутость отдельных подсистем, чьи элементы образуют в «слитии» закономерный тип, закон [28; с. 27–29], ни в коей мере не противоречит замкнутости и закономерно-жестким связям целостной (одной и той же) индивидуальности. Что же до гибких отношений элементов, не менее логичным будет вывод, что коль скоро мы имеем «слитую» систему гомоморфных подсистем, – то много-многозначные зависимости могут проявлять себя, лишь в рамках гомоморфно-«слитой» целостности или жестко каузального (причинного) закона. И потому, «парадоксальность» (правомерность) однозначной много-многозначности и много-многозначной однозначности, на этот счет, не может вызывать сомнений.

Еще раз повторим: в своей работе В.С. Мерлин прямо отождествлял определенный тип детерминации с определенным типом связей (соответственно – телеологическая (много-многозначная) и каузально-однозначная зависимости), но не отождествлял их прямо с одно– или разноуровневостью составляющих, резонно «полагая», что отнесение последних к «разноуровневым» требует проверки. Отсюда вывод: когда мы говорим о каузальной связи как системно-«вертикальном» целом, то это, в равной мере, имеет отношение и к соответствующей «слитой» обусловленности.

Напомним, что причинная тотальность «вертикальных» корреляций отражает смысл моноструктуры равнозначных свойств; следовательно, учитывая тождество триады каузальной сопряженности, детерминации, а также гомоморфных уровней и компонент, мы получаем интегрально-«слитую» причину как моносистему (тип индивидуальности), обладающую собственной детерминацией.

Именно так, по-видимому, разрешается вопрос о самопричинении, самодетерминации закономерных-объективных свойств, хронологически-процессуально выражающейся в их же имманентной актуализации и саморегуляции (целенаправленной (телеологической) активности). Вместе с тем, процессуальность эта, как функционирование и развитие, изменчивость активной самости интраобъекта, надо полагать, не требует особых разъяснений, относительно своей... закономерной неизменности в стабильном качестве.

Для ясности необходимо, все же, отграничить: 1. неизменность непрерывного движения (изменчивости) как объективного закона и 2. жестко-каузального закона, в чьих пределах абсолютно выражены стохастические изменения. При этом сам закон как некоторая статичная инварианта и константа, вне собственной динамики как абсолютного функционирования (развития), существовать не может.

А вот что пишет В.С. Мерлин: «...для должного обоснования различных типов связей... необходимо рассмотреть их в развитии. Структура индивидуальности, рассматриваемая вне развития (включая вероятностную саморегуляцию. – Авт.), выступает перед нами, прежде всего, как описательная. Только в процессе развития (или текущего функционирования, – без разницы. – Авт.) обнаруживается закономерность этой структуры (как объективной данности. – Авт.) и движущие силы, ее порождающие» [28; с.140]. К последним, без сомнения относится самопричина индивидуальности (тождественные ее свойства) – т. е. объективный самодетерминируемый, целенаправленный закон.

«Предполагается далее, что связь между биологически и социально обусловленными... свойствами, между физиологическими свойствами и психологическими, между темпераментом и свойствами личности, между свойствами личности и социальными ролями и т. п. изменяется, в зависимости от индивидуальной организации деятельности» [28; с.49]. А значит, видоизменяются одни и те же элементы, перечисленные выше, ибо одна и та же статистическая сопряженность (каузально-телеологическая) отражает не столько статику, сколько динамику(изменчивость) системы, ее хронос, временные отношения.

«Постоянную («жесткую») связь внешних агентов с ответной деятельностью организма, – гласит учебник по физиологии ВИД, – обеспечивают безусловные рефлексы, а временную («пластичную», инвариантную, точнее – варибельную, гибкую и стохастическую. – Авт.) – условные рефлексы. Именно хроничность условных рефлексов, способность к их долговременному сохранению в памяти, а также свойство «изменчивости» (перестройки) условных рефлексов в зависимости от среды, ситуации лежит в основе индивидуального приспособления, накопления индивидуального опыта, научения, знаний» [14; с.131].

Надо думать, что и развитие (изменчивость) рефлекторных свойств индивидуальности (генотипа), в их закономерно-стохастических связях с природно-социальной средой, имеет те же самые условно-безусловные характеристики (два типа отношений), присущие условному рефлексу. Что же касается, так называемых «новообразований личности», обнаруживаемых в процессе развития, то факт их разновременного появления в онтогенезе, целиком следует отнести к саморазвертке и изменчивости генотипа (интегральной индивидуальности), через равновероятное взаимодействие с миром на протяжении всей жизни особи.

Отражение динамической организации моносистемы, не входит в задачи предлагаемой главы монографии, ибо сейчас нас интересует интеграция по «вертикальной» статике иерархичных индивидуальных уровней, что, в принципе, с формальной точки зрения, и было уже проведено. В итоге «слития» при однозначной разноуровневой связи, мы получили гомоморфную моносистему (одни и те же, тождественные свойства), – т. е. иерархию и разноуровневость трансформировали (интегрировали) в «одноуровневость» или однородность(!), равнозначность переменных [3 - Напомним, принцип или метод

дополнительности, выдвинутый Н. Бором в связи с интерпретацией квантовой механики, формулируется, в общем плане, так: «Для воспроизведения целостности явления на определенном «промежуточном» этапе его познания, необходимо применять взаимоисключающие и взаимоограничивающие друг друга «дополнительные» классы понятий, которые могут использоваться обособленно в зависимости от особых (экспериментальных и др.) условий, но только взятые вместе, исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию. Посредством принципа... Н. Бор стремился разрешить один из «парадоксов» квантовой механики, которая показала недостаточность старых классических понятий и, в то же время, на ранних этапах не могла обойтись без них». С помощью метода «... устанавливалась эквивалентность (равнозначность) двух классов понятий, описывающих противоречивые ситуации...» [15; с. 133].].

Для подтверждения сего достаточно привести, лишь некоторые высказывания самого В.С. Мерлина, которые фрагментарно (имплицитно) разбросаны на протяжении книги. Например: «Последний аспект характеристики личности – самосознание. Оно имеет сложный и многосторонний характер. Мы выделяем, только некоторые свойства самосознания, сопоставляемые с психодинамическими свойствами. Одно из них – самооценка (из свойств самосознания или темперамента? – Авт.). У Р. Кеттела самооценка, проявляющаяся в самонадеянности или, наоборот, в неуверенности в себе, связана с экстраверсией-интроверсией. По данным В. Магуна (1977), самооценки ответов на экзамене и самооценки интеллекта связаны с показателями тревожности по Д.Тейлор... и т. д.

Таким образом, каждое свойство самосознания (подструктуры личности. – Авт.) связано с двумя-тремя различными психодинамическими свойствами и, наоборот, одно и то же психодинамическое свойство связано не менее чем с двумя разными свойствами темперамента» [28; с. 105–106]. Хотя одно и то же свойство темперамента, как экстраверсия, должно бы коррелировать не менее чем с несколькими свойствами самосознания.

Еще пример: «Таким образом, экспериментальные данные говорят о много-многозначной связи между социометрическим статусом и индивидуальными свойствами. Существенно, что этот тип связи установлен на различных ступенях возрастного развития: у дошкольников... в младшем юношеском возрасте... в старшем юношеском возрасте... Следовательно, он прямо не зависит ни от возраста, ни от специфической возрастной деятельности.

В некоторых случаях, этот тип связи обнаруживается между социометрическим статусом и одними и теми же интраиндивидуальными свойствами [4 - Приведем еще пару свидетельств по поводу одних и тех же свойств, со слов самого В. С. Мерлина: «У спортсменов в различных видах спорта, одни и те же свойства типа нервной системы и темперамента связаны с различными симптомокомплексами качественных особенностей моторики» [28; с. 173]. «Существенный призрак индивидуального стиля, в предметной деятельности, заключается в том, что между операциями, зависящими от одних и тех же свойств индивидуальности, имеется статистически значимая связь» [28; с. 187].]. Например, связь... статуса с тревожностью по темпераменту и тревожностью ожиданий при общении (одними и теми же свойствами генотипа – Авт.) установлена и у дошкольников, и у студентов» [28; с. 126–127].

Заметим, статус также нужно относить к одним и тем же интраиндивидуальным

элементам, равно как и биохимические, морфосоматические, нейрофизиологические, темпераментальные, личностные свойства, – т. е. в случае, когда речь идет о «разноуровневом» закономерном типе. Видоизменения закономерного (генотипического) личного статуса, в процессе развития, суть закономерно-стохастическая связь, ибо телеологичность каузальной связи, как целенаправленность причинного закона, – есть та же самая причина, работающая в вероятностном режиме.

Иначе, подчинение одной и той же интраиндивидуальной, неспецифической закономерности одних и тех же свойств, касается всей «разноуровневой иерархии» системы. «Рассмотрим развитие связей между индивидуальными свойствами, прежде всего свойствами, которые подчиняются общей закономерности, например, между свойствами нервной системы, между свойствами темперамента, между свойствами личности и т. д. (здесь В.С. Мерлин уже явно лукавит, поскольку перечисленные подсистемы носят, якобы, специфический характер, подчиняясь специфическим закономерностям. – Авт.).

Корреляция между индивидуальными свойствами нервной системы, наблюдаемая в зрелом возрасте, отсутствует в раннем детском возрасте. Так, у старших школьников не было установлено связи между тревожностью и ригидностью, ригидностью и импульсивностью, экстраверсией-интроверсией (какие же это свойства нервной системы?! – Авт.)» [28; с.145].

Кстати, чтобы не возникало недоразумений по поводу понятия гомоморфности, – т. е. однородности, подобности разноуровневых элементов, укажем, что ученый использует его в своем «исследовании», сравнительно редко, но, разумеется, с тем, дабы опять, же подчеркнуть идею тождественности, монизма системы индивидуальности.

Например: «При интегральной линейной и нелинейной зависимости комплекса свойств темперамента от одного свойства нервной системы или от их комплекса, существует гомоморфность типа темперамента и типа нервной системы» [28; с.85]. Здесь, вроде бы, все понятно, но как расценивать такое заявление?

«Итак, три стороны психологической характеристики личности – отношения, стилевые (или инструментальные) свойства и самосознание – связаны с психодинамическими свойствами много-многозначно. Сопоставим много-многозначность связей психодинамических свойств, с одной стороны, со свойствами нервной системы, а с другой, – со свойствами личности. В обоих случаях, наряду с много-многозначностью, обнаруживается гомоморфность (т. е. «разноуровневая» однозначная взаимосвязь. – Авт.). В каждом факторе Р.Кеттела имеются два полярных симптомокомплекса отношений и свойств личности, и в каждом симптомокомплексе – полярные психодинамические свойства (а значит, и свойства нервной системы. – Авт.)» [28; с.106].

Эта полярность противоположных типов и проливает свет на то, как выявляются так называемые разноуровневые однозначные зависимости, поскольку «телеологические» связи (много-многозначность), устанавливаемые при сопоставлении различных исследований, свидетельствуют лишь об их (связей) случайном характере; в то время как зависимости каузальные, как разноуровневая однозначность – типологически закономерны.

«...если взять всю выборку бригадиров, независимо от индивидуального стиля, то свойство лидерства, у них, сопряжено с очень разными связями между свойствами темперамента и личности. Связь между индивидуальными свойствами здесь много-многозначная. Если взять бригадиров с определенным стилем, то связь будет однозначная

(имеется в виду определенный тип лидерства и стиля («коллегиальный» (слабый, сильный типы), «директивный» (сильный)), в которых нервная система, темперамент, личность и метаиндивидуальность суть одни и те же подструктуры. – Авт.)» [28; с. 135–136].

При более внимательном прочтении разделов книги мы обнаруживаем именно такую имплицитную картину: вначале – иллюстрация, мол, много-многозначных связей, полученных на материале разных, зачастую, малосвязанных исследований разных авторов (на разных выборках) и, лишь затем, когда вопрос стоит о связи разноуровневых типов, В.С. Мерлин имплицитно констатирует их однозначно-каузальную детерминацию. Например, одни и те же свойства сборных закономерных «разноуровневых» типов: 1) слабость НС – тревожность по темпераменту – тревожность по отношению – низкий социометрический статус; 2) сила НС – агрессивность по темпераменту – личностная агрессия – низкий социометрический статус; 3) сила НС – экстраверсия – общительность – высокий статус.

Сознательно ограниченные нами, лимиты данной главы монографии, не позволяют дать исчерпывающих сведений по поднятой проблеме интеграции системы индивидуальности. Так, за пределами главы, остались вопросы более глубокого освещения особенностей интегрального метода, тождества двух основных типов детерминации и связи, и, в частности, важнейшая проблема новой «локализации» много-многозначной, а также однозначной «разноуровневой» сопряженности. Не представляется возможным раскрыть такой существенный пласт интегрального исследования, как разноуровневые каузальные и стохастические типы в плане развития системы; вообще – проблемы динамики конституционального типа: функционирования, развития и главное, генетической изменчивости его, что, собственно и является кардинальной задачей изучения индивидуальности.

Ключ к подлинному пониманию теории В.С. Мерлина – однозначная разноуровневая связь, отражающая одни и те же, относительно тождественные одноуровневые элементы, – вызывает к жизни новую логику построения теоретической модели человека. Прежде всего, аннулирует принцип иерархизации системы, принцип подчинения разных специфических уровней разным закономерностям, а также ведет к пониманию индивидуальности как человеческого генотипа(!), во всем многообразии его «биологических» и «социальных», «физиологических» и «психологических», «интра»– и «метаиндивидуальных» свойств.

Глава 2

Интеграция системы: конституциональные типы и их наследственная изменчивость

Если исходить из «незыблемых» теоретических постулатов теории, много-многозначные связи свойств возникают между всеми иерархическими уровнями. Основным опосредующим звеном в этих случайных зависимостях выступает тот или иной индивидуальный стиль (пищевой, моторной активности, деятельности или общения). Далее предполагается, что «...связь... изменяется в зависимости от индивидуальной организации деятельности» [28; с. 49.] – т. е. надо думать, что в зависимости от индивидуального стиля должна измениться не какая-либо, а именно случайно-

вероятностная сопряженность элементов.

Вместе с тем, по мере изложения теоретического и экспериментального материала, В.С. Мерлин говорит еще и об изменении характера связи, обусловленного усвоением (точнее – выработкой) того или иного индивидуального стиля.

Таковы исходные предпосылки наших последующих размышлений. Итак, при каких условиях имеет место много-многозначная связь? Прежде всего, она обнаруживается на выборке (выборках) испытуемых, когда каждое индивидуальное свойство одного уровня коррелирует с различными свойствами другого, и наоборот. Однако когда мы имеем дело с определенной типологической группой (группами), – зависимости свойств, меж уровнями, должны быть однозначными.

В каких случаях обнаруживается, а также изменяется много-многозначность отношений элементов или, точнее, характер связи? Когда мы имеем дело с:

1) не с целой выборкой, а с определенными закономерно-типологическими группами, их видоизменением (стохастический первичный стиль);

2) когда в зависимости от вторичного типологического стиля, характеризующего ту или иную стохастическую группу (тип), первичная телеологическая сопряженность трансформируется в иную много-многозначную зависимость, при сохраненных закономерных связях типа.

Вместе с тем телеологическая связь, характерная для определенной типологической группы, может обратно трансформироваться (видоизмениться) в иную много-многозначную зависимость. При каких обстоятельствах?

1. Когда от первичных и вторичных типологических групп мы переходим к выборке либо выборкам испытуемых; когда вероятность наличия того или иного закономерно-стохастического типа сохраняется.

2. Когда типологическая группа, характеризующаяся вторичным индивидуальным стилем, трансформируется обратно в стохастическую (закономерную), но первичную типологическую группу.

Иначе говоря, так называемое «изменение» характера межуровневой связи есть видоизменение одной и той же много-многозначной связи, при сохранении закономерно-каузальной сопряженности, которая и отражает разноуровневый «слитый» каузальный тип. Следовательно, «слитность» («одноуровневость») касается и телеологической зависимости, независимо – первичного она, либо вторичного порядка, и, следовательно, мы вправе говорить о закономерно-стохастической (относительной) тождественности свойств наследственного типа, отражаемого, фактически, одной и той же однозначно-много-многозначной связью, в функционировании и саморазвитии системы.

Обратим внимание на ту цитату, в которой В.С. Мерянным дается «разъяснение», – в чем, собственно, состоит различие двух «противоположных» типов зависимостей-корреляций:

«Для различения разноуровневых и одноуровневых связей индивидуальных свойств, необходимы те же математические критерии, которые применяются при изучении всякой большой системы. Много-многозначная связь заключается в том, что каждая переменная множества А связана с несколькими переменными множества В, а каждая переменная множества В связана с несколькими переменными множества А.

Явления одного и того же иерархического уровня связаны однозначно. Своеобразие однозначных связей в том, что в каком-либо из сопоставляемых множеств А и В (а речь идет об одном и том же уровне. – Авт.) всегда имеется один элемент, с которым связаны

элементы другого множества. Существует несколько разновидностей однозначных связей. При взаимно-однозначной связи переменная a связана только с переменной v ... (и наоборот. – Авт.). Водно-многозначной связи одна переменная множества A связана с несколькими переменными множества B . В много-однозначной связи одна переменная множества B связана с несколькими переменными множества A » [28; с. 40–41].

Точно так же, приводя эту цитату в собственных работах, заметим, ни один из наиболее известных ученых пермяков [6; 9; 16] не уловил того, что разницы между однозначными и многозначными зависимостями, которую «подчеркивает» В. С. Мерлин, увы, не обнаруживается. Если при много-многозначной связи, каждый элемент обоих множеств коррелирует, по сути, с каждой переменной тех же множеств, то получается, что нет ни одного какого-либо свойства, которое не коррелировало бы, так сказать, с самим собой.

Явления одного и того же уровня (а речь идет о тех же «разных» множествах или уровнях, что и при много-многозначной связи (A и B)), по сути дела, носят ту же самую характеристику, что и при «разных» множествах. Один и тот же элемент, который, мол, всегда найдется (а такой всегда найдется при разновидностях триады однозначной связи), – есть, фактически, одна и та же (каждая межмножественная переменная, которая всегда найдется и в «нижележащем», и в «вышележащем» уровнях. Если соединить в единство такие «перевертыши», как одно-многозначная и много-однозначная зависимости, мы получаем ту же много-многозначность в рамках одного и того же (не «разных») множества, составленного из множеств A и B .

Вместе с тем, на выборке, как отмечалось, телеологические связи носят лишь случайно-вероятностный характер, тогда как разделение их на противоположные типологические полюса дает закономерный, однозначно-каузальный тип зависимостей. При статике системы связей, много-многозначность разбивается на одно-многозначность-много-однозначность полюсов, и получение обоих противоположных типов (однозначной каузальной связи), в принципе, становится возможным.

Иной вопрос, что тип во времени функционирует и развивается, а также видоизменяется по стохастическим законам и, значит, однозначно выступает всегда лишь, как закономерно-стохастическая корреляция.

Между тем, стохастический характер телеологической детерминации предполагает равную вероятность (зону неопределенности) достижения тех или иных целей (целесообразного развития), которые локализируются, однако, не во вне, а определяются (точней, – осознаются), вольно или невольно, самим субъектом целевой активности. Равная вероятность, по мере движения к целевому удовлетворению потребности, обнаруживает различную (разную) вероятность ее реализации, в зависимости от выбора программных способов и средств, во многом обусловленных особенностями наследственного типа. Точно так же, тот или иной вариант развития какого-либо типа, в зависимости от условий «внешне»-внутреннего выбора, из равновероятного, во времени и месте, трансформируется в разноразный, устанавливающийся в рамках зоны определенности развития. Выбор, собственно, и есть тот шаг, который предопределяет однозначное решение проблемы (в т. ч. развития): либо остановиться на достигнутом и/или двигаться уже по адаптированному пути; либо активно адаптироваться, преодолевать препятствия, как в собственном развитии, так и функционировании, текущем приспособлении, что в данном контексте и есть не что иное, как зона перманентной неопределенности(!), изменчивости генотипа.

Вместе с тем, нельзя недооценивать ту зону целевой, а также и типологически

развертывающейся определенности, которая, незримо, внутренне присуща индивидуальным свойствам, по сути дела, на любом этапе целевой активности и онтогенетической развертки. Ее наследственный характер, как каузальная закономерность конституционального типа, носит неизменные (константные), устойчиво-инвариантные особенности; тогда как зона вероятности ее функционирования (развития) во многом обусловлена не только генотипом, но и одной и той же вероятностной средой. Последняя же отражается все тем же генотипом, а потому представлена лишь субъективно (!), в отраженной форме.

Именно поэтому телеологическая (целевая) или много-многозначная детерминация, в сущности, есть субъективно-объективная причинно-стохастическая связь: с одной – стабильно-жесткой стороны, – константная, инвариантная, неспецифичная, абсолютная (закономерная), с другой, – непостоянно-гибкой, – изменчивая, переменная, специфичная и относительная (вероятностная).

Из сказанного вытекает решение проблемы не диалектического, но интегрального «соотношения» двух типов самодетерминации (связи со средой) системы генотипа. А именно: ведущей роли, в «слитии», причинно-следственной «зависимости» свойств по отношению к их (свойств) той же телеологической «зависимости»; а также роли стохастичности («случайной» вероятности причины), как способа существования необходимого, закономерно-абсолютного, существенного, однозначного, – т. е. существования во временных, закономерно-относительных и вероятностно-закономерных отношениях.

Отсюда неустойчивый и гибкий, временный характер много-многозначности Закона (генотипа), который включает в себе также внутреннюю жесткость и стабильность, абсолютность самого себя (в т. ч. и абсолютность стохастичности) и может, по большому счету, проявляться лишь в функционировании (деятельности), развитии, изменчивости, опять же, самого себя (!), в тождественности многофакторного однозначного. Отсюда и определения: авто(!)функционирование, как само(!)регуляция; само(!)развитие и видо(!)изменение, интра(!)система, поскольку речь идет о внутренней активности, само(!)движении само(!)тождественной закономерной Самости.

Не случайно, несмотря на то, что тот или иной тип (общее) характеризует однозначная разноуровневая связь, В.С. Мерлин заостряет внимание читателя не на закономерной (общей), а иной – стохастической типичности, понимаемой как «статистически наиболее вероятная связь между свойствами» [28; с. 30.].

«Типы, образованные по различным статистическим критериям, мы встречаем в исследованиях не только одноуровневых, но и разноуровневых свойств, т. е. в интегральных характеристиках индивидуальности (например, у У. Шелдона, Г. Айзенка... и др.). В статистически разноуровневых типах выражается какая-то объективная детерминация, чем в одноуровневых типах. В стохастических разноуровневых типах проявляется конечное множество полюсов в многомерном пространстве, в пределах которых варьируются интегральные индивидуальности» [там же; с. 30–31].

Если исходить из поверхностно воспринимаемой, логики автора монографии, типы, относящиеся к одному и тому же уровню, – закономерны. Следовательно, разноуровневые типы должны определяться телеологической, случайно-вероятностной детерминацией, – ведь подсистемы индивидуальности связаны между собой «много-многозначно»... Но если иметь в виду тот факт, что разноуровневые связи обусловлены также и каузально, причинно-следственно, то можно предположить, что существует и разноуровневые

закономерные, не вероятностные типы.

Между тем, «при системном подходе, наиболее важно различие не случайного и достоверного, а разноразвернутого и равноразвернутого... Для такого различия нужны особые математические приемы, основанные на уравнениях А. Маркова» [28; с. 40.], ибо как отмечалось, стохастические отношения есть способ существования закономерного и абсолютного (как достоверного). Другими словами, существование (функционирование, развитие) закономерного и однозначного возможно, лишь во времени, вероятности. Иной вопрос – его изменения в течение времени, которые исходно равноразвернуты, однако, проявляются в реальности лишь разноразвернуто.

«Статистически наиболее вероятная связь», определяемая на выборке (разных выборках) испытуемых, означает обязательное наличие закономерного разноразвернутого типа (типов), предполагающее некоторый относительный итог его развития. Закономерный (или каузальный) тип – это и есть «наиболее вероятная связь» как наибольшая степень вероятности обнаружения наличия абсолютного и достоверного, – т. е. того или иного типа по противоположным полюсам.

Вместе с тем, один и тот же конституциональный тип (полюс), как и его «противоположность», может развиваться в онтогенезе не по одному (одному и тому же), а по нескольким различным вариантам (сценариям). Такова основная «гипотеза» теории [28; с. 152]. Поэтому, естественно, что при отправной точке данного развития, мы имеем равную вероятность «формирования» (обнаружения) того либо иного варианта одного и того же каузального типа; тогда как относительный конечный итог развития оказывается, лишь разноразвернутым, что означает, – как ни парадоксально, – в какой-то мере, отрицание вариативности (различных вариантов). Необходимое, закономерное, через случайно-вероятностное, неизбежно «прокладывает себе дорогу», оставаясь, в сущности, стабильно неизменным, одним и тем же каузальным типом.

Тем не менее, это обстоятельство, отнюдь, не исключает интегрального единства онтогенетической стабильности наследственности и ее изменчивости, вариативности, ибо последние и есть стабильность, точнее, – видоизменение, изменчивость стабильности, как объективного Закона (генотипа), конституциональную природу которого, представленную в форме индивидуальности любого человека, никто не силах изменить, тем паче, отменить.

Далее. Еще одним аспектом проблемы индивидуальностных типов (исходя из их закономерно-интегрального характера), является соотношение биологически и социально типичного в системе разноразвернутых составляющих. В.С. Мерлин именуется его как «связь интегральной характеристики с социальными типами личности и типами социальных групп». Между тем, «социальные типы определяются не статистическими связями, а объективными социальными закономерностями одного определенного иерархического уровня. Это типы личностей, коллективов, социальных групп, общественные классы.

Социальные типы – типичное и общее в ленинском понимании, как закономерное (например, классово типичное, но не в мерлинском понимании интегрально-закономерного. – Авт.). Какова связь между этими понятиями и интегральной характеристикой индивидуальности, содержащей несколько иерархических уровней?» [28; с. 31].

В своем труде В.С. Мерлин утверждает, что «не существует классовых типов конституций человека, типов нервной системы или единого типа межличностных

отношений». И все это звучит вполне убедительно и, вроде бы, соответствует действительности. Однако рассмотрим один пример из представленного, в монографии, фактического материала, который, наряду с примерами, где речь идет о статистически значимой (однозначной) связи коммунистического отношения к труду с индивидуальным стилем, однозначно обусловленным свойствами нервной системы и темперамента [28; с. 32], – проливает свет на отношения биологического и социального в структуре индивидуальности: слабость нервной системы однозначно обуславливает психодинамическую тревожность, тревожность также однозначно – тревожность по отношению, а отношение личности (тревожность) – низкий социометрический статус (имеются в виду экспериментальные исследования, выполненные разными авторами), например, [28; с. 100, с. 129].

В данном случае, мы имеем дело с разноуровневым закономерным (каузальным) типом индивидуальности, в котором социально и биологически типичное связаны однозначно. Думается, что факт этот, определяющий связи «низших» биологических подсистем с подсистемами личности и метаиндивидуальности (социально-психологический уровень), мог бы послужить реальной основой установления однозначной закономерной зависимости и с другим, «высшим» уровнем системы – психосоциологическим.

Однако не все здесь так просто. Проблема связи интраиндивидуальности с социальными типами личности и типами социальных групп, в которые она включена, в виду особой сложности, требует отдельного серьезного рассмотрения.

Между тем, говоря о закономерных типах, В.С. Мерлин утверждает совершенно обратное, относительно приведенного примера: «Основное отличие каждого иерархического уровня свойств – специфические законы, которым они подчиняются. Поэтому, не существует типов, образованных по принципу общего, существенного и закономерного, типов, которые можно было бы применить к разным иерархическим уровням» [28; с. 29]. Выходит сие заявление – фикция? Получается так. Причины, побудившие ученого к намеренному искажению действительного положения дел в теории, думается, специально раскрывать не стоит.

Итак, закономерные (объективные) разноуровневые типы свойств реально существуют. Их выявление по противоположным полюсам внутри случайно-вероятных, много-многозначных связей на выборке (выборках), и есть первичная интеграция индивидуальности «сборной» выборки. Иными словами, речь идет о нахождении среди «иерархии» случайно-вероятностных корреляций между специфическими уровнями, существенного и закономерного, которые могут обнаружиться, лишь в том случае, если мы обратимся к отдельным экспериментальным исследованиям соотношения от силы двух или нескольких, специфических подсистем. Ибо охватить все уровни разом, как это умудрился сделать, например, А. Щebetенко [6], едва ли представляется возможным.

После того, как эта предварительная процедура произведена, имеет смысл реализовать то, что называется собственно интеграцией системы или «слитием» по каждому, конкретно взятому, полярному типу. Закономерным следствием означенной процедуры окажется, что свойство темперамента (тревожность), по сути, представляет собой свойство нервной системы, а отношение личности (тревожность по отношению) – свойство темперамента; низкий социометрический статус (тревожность «изолированного») – отношение личности (к самой себе).

Однако привычное умозрительное восхождение «снизу-вверх» (или, наоборот) по иерархической «пирамиде» системы, в данном случае, заведомо ошибочно. Ибо, как уже

отмечалось, мы имеем дело с одними и теми же, тождественными, «слитыми» свойствами индивидуальностного конституционального типа. А посему, говорить о какой-либо их иерархии, здесь попросту нет смысла. Проще сказать, иерархия устраняется, отменяется, – ее, вообще, не существует.

Что же касается «гипотезы» В.С. Мерлина, относительно принадлежности элементов (биохимических, соматических, нервной системы, темперамента и т. д.) к разным иерархически специфическим уровням, то она, судя по его же имплицитной логике, увы, не подтверждается. Напротив, подтверждается «одноуровневость» переменных, отнесенность их к одной и той же структуре, – одному из интегральных генотипов индивидуальности.

В этом, собственно, и заключается суть интегрального исследования, предпринятого на страницах монографии (естественно, только поверхностная суть). Однозначные и много-многозначные связи свойств, являющиеся одним из наиболее важных аспектов предмета данного исследования, и есть то, что В.С. Мерлин назвал системой индивидуальности; разноуровневые же каузальные связи (типы) как первичный его результат, обозначают, фактически, тождество, равнозначность составляющих иерархических подсистем, – т. е. индивидуальность, но уже интегральную.

Впрочем, одной лишь типологической интеграцией, изучение элементов системы отнюдь не исчерпывается. Интегральный каузальный тип, взятый сам по себе, как некое статическое образование, еще ничего не объясняет в плане понимания того, каким образом, казалось бы, совершенно разнородные свойства, уровни и даже целые блоки индивидуальности могут быть «одним и тем же».

И верно, реализация процедуры «слития» в единое целое огромного количества переменных организма, темперамента, личности, множества ее статусов и ролей в рамках одного из нескольких основных индивидуальностных типов, является, одновременно, и процедурой «слития» биологически и социально (социологически) обусловленных; соматических, физиологических и психических элементов системы. И как все это многообразие можно объединить, за счет чего, за счет каких оснований, на первый взгляд представляется, действительно, непостижимым.

Между тем, кажущиеся, – лишь кажущиеся, – невероятность, неправдоподобность идеи «абсолютной» однородности, «абсолютного» тождества моносистемы, – есть, в сущности, величайшие иллюзия и заблуждение человечества, в т. ч. и величайших его умов. А посему, четкое прояснение «немыслимой» противоречивости подобной идеи (иначе – преодоление «мыслительных барьеров»), в данной связи, видится актуальнейшей теоретической, а, в дальнейшем, и практической необходимостью.

Но на одном лишь «слитии» разноуровневых свойств в интегральный тип, далеко не уедешь также и по другому основанию. Для иллюстрации того обстоятельства, что последний представляет собой не просто «застывшую» статику, некоторой равнозначной совокупности, устойчивых элементов, приведем еще один пример возможного варианта одного и того же, «слитого» конституционального типа индивидуальных переменных: – слабость нервной системы однозначно обуславливает тревожность по темпераменту, однако личностная тревожность, в результате выработки индивидуального стиля деятельности или общения, может быть, так сказать, скомпенсирована. Связь между психодинамической тревожностью и тревожностью ожиданий становится незначимой или вовсе исчезает. Иногда появляется даже «новое» свойство (очевидно, «нетревожности», «беззаботности»). Высокий социометрический статус (к примеру, «звезды»), как результат

трансформации статуса низкого, благодаря стилю, также коррелирует с интраиндивидуальными свойствами, судя по логике, опосредованно – через стиль (т. е. много-многозначно) [28; с. 129–130 и др. исследования].

В данном случае мы имеем дело уже не с каузальным (закономерным), а со стохастическим типом индивидуальности. Вероятность его развития (обнаружения), в ходе онтогенеза, выражается в том, что в зависимости от опосредующих условий он, грубо говоря, может возникнуть, но может и не возникнуть; и если, все-таки, возникает в реальности, то носит лишь временный, непостоянный характер. Тем не менее в таком случае его следует рассматривать с точки зрения не чисто вероятностного, а, по предположению, также закономерно-вероятностного, подобно каузальному типу.

В известном смысле, положение о равной стохастичности можно отнести, правда, и к первому примеру каузального типа, рассмотренному нами выше. У лиц со слабой нервной системой (с тревожным темпераментом), тревожность ожиданий и низкий социометрический статус также вероятны в постнатальном онтогенезе, но вот встречаются они на выборках или образуются до определенных возрастных периодов (закономерно саморазвертываются) со значительно большей степенью вероятности, чем «противоположные» им, свойства стохастического типа.

В этом, собственно, и заключается, так называемая разная степень вероятности развития того или иного варианта одного и того же конституционального типа. Хотя, по большому счету, речь здесь идет, лишь об одном из аспектов возможного понимания разновременного, – ибо в онтогенезе, помимо базового, могут возникнуть и другие варианты развития, при определенных условиях, редуцирующиеся к первичному типу.

Итак, оба из указанных вариантов вероятны до тех пор, пока не возникли в постнатальном онтогенезе. Однако каузальный (первичный) тип, как следует из сказанного, генетически жестко запрограммирован и, пройдя фазу собственного становления (созревания до определенного возрастного этапа), остается в общей тенденции, в основе, неизменным на протяжении всей жизни индивидуальности (генотипа).

Равная вероятность вариантов именно его само(!)развития в онтогенезе будет выражаться в том, что личностная тревожность (психодинамическая тревожность) и низкий статус (т. е. тревожность «изолированного»), когда нет острой необходимости приспособления, так и останутся одними и теми же неизменными свойствами, определяя лишь синхронно протекающее, с их функционированием, развертывание (развитие), в течение жизни, соответствующих, однозначно связанных, «тревожных» отношений и «инструментальных» симптомокомплексов (черт характера). Тогда как активная адаптация (выработка индивидуального стиля «преодоления» (вторичного стиля) и, прежде всего, связанная с ним успешность деятельности и общения) – может «кардинальным» образом изменить отношение индивидуальности к людям, деятельности, к самому себе и т. п., а значит и ее статус в группе (группах), но, заметим, лишь в условиях определенных ситуаций деятельности и определенных членах контактного объединения, к которым генотип уже сумел адаптироваться.

«Непохожесть» диагностированного по темпераментальной тревожности дошкольника или подростка на «самого себя», – т. е. когда индивидуальностью тип демонстрирует «абсолютно противоположное» психической конституции поведение, – свидетельствует о том, что он таков, лишь в данных условиях и с данными людьми (со сверстниками, взрослыми), что он приспособился, «привык» к ним. Аналогичное поведение наблюдается

у ребенка (взрослого человека) и дома, в кругу семьи.

В иной же, «неотработанной» ситуации деятельности (общения), «тревожный» генотип остается тем же замкнутым, не уверенным в себе, «зажатым» человеком, и будет вести себя адекватным темпераменту образом. В этом и проявляется подлинный смысл разно(!)вероятного развития возможных вариантов, одного и того же, каузального типа, когда зона неопределенности, равной вероятности «нового» вторичного типа сужается до границ первично-закономерного наследственного типа, или зоны определенности.

Вместе с тем, если стохастический тип, – то бишь тип, «противоположный» генетической данности, – все же «набрал силу», укрепился в основных жизненных направлениях (отношениях) деятельности взрослого человека, то его следует рассматривать уже не с точки зрения сугубо вероятностного (неустойчивого и относительного, временного), но особо организованного (стиль самоорганизации), устойчиво-закономерного, но все же стохастического образования индивидуальности.

Впрочем, несмотря на это, наследственные происхождение и природа стохастических типов, а также их высших проявлений, развивающихся на протяжении всего онтогенеза, образуя как бы вторую линию развития, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Для подтверждения сего необходимо разобраться в двух моментах интегральной теории, а именно:

1) в чем состоит действительный смысл первично-вторичной изменчивости, одних и тех же связей «разноуровневых» индивидуальных свойств;

2) какова действительная роль индивидуального стиля, в этой случайно-вероятностной изменчивости одних и тех же элементов.

В последующем изложении будет показано, каким образом исходный интегральный тип (генотип) осуществляет регуляцию собственных свойств, посредством собственного же функционирования (изменчивости), обуславливая тем самым собственное же развитие в изменчивости, на фоне собственной же онтогенетической саморазвертки. Иными словами, речь идет о механизмах саморегуляции и саморазвития системы интегральной индивидуальности, которые, в данной главе, будут рассмотрены на уровне обобщенных устойчивых индивидуальных переменных.

Тип (одноуровневый тип), по утверждению В.С. Мерлина, характеризует определенное, небольшое количество свойств. Например, тип нервной системы проявляется в показателях силы и лабильности, а тип темперамента – в показателях эмоциональности и экстраверсии. Если же говорить о «разноуровневых» каузальных типах индивидуальности, то примером могут быть следующие из них:

1) слабость нервной системы – психодинамическая тревожность – тревожность ожиданий – низкий социометрический статус [28; с. 100, 129 и др.];

2) сила нервной системы – агрессивность при фрустрации – агрессивное отношение к людям – низкий статус в группе [28; с. 99, 125 и др.];

3) сила нервной системы – экстраверсия – общительность – высокий социометрический статус [28; с. 98, 126 и др.].

Следует отметить, что означенные основные варианты возможных индивидуальностных типов (проще – меланхолик, холерик, сангвиник), в принципе, и есть совокупный итог статистического отражения противоположных полюсов континуума «сборной» выборки, которая, как уже было сказано, составляется из отдельных экспериментальных исследований. К таким же полюсам относятся и типы лидерства, характеризующиеся

«коллегиальным» или «директивным» стилем руководства. Последние, в свою очередь, однозначно детерминированы соответствующими типами интраиндивидуальных свойств.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что каждый из указанных интегральных типов, образованных, повторяем, из одних и тех же(!), тождественных свойств, в реальности включает в себя не по одному, как в наших примерах, а по несколько и более элементов, относящихся к «разным» иерархическим уровням. Так, интроверсия, нейротизм, тревожность, высокая чувствительность и некоторые другие свойства темперамента, зависят от слабости и инертности нервной системы. Или наоборот, экстраверсия, эмоциональная устойчивость, преобладающая модальность приятного возбуждения (беззаботность) однозначно, точнее – много-однозначно и одно-многозначно коррелируют с силой и подвижностью, уравновешенностью.

Вообще, надо сказать, магистральная тенденция структуры и развития каузальной детерминации (равно – связи) от «низших» уровней к «высшим», выражается в расширении дифференциации одно-многозначных отношений «разноуровневых» переменных системы. Если взять, к примеру, опять же силу, лабильность и активированность нервных процессов (тип), то каждое из этих взаимосвязанных (одних и тех же) свойств, жестко обуславливает определенные, относительно автономные, а значит, и взаимосвязанные (одни и те же(!)) комплексы свойств темперамента, гомоморфные им; те же, в свою очередь, «каузально детерминируют» гомоморфные комплексы отношений личности и их стилевые симптомокомплексы (как производных отношений, так и свойств характера).

Интегральный индивидуальностный тип, в известном смысле, можно представить в виде разветвленного дерева, в котором «ствол» – основные свойства нервной системы (3–6 шт.), «крупные ветви» – свойства темперамента (около 10 шт.); от них исходят более мелкие: отношения личности (множество производных от основных групп отношений темперамента), и, еще мельче, – производные стилевые симптомокомплексы. Отметим, что речь здесь идет об одном и том же «дереве», одном и том же живом «древесном материале». Наличие особого обозначения свойств в языке, создающих иллюзию их специфической разности, не должно препятствовать пониманию того, что разнообразные и «разноуровневые» свойства типа представляют собой одно и то же, гомоморфное явление.

Поэтому-то, образ индивидуальности, в плане разноуровневой иерархической «пирамиды» (как, впрочем, и дерева), в данном случае не совсем пригоден, и для наглядности его можно использовать лишь поначалу. Отсюда – необходимость нахождения такой абстрактной модели-образа, которая бы в наибольшей степени была адекватна «одноуровневой» реальности интегрального конституционального типа, а именно – модель «наложения» характеристик структур друг на друга. Таким образом, огромная масса индивидуальных свойств – от самых «крупных», наиболее обобщенных, до самых «мелких», «дифференцированных», – суть одно и то же, относительно тождественное образование по «вертикали» и «горизонтали»: интегральный индивидуальностный тип. Естественно, для того, чтобы «сцементировать» всю эту, в декларации, однородную, а на деле – «разнородную» массу, в ней же придется и разобраться, т. е. подвергнуть всестороннему анализу не только по каждой иерархической подсистеме (уровню), но и, по возможности, каждому элементу из числа известных.

Весьма симптоматично то, что В.С. Мерлин на страницах монографии для иллюстрации модели индивидуальности, использует далеко не самые существенные и важные ее

переменные, мотивируя тем, что-де «пока до конца не известен исчерпывающий состав иерархических уровней». Перед нами, притом в имплицитном виде, лишь «остов», фундамент теории, краеугольные принципы устройства системы, – отраженные языком математической статистики, объективные реалии ее разнополюсных интегральных типов.

Между тем, попытка объяснения такого сложнейшего объекта одной лишь «неподвижной» статикой обобщенных свойств заведомо обречена на провал, ибо представление об индивидуальности как некой застывшей массе устойчивых, да еще «разношерстных» и «разнокалиберных» элементов – по меньшей мере, нелепо. Живой человек на то и живой, что находится в постоянном движении, деятельности, развитии, и, в то же время, он остается одним и тем же целостным, неделимым живым человеком, а вовсе не абстрактно-механической схемой, расчлененной на какие-то иерархические уровни и блоки свойств.

Поэтому-то мы и говорим об индивидуальности как однородной (тождественной себе), но непрерывно функционирующей и развивающейся, видоизменяющейся (в тождестве) моносистеме, что, впрочем, не исключает наличия в ней и некоторых устойчивых, стабильных начал, чьи динамические видоизменения являются приоритетным аспектом предмета интегрального исследования.

Каковы ключевые механизмы этой изменчивости в функционировании и развитии; каково их системное обеспечение, какие индивидуальностью структуры задействованы в них? – вопросы, представляющие для нас особый и, пожалуй, наиболее острый интерес. Кроме того, выявление и структуризация наиболее значимых, но латентных, скрытых, «доселе неизвестных» свойств (механизмов; а известны они испокон веков), должно радикальным образом прояснить ситуацию, как с текущим функционированием генотипа, так и с его онтогенетической разверткой, развитием, а также и изменчивостью, как характеристиками индивидуальной жизни человека вообще.

Необходимым условием разрешения данной теоретической (практической) проблемы выступает уже упомянутый тотальный анализ элементов (и их специфических закономерностей), составляющих уровни и блоки индивидуальности; но также интегральный анализ с целью определения (абстрагирования) существенного и закономерного, неспецифического в специфических структурах каждого уровня, в чем, собственно, и заключается стратегия дальнейшего интегрального исследования.

Однако в настоящий момент пока следует ограничиться феноменом наследственной изменчивости моносистемы, который описан в монографии в плане модели неспецифического механизма развития (функционирования) основных интегрально-закономерных типов, их приспособительных стохастических преобразований (трансформаций).

Итак, мы говорили о разнополюсных каузальных (конституциональных) типах, специфические уровни которых сопряжены между собой однозначно. Вместе с тем, если речь идет о типах стохастических, – т. е. «противоположных» конституциональным, – наиболее вероятная, много-многозначная связь «слитых» разноуровневых элементов системы должна изменить свой характер, ибо образуется она через посредство уже не первичного, а особого вторичного стиля. Например:

- слабость нервной системы – психодинамическая тревожность – нетревожность по отношению (уверенность) – высокий социометрический статус [28; с. 129–130 и др.];
- сила нервной системы – агрессивность при фрустрации – контроль враждебности –

относительно высокий статус в группе [28; с 100,189 и др.];

- слабость нервной системы – интроверсия – общительность (общая активность) – высокий социометрический статус [28; с. 132–133 и др.] (что касается экстраверсии или социальной экстраверсии сильного типа, то возможные ее трансформации (видоизменения) тоже имеют место быть, особенно относительно статуса).

Для уяснения такой реальности, как стохастический тип, сравним для начала каждый из приведенных его вариантов с уже упомянутым образом разветвленного дерева (каузальным типом). И не столько на предмет степени обобщенности «разноуровневых» свойств, сколько их декларируемой однородности, равнозначности. При этом легко убедиться, что с ней-то, декларацией «одних и тех же» свойств, как раз ничего и не выходит. Ибо, если при первичных конституциональных типах еще возможно какое-то допущение гомоморфного характера, к примеру, слабости возбуждения (торможения), темпераментальной и «личностной» тревожности, а также связанного с ними низкого социометрического статуса, то в данном случае налицо, казалось бы, абсолютная противоположность исходной генетической данности и «прижизненно сформированных» («социально» обусловленных) образований.

Поэтому логично задать вопрос: откуда здесь взяться разноуровневой однозначной связи (пусть и наиболее вероятной), констатирующей, по имплицитной мысли ученого, относительную тождественность элементов системы? Каким образом одни и те же свойства нервной системы и темперамента, которые, как принято считать, остаются неизменными на протяжении жизни, закономерно могут детерминировать не имеющие с ними «ничего общего» новые связи (или отсутствие таковых) «другой» личности и ее статуса? Как изучаемое свойство (переменные) может оставаться константным, тождественным себе и, в то же время, изменчивым и «не тождественным» себе, – то бишь, не самим собой?

Дело осложняется еще и тем, что коль скоро отношения и статусы подвержены изменениям в онтогенезе, причем «кардинальным», то, следуя утверждениям того же В. С. Мерлина, кардинальной трансформации (разумеется в сторону «гармонизации») подлежат и производные от них симптомокомплексы свойств характера. Вот и выходит, что декларация однозначной закономерной связи, тождества конституциональных элементов с отнюдь не малым, заметим, числом детерминированных «воспитанием и обучением» отношений и симптомокомплексов личности (а также статусов) противоречит не только строгой научной логике, но и обыкновенному здравому смыслу.

В. С. Мерлин даже пишет: «...можно предположить, что воспитывающее управление развитием более эффективно тогда, когда вначале это управление касается перестройки стилевых свойств путем создания оптимальных условий для компенсации отрицательного влияния каких-либо свойств темперамента. Лишь затем, на основе такой перестройки легче и эффективнее изменить отношения личности» [28; с. 105].

А на следующей странице ученым констатируется: «В каждом факторе Р. Кеттела имеются два полярных симптомокомплекса отношений и свойств личности, и в каждом симптомокомплексе – полярные психодинамические свойства. Но наряду с этим в многозначных связях психодинамики со свойствами личности имеется и другое специфическое отличие.

Одно и то же отношение, или стилевое свойство, коррелирует с определенным психодинамическим свойством в одной выборке и не коррелирует, по тем же показателям в другой, однородной по социальным и возрастным признакам, или в той же самой

выборке коррелирует до воспитывающего эксперимента и не коррелирует после. Такого рода факты не наблюдались при сопоставлении психодинамических свойств со свойствами нервной системы.

Таким образом, много-многозначность связей психодинамики со свойствами личности выражается также и в том, что, в зависимости от опосредующих условий, связь свойств личности с определенным психодинамическим свойством не только может заменяться связью с каким-либо другим, психодинамическим свойством, но и просто возникать и исчезать (!). Это говорит о том, что опосредующие условия здесь выполняют также новую функцию (помимо «старой» компенсирующей. – Авт.), которую они не осуществляют на более низком иерархическом уровне» (по-видимому, не нервной системы и темперамента, а уровне развития. – Авт.) [28; с. 106–107].

Между тем вековая проблема соотношения наследственного и приобретенного (а именно она является интегральным выражением биосоциальной, психофизиологической и прочих проблем) может быть, по утверждению самого автора, все же таки, разрешена, и общим условием ее (их) разрешения является наличие опосредующих звеньев (?) в разноуровневых много-многозначных связях.

Что же до назначения последних, дескать «расчленяющих» систему элементов на специфические уровни, то, учитывая «одноуровневую» «слитность» разноуровневых свойств, – те и видоизменяются в своем же «слитом» тождестве как одноуровневости. Много-многозначная «одноуровневая» зависимость – суть отражение возможных видоизменений одних и тех же переменных, тождественных их стилю, – ибо сама система однородных элементов есть динамическая индивидуальная организация. Следовательно, телеологические (и каузальные тоже) корреляции-зависимости – это показатель целевой направленности деятельности человека в форме стиля. Иначе говоря, функционирующая и развивающаяся «одноуровневая» индивидуальность – суть «одноуровневый» индивидуальный стиль.

Данным интегрированием понятий, собственно, и снимается основное препятствие к адекватному осмыслению ключевой идеи теории, смысл которой – преодоление «мыслительных барьеров» не только относительно тождественности разноуровневых свойств, но, главное, и их тождественности в процессе функционирования, развития, а также и изменчивости системы. Речь идет также о преодолении базового противоречия («противоположности») статики и динамики интегральных переменных, их устойчивости и процессуальных проявлений, неизменности и видоизменения, инвариантности и вариабельности. А иначе говоря, – системы интегральной индивидуальности и интегрального индивидуального стиля общей активности.

В конечном же итоге интеграции мы получаем интегральный индивидуальный стиль, что в статистическом «эквиваленте» выражается закономерно-стохастической (каузально-телеологической) взаимосвязью с миром «слитых» одноуровневых элементов. Т. е. в процессуальном плане – их (элементов) активной саморегуляцией (закономерно-стохастической изменчивостью), саморазверткой и изменчивостью в онтогенетическом развитии.

Подобная тотальная интеграция является тем решающим фактором, использование которого только и способно вывести нынешние науки о человеке из теоретического тупика, а значит, рассеять туман вековых иллюзий и невежества как в самой науке, так и за ее пределами. Однако для того, чтобы осуществить столь сложную задачу, необходим, повторяем, и «противоположный» подход: интегральный тотальный анализ системы.

Нужно ли говорить, что это должен быть приоритетный анализ не столько самих устойчивых индивидуальных свойств, сколько их процессуальных проявлений(!), обозначаемых в «интегральном исследовании» категориями деятельности (общения), развития в онтогенезе, а также их видоизменения.

Если вновь обратиться к примерам каузальных и стохастических типов, – в означенных трансформациях наследственных индивидуальных свойств, нетрудно уловить определенную логику, а именно – логику, отражающую идею развития, изменчивости динамики системы. Примеры «кардинальных» изменений отношений личности и ее статусов в межличностных контактах как раз и указывают на возможные варианты такого развития, по каждому разнополюсному конституциональному типу. Это, повторяем, своего рода теоретическая модель неспецифического системного видоизменения, составленная из разных экспериментальных исследований, которая, одновременно, может служить и моделью текущего функционирования индивидуальности.

Между тем, говоря о возможных трансформациях генетически обусловленных свойств (тревожности, агрессивности, интроверсии), следует особо отметить, что во всех иллюстрирующих данный феномен примерах, изменения отношений и статусов носят не абсолютный, как может показаться поначалу, – а лишь относительный, к тому же временный характер, о чем и было уже сказано немного ранее.

Так, лица, обладающие тревожным темпераментом, в неадаптированных ситуациях даже одной и той же деятельности (общения), проявляют себя, как правило, сообразно генетической данности, – т. е. испытывают неуверенность, закрепощенность, излишнюю напряженность, сложности сосредоточения внимания и пр. Тогда как в привычной, «отработанной» обстановке, с хорошо знакомыми людьми или «понимающим» начальством (сослуживцами), – они вполне спокойны и могут не менее успешно справляться со своими обязанностями, по сравнению с экстравертированными (по Юнгу) или агрессивными коллегами.

Точно так же, если говорить о лидерстве слабого или сильного типа нервной системы, у лиц, которым присущ «директивный» стиль руководства (например, агрессивных по темпераменту учителей), – контроль враждебности по отношению к детям, хотя нередко им и удастся, однако удерживать его систематически, у экстрапунитивных [5 - Экстрапунитивный (лат. extra punio – наказывать, карать, мстить) – направленный вовне, куда-то вне себя (имеется в виду, в основном, агрессия). – Прим. ред.], получается далеко не всегда. И наоборот, когда необходима «твердая рука», тревожный педагог, хотя и будет изо всех сил, стараться наладить «положенную» дисциплину (необходимую успеваемость), но при врожденных неуверенности, робости или уступчивости, а также обусловленном ими соответствующем стиле воспитания и обучения детей, – усилия эти приводят к реально ощутимым результатам, увы, далеко не во всех случаях.

Таким образом, можно предположить, что прижизненно «сформированное» сдерживание природной раздражительности (злобности, агрессии) или ослабление той же тревожности (страха, неуверенности), вовсе не отменяет интегральный конституциональный тип (генотип), а лишь маскирует, «сглаживает» его проявления, да и то не всегда, а на какое-то время. Иными словами, ослабление, торможение или, наоборот, усиление и ускорение определенных наследственных свойств лишь создают иллюзию их изменения, хотя на деле происходит лишь видоизменение(!) – их «изменение» при сохранении стабильной неизменности.

«Благодаря индивидуальному стилю (компенсирующей его функции. – Авт.), –

подчеркивает В.С. Мерлин, – возникают новые связи между индивидуальными свойствами разных иерархических уровней, детерминированных разными закономерностями (на деле – одной и той же. – Авт.), хотя самые эти свойства или некоторые из них остаются теми же» [28, с. 153].

Например: «В исследовании А. Ерошенко (1981) на учителях, экстрапунитивность при фрустрации коррелирует с авторитарной установкой и установкой на доминирование в педагогической ситуации, с экстрапунитивным (агрессивным) отношением к людям по методике С. Розенцвейга, а также с преимущественным применением наказаний в педагогической ситуации (одни и те же свойства: первичный стиль – Авт.)... Отношения личности, коррелирующие с экстрапунитивностью... очень сходны(!) по содержанию(!): это агрессивное отношение к людям или (отрицательная корреляция) «контроль враждебности» (по ММРІ).

Несмотря на прямую, казалось бы, и непосредственную связь изучаемых показателей по содержанию, соответствующие корреляции наблюдаются лишь при определенных условиях. В исследовании Г. Пьянковой, корреляции отсутствуют в педагогических ситуациях при значимых личных и общественных мотивах педагогической деятельности. В работе А. Ерошенко они отсутствуют у учителей с высоким уровнем педагогического мастерства и педагогической направленности. Таким образом, и здесь обнаруживается роль опосредующих условий в связи свойств темперамента и отношений личности» (а именно: стиля преодоления, сдерживания врожденной агрессии. – Авт.) [28; с. 99–100].

Понятно, что агрессия при этом сдерживании, контроле «бесследно» никуда не исчезает; более того, контроль, как торможение ее (т. е. ослабленная злобность), и сама же злобность – фактически одни и те же свойства как агрессия, несмотря на кажущуюся их противоположность. Тем не менее первичный стиль как «чистая» агрессия значительно различается с вторичным «сознательным преодолением», в котором волевому торможению (усилию как подавлению) отводится роль регулятора активности. (Кстати, звериная агрессия как стабильное и неизменное свойство наследственного типа может и усиливаться, достигая ярости, свирепости и пр.)

Стиль, выполняя компенсирующую функцию, обеспечивает «волевою» саморегуляцию системы, в которой компенсируется не только агрессивность, но и другие свойства генотипов. Кроме того, при этой функции нередко, происходят перестройки всей системы элементов, и, следовательно, последняя не просто перестраивает свой состав в связи с условиями существования, но саморазвивается (системообразуется), таким путем, в онтогенезе.

«Усвоение индивидуального стиля, влечет за собой изменения и самих интраиндивидуальных свойств определенного иерархического уровня (см. выше – одних и тех же интраиндивидуальных свойств. [28; с. 134]. – Авт.). У дошкольников, преодолевается тревожность ожиданий при общении, т. е. изменяется отношение к сверстникам (отношение кардинально не меняется, но видоизменяется. – Авт.). У старшеклассников усиливается коллективистская направленность. Но усиление или ослабление определенных отношений личности в результате усвоения индивидуального стиля возможно лишь потому, – «полагает» В.С. Мерлин, – что разрушается связь этих отношений с психодинамическими свойствами (ясно, что связь здесь лишь вторична, ибо только отражает реальность изменений (видоизменений) данных элементов. – Авт.).

Преодолевается (свойство лишь ослабляется. – Авт.) зависимость тревожности

ожиданий при общении от психодинамической тревожности, преодолевается (свойство лишь ослабляется. – Авт.) тормозящее влияние интроверсии на формирование (актуализацию. – Авт.) коллективистской направленности. Таким образом, свойства личности формируются (свойства темперамента актуализируются. – Авт.) в деятельности в зависимости не только от ее объективных требований и мотивов, но и от индивидуального стиля и меры его усвоения» (стиль здесь и есть усиление или ослабление одних и тех же переменных, например, темпераментальной и «личностной» тревожности; фактически же – лишь темпераментальной тревожности. – Авт.) [28; с. 134].

Еще пример: «Бегун, отклоняя тело назад при старте, чтобы предупредить фальстарт, сдерживает проявления импульсивности, зависящие от неуравновешенности нервных процессов. Вместе с тем, максимально ускоряя бег с самого начала, он усиливает те проявления импульсивности, которые связаны с подвижностью нервных процессов. В результате усвоения индивидуального стиля моторики связь какого-либо свойства темперамента с одними свойствами нервной системы разрушается, а с другими сохраняется. В этом и заключается системообразующая функция индивидуального стиля моторики, в образовании связей между двумя иерархическими уровнями индивидуальности: свойствами нервной системы и темперамента» [28; с.175].

Как видим, при сохраненной, декларируемой неизменности свойств нервной системы и темперамента, их неизменность, можно поставить также, под сомнение. Ибо, если усиливается (тормозится) свойство темперамента (к примеру, импульсивность), то изменения должны касаться и «нижележащих» переменных. Покуда свойства нервного субстрата – это свойства генетически устойчивого возбуждения (и торможения), то стохастические усиление и ослабление в связи с условиями активности нервных (темпераментальных) компонент – относятся как раз к означенным мозговым процессам возбуждения и торможения.

Иначе говоря, наследственное возбуждение в зависимости от необходимости усиливается, либо тормозится, как, впрочем, может видоизменяться и «противоположный» нейрофизиологический процесс. Стало быть, сила возбуждения и торможения, при саморегуляции во времени, усиливается (ослабляется) в связи с условиями существования, а генетическая скорость нервного процесса может ускоряться либо тормозиться в зависимости от состояния гомеостаза (уравновешенности) и внешнесредовых условий, – ибо к сравнительно устойчивому равновесию система вероятностно приходит «разными» путями.

Что же касается сознательных и бессознательных (либо осознанных) усилий волевого подкрепления реализации потребности (развития), то наряду с ситуативным и ведущим эмоциональным подкреплением оно является одним из главных механизмов саморегуляции рефлекса [21]. Стохастическое эмоционально-волевое торможение, как подавление нецелесообразных действий (и, наоборот, усиления целесообразных), в процессе достижения тех или иных целей (удовлетворения потребностей) есть также и преодоление тех внутренних препятствий на пути удовлетворения потребности, которые система отражает (точнее, – самоотражает) в процессах активной саморегуляции.

В задачи настоящего исследования сейчас не входит тщательное прояснение проблемы волевого действия (в частности, его особой побуждающей природы, «сознательного» компонента специфических усилий, «свободы воли» с философской точки зрения и пр.). Нас интересуют генетически детерминированные, нейродинамические механизмы регуляции как однозначность «корреляторов» фактически того же эмоционально-волевого

подкрепления, как подкрепления наследственно устойчивых и временных (точнее – вероятных) связей-отношений с условиями существования.

Условно-стохастические видоизменения, по сути, безусловно рефлекторных возбуждения и торможения, а значит, безусловных (однозначных) связей с «внешним» безусловным раздражителем, интрапсихически и в отраженном плане, выражаются обеспечением потребностного возбуждения и образов потребностного результата производно-стохастическими эмоционально-волевыми и интеллектуальными (в широком, темпераментальном смысле) переменными как подкреплением.

Учитывая то, что нейрофизиологические и психологические свойства есть один и тот же «уровень», одна и та же нервная система (с точки зрения, как саморазвития, так и текущего функционирования определенных генотипов), важно понять, что основные свойства нервной деятельности «охватывают» всю психическую жизнь (весь темперамент), – как в плане свойств-процессов (состояний), так и устойчивых и обобщенных компонент и «темперамента», и «личности», и всех «вышележащих» уровней системы. (По И.П. Павлову, процессы возбуждения и торможения и есть эмоционально-волевая сфера высшего животного, а также «разнопрофильные» побуждения как безусловно– и условно-рефлекторные связи (отношения) с раздражителями среды. Возбуждение и торможение неразрывно связаны («слиты») с ориентировочным безусловным рефлексом и анализаторами, аналитико-синтетической деятельностью мозга (т. е. интеллектуальными процессами), которые, вкупе с возбуждением и торможением, обеспечивают реализацию генофонда рефлексов. (Выражаясь же иными понятиями, – реализацию фонда инстинктов, потребностей, – по сути, генофонда отношений «личности»).

Следовательно, когда мы говорим о длительном, либо ситуативном усилении и торможении устойчивого возбуждения, его наследственная стохастичность, как, впрочем, однозначность и стабильность, – «коррелируют» с такой же однозначной много-многозначностью всего объема психической динамики и содержания.

О вероятностно-закономерных видоизменениях свойств нервной деятельности В.С. Мерлин в монографии упоминает больше фрагментарно: «Факты первой группы относятся к воздействию различных гормонов на проявления свойств нервной системы. Общий их смысл заключается в том, что одни и те же гормоны вызывают различные изменения в нервной деятельности, в зависимости от свойств нервной системы субъекта (типов. – Авт.). Точно также разные гормоны могут вызывать одинаковые изменения в нервной деятельности у субъекта с разными свойствами нервной системы. Адренкортикотропный гормон (АКТГ) в малых дозах... у собак сильного типа усиливает и концентрирует процессы торможения и возбуждения, а у собак слабого типа вызывает перенапряжение раздражительного процесса и развитие запредельного торможения (Б. Вознесенский, 1963)» [28; с. 54–55]. «Другая группа фактов относится к влиянию моторной активности на эндокринные заболевания. Моторная активность может компенсировать как гипер, так и гипофункцию эндокринных желез. Например, при повышенной моторной активности усиливается поглощение мускулами глюкоидов в крови и тем самым компенсируется (тормозится) гиперфункция коры надпочечников (ось: надпочечники – гипофиз – гипоталамус. – Авт.). Вместе с тем мускульная ткань выделяет такие химические вещества, которые содержатся в гормонах гипофиза. Поэтому повышенная мускульная активность компенсирует (усиливает) гипофункцию гипофиза. В результате такой компенсации изменяется характер связи между гипер– или

гипофункцией какой-либо эндокринной железы (в т. ч., и мозга. – Авт.) и соответствующими нервными проявлениями» (связь отражает одну и ту же нейроэндокринную изменчивость в нейрогуморальной саморегуляции. – Авт.) [28; с. 63].

Еще пример: «В исследовании И. Палея (1966) нейротизм не коррелирует прямолинейно ни с одним показателем силы возбудительного процесса. Но тетракорическая корреляция между этими показателями, в большей степени отражающая криволинейность, является статистически значимой. И. Палей (1969) обнаружил и еще более сложный тип криволинейной зависимости, – когда при прямолинейном изменении силы возбудительного процесса психологические показатели изменяются дважды: сначала возрастают, затем уменьшаются, снова возрастают и, наконец, вновь уменьшаются» [28; с. 82].

Как видим, стохастические видоизменения (изменчивость) прослеживаются на самых разных иерархических уровнях системы, начиная с биохимического, – заканчивая метаиндивидуальным (см. также выше). В приведенных примерах первичный стиль, соответствующий закономерным типам, и вторичный стиль, соответствующий их стохастическим видоизменениям, свидетельствуют об одном: одни и те же свойства индивидуальности, пускай и видоизменяясь, остаются одними и теми же свойствами генотипа.

Стиль «преодоления» (или стохастический стиль), как отмечалось, выполняет особую функцию компенсации тех «негативных» проявлений наследственных свойств, которые во многом препятствуют полноценному «социальному» самоопределению генотипа (например, слабость и инертность, сила и неуравновешенность; тревожность и низкая активность, агрессивность и импульсивность), создают специфические трудности как в деятельности, так и в общении – иначе, вступают в противоречие с объективными их требованиями.

То бишь, для того, чтобы из такого противоречия выйти, индивидуальность, естественно, вынуждена каким-то образом приспособливаться к этим нормам и требованиям; точнее – компенсировать, а то и активно преодолевать малопривлекательные, малощенные в «социальном» плане наследственные «дефекты» нервной системы и психики (или, например, недуг). Этой-то задаче как раз и служит особая организация деятельности и общения – типологически обусловленный, вторичный индивидуальный стиль.

Нужно ли говорить, что активное «преодоление» собственной природы, самого себя (своего «Я») – весьма сложный и довольно болезненный процесс, требующий значительных душевных затрат и усилий. Причем усилий не только волевых и интеллектуальных, но зачастую и нравственных. Поэтому, когда агрессия или тревожность обусловлены конституциональным типом ВНД, – т. е. в какой-то степени акцентуированы, занимают доминирующее и устойчивое положение в психике, – подобное сознательное подавление (и бессознательное в том числе) инстинктивных эмоций во многих жизненных ситуациях далеко не всегда оказывается успешным. В иных же случаях человек и вовсе не стремится избавиться от своего психологического «порока», что в социальной практике, в межличностном общении наблюдается совсем не редко, если не сказать, сплошь и рядом.

Впрочем, общественные требования и нормы диктуют обратное. Для того чтобы чего-то добиться в жизни, взойти, так сказать, по ступеням социальной лестницы, – т. е. достичь

относительно высокого социального статуса в той или иной деятельности, – природные неуверенность и злобность зачастую с необходимостью приходится произвольно регулировать.

Кому понравится вечно недовольный, гневливый, раздражительный человек, к тому же чересчур напористо стремящийся к власти, авторитарному манипулированию людьми во имя достижения собственных, по сути – эгоистических целей? Или наоборот, замкнутое, медлительное, чрезмерно осторожное и легкоранимое существо, не способное ни к нормальной производительной работе, ни к полноценному общению? Вот и приходится лицам с означенными психологическими проблемами прибегать к компенсации (замещению, самоконтролю, психологической защите) или активному преодолению своих «недостатков».

Понятное дело, что у разных людей, относящихся к тому или иному конституциональному типу, а тем более, находящихся на разных его возрастных ступенях, – такое активное приспособление, адаптация носят весьма неоднозначный характер и, естественно, неодинаковую успешность. Фактически, речь здесь идет об уровне приспособленности генотипа (компенсаторных возможностях) или уровне его саморазвития, который может зависеть от целого ряда, самых разнообразных, факторов.

Что, по большому счету, оказывает влияние на него? Ясно, что не один только типологический возраст индивидуальности, но и состояние здоровья, уровень обучения и воспитания, социальное окружение, уровень врожденного интеллекта (общая и/или специальная одаренность), а также – что особенно важно, – уровень притязаний, амбиций «личности», вытекающий из самооценки (отношения к себе). Иными словами, особое влияние на уровень адаптации оказывает та «планка», зачастую, стратегическая цель, сверхзадача, реализации которой интегральный генотип посвящает значительный отрезок своего онтогенеза, а то и всю сознательную жизнь.

В данном контексте активное «преодоление» собственной биологической природы (помимо саморегуляции генетических акцентуаций психики – эмоционально-волевого статуса), касается и градаций развития наследственных общеспециальных способностей, включая их онтогенетические модификации (модальности). Относительно высокие достижения в различных областях обучения, производства, науки и техники, искусства, политического, хозяйственного и прочего руководства, спорта и т. д., – даже в быту, – немислимы без постоянного упражнения (тренировки) систем организма и психики, значительных, а порой и чрезвычайных волевых, интеллектуальных, эмоциональных, моторных, – вообще психологических усилий и затрат: проще сказать, упорного и систематического труда.

Иначе, активное изменение, преодоление самого себя, собственного «несовершенства» до той отметки, когда профессиональное мастерство или творчество достигают «олимпийского» уровня, – возможны, лишь при условии особой самоорганизации деятельности (индивидуального стиля, «почерка»), отточенных, выверенных ее приемов и способов, благодаря которым только и реализуется высокая профессиональная эффективность и успешность. Недаром ведь о талантливом и трудолюбивом человеке говорят, что «он сделал себя таким сам» (selfmademan). Данное обстоятельство имеет прямое отношение и к нравственному, и любому другому самосовершенствованию индивидуальности.

Между тем расхожее мнение о том, что человек, достигший значительных творческих (или трудовых) успехов, дескать, под влиянием исключительно «внеприродных»,

социокультурных условий (полученного образования или добытых «самостоятельно» глубоких знаний; взлелеянного блестящими учителями художественного таланта; творческого окружения, огромных «духовных» затрат при работе над произведениями; соответствующего воспитания или, дескать, собственных «высоконравственных убеждений» и т. п.) – увы, всего лишь, очередная иллюзия «сверхбиологического», а то и «божественного» предназначения Homo sapiens.

При этом не учитывается видовая специфика объективного конституционально-типичного (специально человеческие художественные и мыслительные; руководящие типы, не говоря об «общих»), которое самовоспроизводится в естественно-историческом процессе тысячелетиями, в одних и тех же, соответствующих ему, видотипичных условиях существования. Иначе говоря, так называемое «социальное», «общественное» нельзя рассматривать в противовес «биологическому» в человеке, ибо их понятийная разрозненность, дуализм в действительности есть лишь результат второсигнального, поверхностного взгляда на одну и ту же сущность. Причем, сущность, как отдельно взятых человеческих животных, так и типов их, а также популяций видоспецифической организации Homo sapiens, внешние особенности и основание которой – производство с помощью орудий, средств биологического человеческого потребления. («Духовное» производство осуществляется специально-творческими генотипами (со специальными способностями) и также представляет собой биогенетический человеческий феномен).

С другой стороны, воздействием якобы тех же «внеприродных», социально приобретенных факторов пытаются объяснить не только достижения и «взлеты» генотипа, но и его «некультурные» деградацию, «падение». Однако, как расценить такой феномен саморазвития, когда деградировавшая «личность» («социопат») в какой-то период своей никчемной, паразитической жизни вдруг определяется на путь истинный и вновь достигает пределов так называемой «социальной нормы»? Или опять, исключительно благодаря «гармонизирующим» воздействиям социально-внеприродной, «облагораживающей» среды?

А как объяснить первично и вторично криминальную типичность, ее зону неопределенности, «успешность» деятельности? Или взять преуспевающего чиновника-коррупционера, пользующегося «заслуженным» авторитетом в «демократическом» обществе?.. Или тоже «благоприобретенными», недюжинными «социальными» способностями, «формирующими личность»?

Или достаточно вспомнить, о больном человеке, который не способен к активному приспособлению, апрагматичен (дезадаптирован) и социально изолирован, а по сути дела, брошен обществом. Здесь тоже обнаруживается «формирующая личность» роль пресловутого, дескать, «надприродного Социума»?.. И вообще – почему зачастую разделяют наследственное «патологическое» развитие и, мол, ненаследственную «норму»? Тогда как между ними существует непризнанная генетическая тождественность, в смысле конституциональности и патологии, и нормы.

Все эти и многие другие проблемы человеческого онтогенеза и призвана разрешить интегральная теория, – в том числе и на примере модели перехода каузального типа в стохастический и, наоборот, редукции к первично-каузальному типу (сужению зоны неопределенности), причем независимо от социально-оценочного подхода к данным конституциональным типам.

Иными словами, первичную организацию деятельности и межличностных контактов, как и их вторичную наследственную организацию не следует, по возможности,

рассматривать пристрастно, исходя из ценностных ориентиров, – но подходить, к любому психофеномену, с позиций объективно-генетического и формализованного взгляда на его изучение.

Еще раз подчеркнем, что результат интегрального исследования индивидуальности, в конечном счете, есть абсолютный генотип любого человека (и любых возможных социальных (в т. ч., и социально-исторических) объединений), в котором «социальной личности» и «социальным статусам», с точки зрения «надбиологического»(!), не остается никакого места.

Подведем некоторые итоги:

1. Первичным «ключом» к пониманию подлинного смысла учения В.С. Мерлина, является так называемая однозначная разноуровневая связь, которая обнаруживается при объединении результатов исследований авторов, сопоставляющих зависимости между различными уровнями системы. Причем обнаруживается не в «сборной» общей выборке, включающей противоположные типологические полюса, а лишь в том случае, когда общая выборка, с помощью статистических методов, уже разбита на определенные типы (также «сборные») или типологические группы.

Много-многозначная же связь, усердно рекламируемая В.С. Мерлиным в монографии, устанавливается в двух случаях: 1) на общей выборке – «сборной» или «частичной» (случайность связи); 2) при трансформации закономерного (первичного) конституционального типа в тип закономерно-стохастический (вторичный), и наоборот, хотя случайно-вероятностная сопряженность свойств как наиболее вероятная взаимосвязь, включающая собственно закономерный тип, а также и его изменчивость, всегда имеет место быть, – т. е. в любом из случаев.

Фактически же, телеологические связи (как детерминация) суть отражение функционирования и развития, изменчивости моносистемы, целевой ее направленности в будущее в монокроническом аспекте. Тогда как та же каузальная детерминация являет отражение самой моносистемы, как причины, в сущности, самой себя, – самопричины, обладающей телеологической направленностью, а значит, вероятно и в то же время однозначно (т. е. закономерно-вероятностно) самоактуализирующейся и саморегулирующейся в функционировании, саморазвивающейся и самоизменяющейся на протяжении всего онтогенеза, ибо это – одна и та же связь, одна и та же самодетерминация как самость.

Но для того, чтобы получить моно(!)систему как само(!)причину, необходимо свойства разных иерархических «уровней» подвергнуть процедуре «слития» в одно и то же целое. Однозначная разноуровневая связь, полученная в результате разделения различных выборок на разнополюсные типы в «сборном» виде, как раз и означает это «слитие» в единство целого, моно(!)индивидуальность или интегральный тип индивидуальности (точнее, – один из основных конституциональных типов: «сильный» (агрессивный; экстравертированный) и «слабый» (тревожный)).

Следует подчеркнуть, что речь идет не просто о «слитом» сосуществовании разноуровневых элементов с их «относительной автономностью» и «подчинением различным закономерностям» («принципиально многосущностная моно(?)система» по А. Щебетенко [6]), но именно о таком «слитии», когда автономность, казалось бы, абсолютно противоположных, разнородных иерархических уровней полностью исключается(!), и мы говорим об одних и тех же(!), относительно тождественных свойствах

моно(!)индивидуальности, их абсолютной «слитности» (т. е. одних и тех же свойствах одного из основных генотипов человека). Это и есть главный «ключ» к адекватному и полному пониманию интегральной теории Вольфа Соломоновича Мерлина.

Иными словами, разноуровневая однозначная взаимосвязь должна быть осмыслена таким образом, что свойства: биохимические, соматотипические, нейродинамические, психодинамические, личностные, социально-психологические и психоисторические – однозначны (имеющие одно и то же значение), что они однородны, гомоморфны. Это свойства интегрального конституционального типа, точнее – сам тип как монообразование.

2. Покуда биохимические, соматотипические, нейрофизиологические и темпераментальные свойства традиционно относятся к биологически, генетически детерминированным, а иначе – первичным, данным изначально (на них, дескать «базируется» личность и ее социальные статусы, связи, роли), – то по логике принципа причинности, при уже упомянутом «слитии» с «вышележащими» уровнями мы получаем не что иное, как конституциональный тип индивидуальности: ведь это одни и те же свойства. Сие означает, что и личность (отношения, самосознание, характер, способности) и метаиндивидуальность (т. е. «социально детерминированные» элементы (индивидуально-психологические, социально-психологические, психо-социологические) – также генетически детерминированы, являются свойствами наследственного типа (вообще, суть генотип).

Как ни парадоксально, к означенному генотипу относится не только формально-динамическая его сторона, но и психологически содержательная(!), обусловленная, как до сих пор полагают, исключительно «социальными воздействиями». Ибо «чисто» приобретенных свойств нет, как таковых (появление «новых» свойств индивидуальности, в саморазвитии, суть результат онтогенетической саморазвертки конституционального типа); существует лишь наследственно детерминированное (отчасти) и внешне детерминированное (природно-видоспецифическое) психологическое содержание. Последнее ассимилировано генотипом в результате видотипичного выбора генетической, по сути, видоспецифической информации, исходящей от огромной популяции человеческих животных («Социума»), их видового опыта, накапливаемого веками, и порожденного, фактически, наследственно, – т. е. не чем иным, как самовоспроизводящимися наследственными типами индивидуальностей во взаимодействии с природно-социальной (социобиологической) средой.

3. Коль скоро мы говорим об одних и тех же относительно тождественных гомоморфных, равнозначных свойствах конституционального типа, о «слитом» генетическом образовании как моносистеме, из этого следует:

а) аннулируется принцип иерархического соподчинения уровней индивидуальности, – т. е. никакой иерархии «уровней», деления их на «низшие» и «высшие», вопреки декларируемой логике монографии, попросту нет, несмотря на то, что существуют, не имеющие, казалось бы, ничего общего три подсистемы большой системы индивидуальности: организм, индивидуально-психические и социально-психологические (в том числе, психосоциологические) свойства. Тем не менее интегральный генотип предполагает их неспецифическую специфичность. Данные подсистемы могут быть подвержены и дальнейшей интеграции, результатом которой оказываются всего три «уровня»: морфосоматический, биохимический (нейро(!)гуморальная химическая саморегуляция) и психический. В последнем мы как бы абстрагируемся от так

называемого «социального»; социально-психологические свойства (метаиндивидуальность) – это, прежде всего, внутренние(!), т. е. интрапсихические элементы, не выходящие никуда «вовне», за пределы системы и носящие, как и все прочие элементы, наследственный характер. Более того, «метаиндивидуальность», фактически сводится к отношениям личности (в частности, отношениям самосознания (т. е. к самому себе)), последняя же (включая «метаиндивидуальность»), по логике антииерархии, есть «часть» темперамента как психогенетического системного целого.

(Отсюда можно сделать вывод, что и психоисторические статусы (и роли), такие, как классовый и национальный (нация, государство), являются, по сути, отношениями самосознания «личности» и связаны с интраиндивидуальностью также однозначной), наследственно детерминированы. Типология этих статусов определяется единими наследственными отношениями между социальными группами (в частности, между классами и государствами), а именно: властью и подчинением, конкуренцией и соперничеством, сотрудничеством и взаимопомощью в борьбе за власть [28; с. 184]. Соответственно этим отношениям выполняются и генетические роли (например, власть или подчинение), исходящие из соответствующего биогенетического статуса.

Что же касается соматической и биохимической типологий, В. С. Мерлин неоднократно указывает на работы У. Шелдона и Э. Кречмера и др., которые выходят, в конечном счете, на разноуровневые стохастические типы [28; с. 30]. Связь соматических и биохимических типов с психическими свойствами подтверждены и в работах ряда исследователей Пермской психологической школы [28; с. 26]. Наиболее распространенная биохимическая типология: адреналовые и норадреналовые типы (страх и агрессия), однозначно связанные и с соматотипическим, и нейро-(темпераментально) типическим, и с типологиями «личности».

б) Из сказанного следует, что аннулируется и принцип подчиненности свойств разных уровней разным закономерностям. Покуда человеческая индивидуальность суть интегральный генотип, одни и те же его свойства, – подчиняться, разумеется, они должны одной и той же интегральной, – а именно: человеческой видоспецифической наследственной закономерности, действующей на человеческом организменном (в том числе и молекулярно-генетическом) уровне. Вместе с тем так называемые основные вековые проблемы человека: 1) соотношения биологического и социального; 2) физиологического и психического; 3) общепсихического и социально-психологического; социально-психологического и психосоциологического поставлены, по меньшей мере, некорректно, дуалистически, в то время как интегральный системный метод требует интегрального монизма этих дихотомий. У человека нет «чисто» биологических и «чисто» социальных свойств, но есть их видоспецифика(!), как видоспецифика человеческих социальных животных (генотипов). Точно так же не существует «чисто» нейро-(обще)физиологических (включая соматические) и «чисто» психологических свойств, но это отнюдь не психофизиология, а видоспецифическая «слитая» морфопсихохимия – т. е., фактически, морфофизиология. Тогда как обще- и социально-психологические, и психосоциологические элементы выступают в качестве видоспецифичного (социобиологического) темперамента человеческого животного.

Видовую специфику человеческого животного, следует понимать в трех «слитых» ипостасях: Человек как биологический социальный организм, особь (генотип), сущность которого есть «совокупность всех общественных отношений», т. е. видоспецифических отношений, рассматриваемых как потребности (видовой генофонд безусловных рефлексов

(инстинктов) и свойств, имеющий также типологические и индивидуально-своеобразные характеристики.

По мнению зоологов и антропологов, человек относится к виду *Homo sapiens*, семейству приматов, отряду узконосых обезьян, причем обезьян безволосых. По сути дела, это голая обезьяна с высокоразвитым мозгом, агрессивный хищник, зверь с соответствующей наследственно-зоологической психикой (душой) (Д. Моррис).

в) Вместе с тем перечисленные вековые проблемы с необходимостью интегрируются («сливаются») в одну и ту же триединую проблему: 1) наследственного и приобретенного; 2) соотношения генотипа и фенотипа; 3) наследственности и фенотипической изменчивости. Однако, и эта «противоречивая» трехкомпонентная проблема перестает быть таковой, если мы вновь вспомним о моносистеме конституционального типа, одних и тех же(!), гомоморфных его свойствах и возможном применении и здесь интегрального системного подхода.

Результатом будет следующая трактовка: 1) наследственное и наследственно приобретенное (вспомним видотипичный выбор, по сути, наследственной видоспецифической информации, лежащей на уже подготовленную, психогенетическую «почву»); 2) фенотип суть тот же генотип, развертывающийся в постнатальном саморазвитии во внешнесредовых условиях; 3) наследственность и наследственная изменчивость (свойства конституционального типа в текущем автофункционировании и саморазвитии, в видоспецифических условиях существования, могут усиливаться (ускоряться) или ослабляться (тормозиться), но при этом остаются одними и теми же тождественными свойствами конституционального типа). Иными словами, «новые» элементы индивидуальности или, так сказать, «кардинальное» изменение старых фактически есть тот же самый видоизмененный, благодаря внешним условиям саморазвертывающийся генотип, не выходящий за генетически данные рамки собственного функционирования и саморазвития.

Глава 3

Интегральный индивидуальный стиль

Несмотря, казалось бы, на внешнюю статичность мерлинской схемы индивидуальности, в которой разноуровневые однозначные зависимости свойств, а также многомногочисленные зависимости ограничиваются, лишь рамками закрытой, замкнутой в себе системы, последняя, как отмечалось, существует исключительно во времени, в целенаправленной динамике, а по сути и названные «одноуровневые» связи, полученные в результате интеграции, должны рассматриваться, по большому счету, в динамическом аспекте.

Выше было определено, что однозначность разноуровневой связи отражает «одноуровневый» генотип, одни и те же его свойства, закономерную самопричину, которая функционирует, и саморазвивается, и видоизменяется по стохастическим законам, оставаясь тем же генотипом, разворачивающим вероятностную однозначную активность в зависимости от условий удовлетворения потребностей. Таким образом, реализация рефлексов генотипа (обобщенных его рефлекторных свойств) носит каузально-телеологический характер и, вместе с тем, является детерминирующим фактором самой себя.

Выходит, что одна и та же связь, детерминация (по сути, каузальная) необходимо

выступает как неспецифическая специфичность (много-многозначность), безусловная условнорефлекторность, как способность генотипа к ориентировочным реакциям в условиях существования, преследующим цели самоудовлетворения, реализации рефлексов генофонда (обобщенных его свойств), психологически представленного мотивацией, потребностями. Разумеется, В.С. Мерлин в монографии об этом прямо ничего не говорит, предпочитая запутывать читателя: «Существует большое многообразие концепций системного подхода в научных исследованиях. В чем своеобразие принципов системного подхода в... интегральном исследовании человека? Оно определяется основной теоретической предпосылкой (предпосылкой, а не выводами. – Авт.) о существовании двух различных типов детерминации – каузальной (однозначной) и телеологической (много-многозначной).

В противоположность ему, имеются такие концепции системного подхода, которые принимают единственный тип детерминации – каузальный (функциональный). Таковы, например теории технической кибернетики, теория функциональных систем П. Анохина, структурные концепции психики Ж. Пиаже, гештальттеория и т. п. В указанных концепциях целенаправленность системы рассматривается как особый случай причинной зависимости; специфичность этого типа порой характеризуется механизмом обратной связи, который, в свою очередь, является звеном каузальной цепи...» [28; с. 45–46].

Но ранее все тот же В.С. Мерлин утверждает следующее: «В результате установления специфических математических зависимостей между разноуровневыми свойствами в больших системах, совершенно по-новому (?) разрешается вопрос о телеологической детерминации как специфической характеристике индивидуальности человека.

Обнаруживается, что направленность на определенный полезный результат присуща не только человеку и даже не только организму. Она может быть воспроизведена и с помощью ЭВМ...». И далее: «... телеологическая детерминация – это только одно из частных явлений (особый случай. – Авт.), характеризующих детерминацию любой материальной большой системы, выражающуюся в специфических (стохастических. – Авт.) математических зависимостях (см. В. Украинцев, 1972).

Применяя математический язык в исследовании интегральной индивидуальности, мы должны опираться на некоторые общие предпосылки системного подхода. Следует предположить, что один и тот же тип математических зависимостей определяет связи между любыми иерархическими уровнями интегральной(!) индивидуальности... Это значит... что, например, психофизиологические зависимости должны быть выражены при помощи специфического математического аппарата, применяемого ко всем разноуровневым связям. Между тем, в настоящее время психофизиологические зависимости описываются с помощью того же математического аппарата, что и зависимости чисто физиологические или чисто психологические, т. е. одноуровневые, хотя наиболее адекватным для описания разноуровневых связей является, на наш взгляд, принцип полиморфизма». [28; с. 41–42]

Следовательно, принципиального отличия интегрального исследования с использованием математического арсенала от других попыток применения системного подхода – нет, если учесть, что в результате «слития» при однозначной разноуровневой связи мы получаем «одноуровневую» систему, одни и те же ее свойства, а стохастические много-многозначные зависимости «перемещаются» из статики в ее динамику (естественно, что наряду с закономерно-однозначной сопряженностью). Вопрос здесь только в том, является ли много-многозначная детерминация особым случаем

детерминации закономерной, каузальной или наоборот, последняя всецело, поглощается случайно-вероятностными связями, как закономерными.

«В других системных концепциях, – подчеркивает В.С. Мерлин, – разный тип математических связей соотносится с одним и тем же типом каузальной (функциональной) детерминации. С этой точки зрения, разноуровневые отношения свойств индивидуальности не отличаются от одноуровневых (!) по характеру математических связей (например, у Б. Ананьева, 1968». [28; с. 46]

Что в принципе, и требовалось доказать. Но В.С. Мерлин, по-видимому, все равно, настаивает на двух различных типах связи или, точнее, примате «одноуровневого» стохастического (много-многозначного) как закономерного, хотя закон достаточного основания как дополнительности в данном отношении гласит: «не то и не другое и в то же время и то и другое вкупе».

Отличие интегрального исследования от других концепций, однако, проявляется в другом. «В других концепциях структурного подхода, элементы системы понимаются, как очень динамичные. Это процессы или функции, виды активности, деятельности. Одни элементы непрерывно трансформируются в другие. Поэтому полное разграничение элементов системы не всегда возможно. Точно так же границы между разными множествами становятся размытыми. В силу этих причин иногда неправомерно применять в исследовании математический аппарат, опирающийся на теорию множеств (А. Брушлинский, 1978). Точно так же иерархизация системы определяется в указанных концепциях совершенно иными критериями» [28; с.47].

Поэтому, здесь вновь всплывают противоречия-проблемы: 1) устойчивость и неизменность свойств и в то же время их процессуальность и изменчивость; 2) дискретность свойств по «вертикали» и «горизонтали» и в то же время «слитность» их и непрерывность и по «горизонтали», и по «вертикали». На деле же, однако, противоречия отсутствуют, ибо элементы генотипа одновременно дискретно «слиты» в изменчивой константности. Парадоксальность «слития», казалось бы, взаимоисключающих понятий как раз и есть отличие системно-интегрального исследования.

Если обратиться к концепциям-исследованиям Л. Дорфмана и А. Щebetенко, легко заметить, что оба они с неизбежностью выходят на функционирование системы, весьма надуманно и неуклюже преодолевая ее статику и в то же время не имея представления о видоизменениях «ИИ». Что же касается второго противоречия-проблемы «слитности»-дискретности по «вертикали» и «горизонтали», то «реформаторы» теории, к несчастью, несмотря на тщетные попытки сляпать из конгломерата нечто целостное и неразделимое, фактически остались на исходных предпосылках разноуровневости человека.

Так, у А. Щebetенко, предмет «особого» структурно-функционального подхода, – так называемые синхронические функциональные структуры, «неразрывным образом» повязанные со «структурно-генетическим исследованием», приписываемом В.С.

Мерлину. Синхронические свойства, как структуры, синхрокомбинатор наделил функционированием, но не развитием (о чем, мол, В.С. Мерлин позаботился), при этом постулируя их «переструктурирования», а также «помощь» в трудных ситуациях друг другу.

Синхронические функционально-генетические структуры названы «межуровневыми», по типу «межуровневой интеграции системы». Последняя же означает интеграцию между подсистемами индивидуальности. Но А. Щebetенко почему-то решил втиснуть некие

несуществующие структуры между уровнями. Он тоже использует павловское понятие «слития», подкрепляя его, возможно, «синхронизмом» межуровневых, призрачных структур, которые, оказывается, могут быть, не только синхроническими, но и диахроническими. Между тем существуют также, обобщенные, устойчивые элементы внутриуровневых структур (?) с разными, мол, сущностями, но, однако, «слитых» (?), надо полагать, в моносистему. («Первооткрыватель» разноуровневой однозначной связи, по-видимому, так понимает процессы интеграции и дифференциации системы индивидуальности).

Диахронические образования у человека подчиняются другим (но также функциональным) закономерностям, нежели синхронические образования. (Последние, как ни парадоксально, с одной стороны, функциональны, а с другой «афункциональны»).

Определения «открытых» А. Щebetенко, доселе неизведанных закономерностей пугающи: например, – «компенсаторно-синергическая самоактуализация голографического пространства своих функциональных состояний»... Однако более всего поражает то, как, по сути, разноуровневая, но «слитая» (?) система умудряется функционировать через индивидуальный стиль как опосредующее звено, – по логике вещей, – в много-многозначных (?) сопряженностях между «слитыми» (?) иерархическими (?) уровнями «ИИ». Стиль, между тем, по А. Щebetенко, есть «интегральная характеристика индивидуальности» (определение Вольфа Соломоновича Мерлина, как и «открытая» проницательным человеком, «однозначная разноуровневая связь»). [6 и др.]

Иной, не менее своеобразный, научно-фантастический «подход» у Л. Дорфмана. Не мудрствуя лукаво, он оставляет иерархию системы неизменной («как у В.С. Мерлина»), не помышляя ни о «слитии», ни даже о функционировании стабильных элементов. Отнюдь не расставаясь с мерлинской монументальной статикой, он просто приплюсовывает к ней, – ни больше, и ни меньше, – такую «активную полифонию», выделяя «хронос» ее, «красис», «резонанс», «циклы» и «периоды», «смещения» и даже «частоту». [16; с.446]

Любопытно положение концепции о внутренних и внешних целях и причинах: «Внутренние причины порождают процесс, приводящий к следствиям в форме изменений по схеме «до – после». Они локализуются на отдельных уровнях ИИ (?); их следствия совершаются посредством особых форм активности – в объектах мира... Внутренние цели локализуются в межуровневом пространстве (?) ИИ (почти межклеточном. – Авт.). В них, заранее заложено то, что может произойти потом (вначале «после», потом «до» (?)). Они выступают в качестве программ и инициируют специфические формы активности. В результате, в объектах мира создаются материальные и идеальные модели внутренних целей».

Если внутренние цели и причины характеризуют экстраиндивидуальность, то внешние причины-цели пожинает интериндивидуальность: «Причины внешние – одна из функций объектных значений, благодаря которой последние принимают на себя роль логического субъекта (причины), а интериндивидуальность – логического объекта (следствия)... Цели внешние – одна из функций объектных значений, благодаря которой последние принимают на себя роль логического субъекта (цели), а интериндивидуальность – логического объекта (средства)...»

И, наконец, ответственно-торжественный момент – «принятие внешней цели»: это «построение интериндивидуального образа желаемого будущего, как активного выбора каких-либо возможностей объекта (а как же свои возможности? – Авт.). Принять

внешнюю цель – значит сделать выбор в пользу одних возможностей объекта против других его возможностей, полагая в первых себя». [16; с. 442–443]

Симптоматично то, что Л. Дорфман раскрывает-таки механизм «принятия», как собственного выбора системой внешних целей, не оставляя, впрочем, интериндивидуальному субъекту права на какие-либо, внутренние побуждения и цели (если только «экстраиндивидуальные»). На деле же, однако, «недалекий раб»-интерсистема обладает тем же генофондом рефлекторных свойств (потребностей), как «господин-законодатель» (т. е. экстраиндивидуальность), и если интериндивидуальность вынуждена подчиняться его воле, то выбор «внешних целей» становится такой же внутренней прерогативой, как и прочие рефлексы. Ибо внешний стимул актуализирует (точней – интерсистема актуализирует) те внутренние механизмы генотипа, которые и подвигают к соответствующему интра(!)поведению.

Еще один момент. Причина как потребность (свойство) порождает внутреннее следствие как поведение (схема: «до» и «после»), тогда как цель (по сути, та же самая причина) внутренне присуща свойству изначально, генетически. Иначе говоря, потребный результат (акцептор), наряду с самой потребностью, суть психогенетическая каузальность (телеологичность), которая хронологически и однозначно-стохастически разворачивается в связи с условиями удовлетворения потребностей.

Таким образом, интрамодель условий внешнего существования, наследственно и постнатально, предопределена; отсюда схема Л. Дорфмана, в которой цель оторвана от внутренней причины, нуждается в корректировке.

Действительно, в них, целях, заранее заложено, по сути, то, что может быть во времени, а значит, вероятностно реализовать потребность. Следовательно, причины целей (а не только цели) существуют «после», но в режиме «до» и, в то же время, порождают, вкуче, внутреннее следствие как механизм и отраженность поведения, не говоря об интразамыкании рефлекса. Впрочем, внутреннее подкрепление не сводится, лишь к ключевому действию, как, собственно, удовлетворению потребности, но, стохастически, сопровождает весь циклический процесс реализации рефлекса от начала («до») и до конца.

Отсюда ясно, что закономерно-стохастическая (каузально-телеологическая) самодетерминация системы суть однозначно-много-многозначная ее зависимость и связь с условиями (объектами) удовлетворения потребностей. Последние (условия) не столько непосредственно отражены субъектом мотивации (потребностей), но изначально-генетически заложены в видотипичной памяти субъекта, постнатально актуализируясь. Иначе говоря, наследственная безусловная-условная детерминация и связь системы с внешними условными (и безусловными(!)) объектами потребностей (как мотивации), должны рассматриваться как одна моносистема интра(!)индивидуальных свойств. Не метаиндивидуальный, но интра(!)индивидуальный мир любого генотипа, неотделим от самодвижущейся в вероятности (самоактуализирующейся (самодетерминирующейся) и саморегулирующейся) его самопричины. Посредством мира (внешнего внутри(!)) интрасистема и функционирует, и саморазвивается, при этом оставаясь, в сущности, одним и тем же замкнутым образованием. Онтогенез являет, таким образом, круг внутреннего бытия во внутренних условиях извне, который, саморазвиваясь, не выходит за пределы эгоизма (собственного «Я») и одиночества...

Однозначно-стохастические связи генотипа с миром, как условно-безусловно-

рефлекторная детерминация, находят отражение в концепциях физиологии и психофизиологии. Так, в рамках потребностно-информационного подхода П.Симонова мы обнаруживаем следующие формулировки: «Поскольку в основе любого действия, любого поступка лежит иницирующая его потребность, – путь к уяснению сущности души, как феномена внутреннего мира человека, проходит через анализ сферы его потребностей (!), а наиболее тонким инструментом такого анализа служат человеческие эмоции.

Мы определяем эмоцию как отражение мозгом человека и высших животных какой-либо актуальной (актуализированной. – Авт.) потребности и возможности ее удовлетворения, характеризуемой вероятностью достижения цели. Оценку вероятности субъект производит на основе врожденного и ранее приобретенного опыта, произвольно сопоставляя информацию о средствах, времени, ресурсах, прогностически необходимых для достижения цели (удовлетворения потребности), с информацией, поступившей в данный момент.

Прогнозирование вероятности достижения цели человека может осуществляться как на осознаваемом, так и неосознаваемом уровне. Возрастание вероятности достижения цели, в результате поступления новой информации, порождает положительные эмоции, активно максимизируемые субъектом с целью их усиления, продления, повторения. Падение вероятности, по сравнению с ранее имевшимся прогнозом, ведет к отрицательным эмоциям, которые субъект стремится минимизировать – ослабить, прервать, предотвратить.

Таким образом, эмоции в нейрофизиологическом смысле есть активное состояние системы специализированных мозговых образований, побуждающее субъекта изменить поведение в направлении максимизации или минимизации этого состояния, что определяет регуляторные функции эмоций, их роль в организации целенаправленного поведения». [44; с. 7]

В концепции П. Симонова привлекает, помимо указания на стохастическую природу удовлетворения потребности как достижения системой цели, отражение по меньшей мере двух моментов, имеющих для нас первостепенное значение. Во-первых, это однозначная направленность системы на гедоническое насыщение, как по части минимизации отрицательных эмоций, так и по максимизации положительных с целью усиления их, продления и повторения.

Во-вторых, идея потребностно-эмоциональной саморегуляции посредством информационных стохастических процессов. Потребностное состояние и соответствующие ему эмоции фрустрации регулируют себя через посредство деятельности (эмоционально-волевого подкрепления, информационных образований), приводя систему к целевому состоянию эмоционального комфорта, независимо от деятельностного содержания и содержания достигнутой цели.

П. Симонов не раскрывает специально в схеме общий гомеостатический характер саморегуляции, но фактически его подразумевает. Психофизиологический гомеостаз – понятие, не связанное с одной лишь внутренней средой, стабильным поддержанием одних лишь физиологических констант живого организма. На деле поддержание такого внутреннего (в частности, психического) равновесия системы охватывает все поведение, всю деятельность человека, системно выражаясь в феномене активной мотивации.

«Если же отклонения во внутренней среде достигают таких величин, которые не могут быть скомпенсированы гомеостатической саморегуляцией, – читаем мы у Н. Даниловой, –

то включается второй механизм, в виде специализированного поведения. Сдвиги во внутренней среде, инициирующие поведение, отражают появление потребности (или потребность сигнализирует о сдвигах? Или сдвиги суть потребность? – Авт.). А само поведение, направленное на ее удовлетворение, называют мотивационным поведением. Его отличает высокая целесообразность. Оно направлено на устранение нежелательных сдвигов во внутренней среде (в т. ч. психическом гомеостазе. – Авт.), через взаимодействие с определенными объектами внешнего мира.

Мотивация – это состояние, которое развивается в структурах ЦНС во время поведения. Объективно оно выражается в изменении электрической активности мозга, биохимии мозга и, по-видимому, в изменениях на молекулярном уровне. В субъективном плане мотивации соответствует появление определенных переживаний. По К. Судакову, мотивация рассматривается как особый комплекс возбуждений, который роковым образом толкает животное и человека к поиску специфических раздражителей внешней среды, удовлетворяющих эту потребность. Сходное определение мотивации предлагает Б. Котляр. Это «эмоционально окрашенное состояние, возникающее на основе определенной потребности, и формирующее поведение, направленное на удовлетворение этой потребности» (1986).

Цель – главное звено в мотивации. Поэтому П. Симонов определяет мотивацию через механизм формирования цели. «Мотивация – это физиологический механизм активирования хранящихся в памяти (генетической и приобретенной. – Авт.) следов (энграмм) тех внешних объектов, которые способны удовлетворить, имеющуюся у организма, потребность, и тех действий (способов и средств. – Авт.), которые способны привести к ее удовлетворению (1987). Согласно А. Леонтьеву, мотивация – опредмеченная потребность (в т. ч. и психогенетически. – Авт.). Главное в таком определении: мотивация – само целенаправленное поведение». [14; с. 226–227] Между тем, как полагает автор учебника по физиологии ВИД: «На сегодняшний день наиболее совершенная модель структуры поведения изложена в концепции функциональной системы П. Анохина», в рамках которой, добавим, раскрываются вопросы саморегуляции как «всеобщего закона деятельности организма».

Согласно этой концепции «...физиологическая архитектура поведенческого акта строится из последовательно сменяющих друг друга, следующих стадий: афферентного синтеза, принятия решения, акцептора результатов действия, эфферентного синтеза (или программы действий), формирования самого действия и оценки достигнутого результата»... Естественно, что предваряет схему мотивационное возбуждение» [6 - Думается, нет необходимости излагать в подробностях весь ход процесса саморегуляции, осуществляемого посредством вышеозначенных механизмов, а следует выделить те существенные моменты, благодаря которым появится возможность интегрировать общие схемы поведения (деятельности), предложенные П. Анохиным и В.С. Мерлиным. Идея В.С. Мерлина об интегральной индивидуальности как большой саморегулирующейся и самоактуализирующейся системе свойств, в функциональном плане, основательно им не была детализирована. Ближайший анализ теории показывает, что процесс саморегуляции ИИ осуществляется благодаря выработке индивидуального стиля деятельности (жизнедеятельности, общения), выполняющего компенсирующую функцию, по отношению к рассогласованию индивидуальных свойств и объективных требований деятельности, что, в конечном итоге, ведет к гармонизации системы. Одним из уровней индивидуального стиля, по В.С. Мерлину, является операционный уровень, в структуре

которого различаются ориентировочные, исполнительные и контрольные операции.

Можно думать, что существует некоторое сходство между ориентировочными (гностическими) операциями и стадиями афферентного синтеза, принятия решений и программы действий, между исполнительными операциями и стадией формирования действия, между контрольными действиями и стадией оценки и коррекции достигнутого результата; не говоря о мотивационном возбуждении и эмоционально-волевом (в т. ч. и ситуативном) подкреплении в структуре стиля, особенности которых В.С. Мерлин не считал нужным детально раскрывать. Следует отметить, что процесс саморегуляции ИИ, осуществляемый благодаря выработке ИСД, непосредственно включен в состав деятельности (жизнедеятельности, общения) в качестве ее формально-динамической (и качественной) основы; содержание же деятельности, в отличие от формы может быть весьма разнообразным при неспецифическом (универсальном) механизме психофизиологической саморегуляции.]

«Функциональная система имеет разветвленный морфофизиологический аппарат, в котором ведущее место занимает ЦНС, обеспечивающая за счет присущих ей закономерностей как эффект гомеостаза, так и саморегуляции (гомеостаза. – Авт.). Выделяют два типа функциональных систем...» Первые «обеспечивают постоянство определенных констант внутренней среды, за счет системы саморегуляции, звенья которой не выходят за пределы самого организма...» Вторые «используют внешнее звено саморегуляции (и тоже не выходят за пределы организма. – Авт.). Они обеспечивают приспособительный эффект благодаря выходу за пределы организма через связь с внешним миром (интра(!)миром. – Авт.), через изменения поведения» [14; с. 195–197], о чем и было выше сказано. Следует добавить, что функциональная система рассматривается П. Анохиным в качестве регулятора всех форм деятельности организма, от самых простейших гомеостатических процессов («грубых, низших растительных эмоциональных состояний») до сложного речевого поведения («высших социальных эмоций»).

«Суть биологической теории (эмоций. – Авт.), – пишет сам П. Анохин, – состоит в следующем: она утверждает, что положительное эмоциональное состояние типа удовлетворения какой-либо потребности возникает лишь в том случае, если обратная информация от результатов происшедшего действия точнейшим образом отражает все компоненты положительного результата и потому точно совпадает с аппаратом акцептора действия. Биологически этой эмоцией удовлетворения и закрепляются правильность любого функционального проявления и полноценность его приспособительных результатов.

Наоборот, несовпадение обратных афферентных посылок от неполноценных результатов акта с акцептором действия ведет немедленно к беспокойству животного и человека и к поискам той новой комбинации эффекторных возбуждений, которые привели бы к формированию полноценного периферического акта и, следовательно, к полноценной эмоции удовлетворения. В этом случае, полноценное эмоциональное состояние ищется способом пробных (вероятностных. – Авт.) посылок различных афферентных возбуждений» [3; с.176].

«Таким образом, в структуре поведенческого акта формирование акцептора результатов действия опосредовано содержанием эмоциональных переживаний, – вновь читаем у Н. Даниловой, – ведущие эмоции выделяют цель поведения и, тем самым, инициируют

поведение, определяя его вектор. Ситуативные эмоции, возникающие в результате оценок отдельных этапов или поведения в целом, побуждают субъект действовать, либо в прежнем направлении, либо менять поведение (вероятностно менять. – Авт.), его тактику, способы достижения цели [7 - Сходство симоновского потребностно-эмоционального, неспецифического механизма с аналогичной схемой у П. Анохина, которая представлена, помимо прочего, мотивационным возбуждением, эмоциями, – как видим, налицо. Однако П. Симонов не раскрывает специально информационной составляющей потребностно-эмоциональной саморегуляции, как, впрочем, и П. Анохин не включает волевого подкрепления в свою модель фактически любого поведения. Между тем, «психологическим аспектом» структуры физиологического поведенческого акта, включающего «энергетические» компоненты, является и интеллектуальный контур саморегуляции, который также очень схож с анохинскими информационными структурами. В последние десятилетия в психологической науке разработана теория О. Конопкина, в которой раскрываются вопросы саморегуляции осознанной предметной деятельности. «Мы изучали саморегуляцию, – пишет автор, – как процесс, в ходе которого осуществляется, подчиненное определенным закономерностям, взаимодействие презентированных в сознании субъекта информационных образований» [22]. Структуру контура, который присущ любой деятельности, составляют следующие функциональные звенья: цель деятельности, субъективная модель условий деятельности, программа действий, критерий успешности деятельности, информация о результатах, решение о коррекциях. О. Конопкиным с сотрудниками разработана, также, концепция стиля саморегуляции деятельности [23]. Следует отметить, что стилевые операции саморегуляции во многом схожи с операциями ИСД, которые выделяет В.С. Мерлин. Так, ориентировочные операции и операции планирования, контрольные операции и операции оценки, контроля и коррекции имеют определенно много общего при различных теоретических подходах. Все это говорит в пользу того, что ИСД (жизнедеятельности, общения) представляет собой в основе не что иное, как процесс саморегуляции.].

Согласно теории «функциональной системы», хотя поведение и строится на рефлексорном принципе, но... отличается (?) от совокупности рефлексов наличием особой структуры, включающей в качестве обязательного элемента программирование, которое выполняет функцию опережающего отражения действительности. Постоянное сравнение результатов поведения с этими программирующими механизмами, обновление содержания самого программирования и обуславливают целенаправленность поведения.

Таким образом, в рассмотренной структуре поведенческого акта, отчетливо представлены главные характеристики поведения: его целенаправленность и активная роль субъекта в процессе построения (ну, конечно же! – Авт.) поведения». [14; с. 204–205]

Между тем, мерлинский тезис об активной адаптации в широком понимании (надо думать, рефлексорной), включающей в себя все виды целенаправленной, а значит, содержательной активности (покуда индивидуальность – генотип), – снимает рассуждения о якобы «проблеме» соотношения активности и деятельности. А именно, такого их соотношения, – если рассматривать последнюю как «специфическую форму общественного бытия людей», в то время как активность – лишь форму жизнедеятельности (?) [9; с. 87–97]. В «чистом виде», видоспецифическая активность человека (генотипа) – это видоспецифичный темперамент его, в состоянии функционирования и саморазвития, изменчивости. С интегральной точки зрения, «пассивность», «реактивность» не являются противоположностью активности, поскольку

также представляют собою темпераментальную активность, но ослабленную.

Более того, идея самоактуализации и саморегуляции системы как активной адаптации – для В.С. Мерлина является центральной. Так, трудности приспособления, возникающие в результате рассогласования индивидуальных элементов, преодолеваются посредством индивидуального стиля деятельности (общения) и ведут к гармонизации системы, ее саморазвитию. (Стиль гностических, исполнительных и контрольных операций представляет механизм «традиционной» саморегуляции).

В гл. 2 было показано, как устойчивые свойства могут вероятностно ослабевать (тормозиться) либо наоборот, усиливаться (ускоряться) в зависимости от требований деятельности (общения), при этом оставаясь теми же наследственными свойствами в целостном единстве. Точно так же, усиление и торможение вполне возможно и в отношении процессуальных элементов саморегуляции. Примечательно, что генотип способен также перестраивать свою структуру свойств (процессов), включая механизмы стохастического замещения, переключения, смещения и наложения и пр.

Так или иначе, механизмы саморегуляции – касаются ли они процессуальных элементов, либо неизменно-видоизменяющихся, перестраивающихся свойств, – во многом однотипны, схожи, как, впрочем, схожи категории функционирования и саморазвития. Более того, процессуальная структура саморегуляции, как видоспецифичная неспецифическая характеристика функционирования системы, должна квалифицироваться как хронологически развернутые, устойчивые ее видовые свойства. Иной вопрос, что видовые свойства имеют также и типологические, и индивидуально-своеобразные характеристики.

Так, симпатoadренальная темпераментальная тревожность (слабость нервной деятельности), в отличие от симпатонорадренальных биохимических типов, проявляется в тревожном актуализированном отношении в различных группах и различной деятельности, определяя вместе с тем и личный статус как статус изолированного. Характерологические симптомокомплексы тревожностилевых особенностей, как-то: неуверенности, замкнутости, мнительности, конформности и подчиненности, ранимости и впечатлительности, уступчивости, мягкости и совестливости, безвольности и робости, гиперэстетизма и характерологического нейротизма и т. п. – все это может проявляться в рефлексорных поведении и деятельности, направленных на удовлетворение потребностей; все эти свойства обеспечивают первичность «слабой» саморегуляции, первичной адаптации (низкий уровень приспособления преодолевается вторичной саморегуляцией через стиль преодоления).

С неспецифической процессуально-функциональной стороны, тревожные эмоции сопровождают процесс реализации потребности, необходимо выступая как ситуативные (усиление и ослабление, в зависимости от требований и настроения) или даже ведущие, соперничающие с актуализированным рефлексом (надо полагать, тревожность характерна для любого типа нервной деятельности, а не только «слабого»). Но, так или иначе, стохастические перестройки (видоизменения) оборонительного (защитного) характера, с использованием волевого подкрепления, имеют место быть, а значит, специфические интеллектуальные программы исполнения, гиперконтроль, коррекция, основанные на гиперсенситивности и страхе, имеют не последнее значение.

Видотипичные функциональные особенности психических процессов относительно тревожности – отдельная характеристика особенностей «слабого», трусливого человеческого животного. Кроме того, тревожность как оборонительный рефлекс и как

одни и те же свойства наследственного типа, как видим, органически вплетается в ткань саморегуляции фактически любой потребности, накладывая на структуру саморегуляции свою специфику; не говоря о том, что собственно оборонительный рефлекс, нередко может выступать самостоятельной потребностью.

Иное дело, видовые качественные особенности психических процессов, свободные от обозначенных типологических акцентуаций, акцентуаций каких-либо модальностей. Потребность выступает как системообразующий первичный фактор для психомоторики, эмоций, воли, интеллектуально-познавательных процессов (в широком смысле), – т. е. обеспечивающих удовлетворение потребности психических процессов в рамках темпераментального неспецифического механизма саморегуляции. Иначе говоря, психомоторика, эмоции и воля, интеллектуальные особенности (память и мышление, воображение, чувствительность, внимание) наряду с потребностями, – суть формальные (и динамические) психические свойства человеческого генотипа, характеризующие его видоспецифику.

Таким образом, традиционный взгляд на темперамент, понимаемый с позиций типологии как сочетание инвариантных свойств, в зависимости от типа нервной деятельности, – помимо специфичности для человеческих животных, – должен быть дополнен видовой его характеристикой. Покуда свойства высшей нервной деятельности (сила, подвижность, уравновешенность в безусловном («низшем») и условно-рефлекторном («высшем») вариантах), независимо от типа, суть «то же самое, что темперамент» [28; с. 65], то речь должна идти о «низшей» темпераментальной деятельности «высшей»; о приспособительных возможностях темпераментальной деятельности.

Иначе говоря, понятия «видотипичность» или «тип темперамента» не должны быть спутаны с понятием видового темперамента. Такая же путаница существует и с понятием «темперамент» и «тип нервной системы». Не нужно, однако, большого воображения, чтобы уразуметь и усвоить раз и навсегда, что понятию «тип нервной системы» соответствует понятие «тип темперамента», а понятию «темперамент» соответствует понятие «нервная система»(!). А поскольку такое соответствие существует, понятие «высшая и низшая нервная деятельность» суть то же самое(!), что и «высшая и низшая темпераментальная деятельность» (т. е. безусловно-условно-рефлекторная психическая активность).

Следовательно, понятия «личность и ее социальные роли», «социальный, содержательный опыт», самосознание «личности» и пр. – аннулируются (!), их не должно попросту быть. Тип ВНД, по И.П. Павлову, – генотип (!); следовательно, нервная система – целиком(!), генетическое образование, «слитое» с всецело конституциональной психикой (темпераментом). Нервная деятельность, по И.П. Павлову, – это и есть психическая деятельность, и данное обстоятельство нельзя ни в коем случае забывать. Не существует отдельно физиологических и психических процессов, подчиняющихся разным закономерностям, ибо закономерность здесь одна и та же, общая, неспецифическая. Иными словами, психика есть свойство нервной системы, включающее, как свойство, так и так называемую «социально-содержательную» сторону.

Структурно-динамический подход в изучении нервной системы в физиологии имеет давние традиции, однако в изучении темперамента практически не применяется. Здесь господствующим является структурно-статический подход (исследование свойств). Этот подход, на наш взгляд, с необходимостью должен быть дополнен динамической,

процессуальной компонентой, позволяющей выйти на новые рубежи исследования предмета.

Для В.С. Мерлина данное обстоятельство, впрочем, не было особым откровением. Ученый намеренно не раскрывал давно известную истину: процессы возбуждения и торможения – энергетика психики (потребности, эмоции, воля); условные связи, аналитико-синтетическая деятельность, анализаторы – информационные психические процессы. Вся ВНД направлена на реализацию генофонда безусловных рефлексов (потребностей, «отношений личности»). ВНД и есть генофонд безусловных рефлексов, с их же обеспечением. Иное дело, что нейродинамика (психодинамика) обобщается в свойствах, имеющих видовые человеческие (всеобщие), видотипичные и видотипично-уникальные характеристики. Ученый намеренно противопоставляет содержательную и формально-динамическую стороны данных свойств, маскируя фактическую «слитность» количественной и качественной сторон наследственного типа. И это обстоятельство, как и сказанное выше, представляет камень преткновения для большинства даже продвинутых пермских психологов.

Покуда единицей изучения динамики системы, выступает структура поведенческого акта (рефлекс как целостная «иерархичная» система), можно допустить, что схема однозначно-стохастического саморегулирования организма, которая отражена П. Анохиным, а также П. Симоновым и, отчасти, О. Конопкиным, – есть единица изучения высшей нервной (равно – темпераментальной) деятельности. Не вызывают никаких сомнений психогенетические (и хемогенетические) характеристики ее существования. Неспецифический наследственно-психохимический системный механизм, в онтогенезе, созревает и саморазвивается, становясь со временем сравнительно осознанным, вплоть до его системно-интегрального исследования учеными.

Безусловная наследственная жесткость, характеризующая блок потребности с ведущими эмоциями, вместе с тем реализуется посредством вероятностных психических процессов. Так, интеллектуально-информационные структуры (ориентировочный рефлекс), воля и ситуативные эмоции весьма пластичны: усиливаются либо ослабляются, а также перестраиваются во взаимодействии, в зависимости от степени и качества процесса потребностного удовлетворения, достижения потребностного результата (цели), при этом оставаясь теми же эмоциями, волей, интеллектом в однозначной данности.

Известная пластичность между тем необходимо характеризует и саму потребность (или несколько рефлексов), которая способна, как усиливаться, так и ослабляться, видоизменяясь или перестраиваясь с сопутствующими или конкурирующими, стабильно изменяющимися, рефлексам-потребностями. Сказанное относительно стабильности-пластичности касается и темпераментальных основных и стилевых свойств интегральной индивидуальности, включенных в механизм неспецифического саморегулирования на правах стабильно-видоизменяющихся компонентов.

Если попытаться рассмотреть неспецифическую саморегуляцию с позиций первичной «вертикальной» иерархии системы индивидуальности, мы получаем следующую картину распределения озвученных концепций П. Анохина, П. Симонова и О. Конопкина:

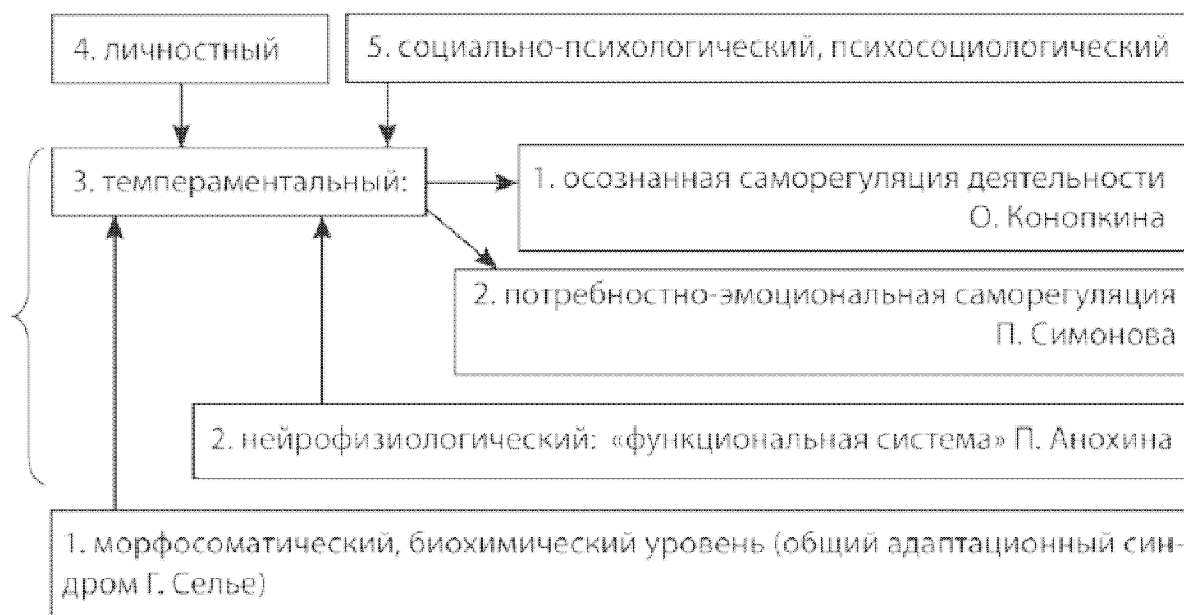

Таблица 1

Напомним, в результате интеграции («слития») системы элементов («наложения характеристик»), ее психические составляющие, как то: отношения и стилевые свойства личности, статусы и роли в группах (контактных, неконтактных) «сводятся» в конечном счете к темпераменту. Более того, нейрофизиологические свойства, если отделить их нейрохимические корреляты, также на поверку, выступают как психические компоненты. Следовательно, остаются одни и те же нейрогуморальные химические свойства с морфосоматическим обеспечением. В итоге «вертикальной» интеграции, мы получили специфичную неспецифичность «слитой» морфопсихохимии рефлекса [см. гл. 2].

Поскольку все психические свойства мы рассматриваем как темпераментальные (одни и те же), надо полагать, неспецифическая саморегуляция должна затрагивать и личностный, и социально-психологический, и психосоциологический уровни. Так, отношения (в сущности, потребности (мотивация)) и стилевые свойства, личные статусы и роли как отношения самосознания(!), включаются в неспецифическую видоспецифичную структуру механизма в качестве устойчивых процессуальных компонентов, селективно проявляясь в той или иной деятельности (активности), в том числе и непосредственно в общении.

Например, видоспецифическое отношение к деньгам охватывает множество рефлексов (потребностей) генофонда, выступающих как отношения (!): пищевой, родительский, учебный, трудовой, отношение к одежде, предметам быта и другим вещам, к жилищу, собственности, к людям, власти, статусу и т. д. Каждый из наследственно «приобретенных» видоспецифических рефлексов «под эгидой» отношения к деньгам реализуется в подвижных рамках видовой универсальной единицы деятельности (активности) через общение (контакты в группе или с незнакомыми людьми). Нужно отметить также, что отношение к деньгам нередко выступает как самостоятельный устойчивый рефлекс, осуществляясь через массу подчиненных мотивационных элементов.

Точно так же личные статусы, как отношения самосознания, как роли в той или иной «деятельности личности», – например, «звезды» в учебном или производственном первичном коллективе, «отца семейства», «рабочего» в борьбе за суверенные «права» на предприятии, члена неформального союза, члена этнической группы, гражданина

государства; или, в соответствии с определенным статусом, такие специфические роли, как устойчивое следование этическим и эстетическим, этническим, религиозным установкам, – все эти рефлексы, усиливаясь или ослабляясь, перестраиваясь в зависимости от ситуации, саморазвития, так или иначе, могут быть реализованы посредством деятельностных (активных) единиц неспецифического механизма саморегуляции, а также специфических и адекватных роли, деятельностей, реакций, операций, целей, в т. ч. общения.

Коль скоро мы имеем интегральный темперамент в границах соматопсихохимии, необходимо выяснить, что составляет материальную «основу» психического темпераментального аспекта механизма саморегуляции; какие морфосоматические и, главное, химические, нейрогуморальные системы задействованы в его обеспечении. На сегодня наиболее серьезной в плане разработки является теория общего адаптационного синдрома Г. Селье, в которой раскрываются неспецифические механизмы нейрогуморальной саморегуляции как ответа на фактически любой физический, химический, эмоционально-информационный раздражитель, запускающий так называемую универсальную (точней – неспецифическую) организменную стресс-реакцию [40].

В последние десятилетия, понятие «стресс» претерпело серьезные изменения, в отличие от его первоначальной трактовки. Во-первых, большинство исследователей указывает на комплексный, системный характер стресса. Выделяют нервный, эмоциональный, информационный стресс, подчеркивая при этом, что возникает он, как правило, в экстремальных условиях и воспринимается организмом как сильное, зачастую, субъективно неприятное потрясение. Это во-вторых. В-третьих, в современной психофизиологии и психологии стрессом называют один из видов функционального состояния организма и психики, что также расходится с первоначальными представлениями о стрессе.

Обратимся, однако, к первоисточникам. Стресс, по Г. Селье, есть неспецифическая реакция (а не только состояние) организма на любое предъявленное ему требование, и представляет собой стереотипные биохимические (гормональные) сдвиги, благодаря которым нарушается и, в то же время, осуществляется процесс саморегуляции гомеостатического состояния внутренней среды организма. Как известно, Г. Селье не отрицал участия эмоциональных механизмов в стресс-реакции (эмоциональный гомеостаз), однако основательно изучил и экспериментально обосновал по большей части нейрогуморальный ее химический компонент.

Что же касается экстремальных условий возникновения стресса, то видный физиолог полагал, что организм испытывает стресс постоянно, даже во сне, хотя его объективные признаки в таких неэкстремальных условиях могут и не проявиться. Именно поэтому, по всей вероятности, вынужденной мерой было применение «чрезвычайных» раздражителей, для экспериментального воспроизведения стресс-реакции, которая впервые была обнаружена также в соответствующих условиях.

Памятуя о сказанном, рассмотрим эту трехфазную реакцию, на протяжении которой происходят неспецифические гормональные сдвиги (экстренное выделение адреналина и норадреналина, АКТГ, кортикоидов и др. по оси «гипоталамус» (нервная система) – «гипофиз» (нервная система) – «кора надпочечников»), сопровождающиеся некоторыми органическими изменениями (увеличение коры надпочечников, атрофия вилочковой железы, появление язвочек желудочно-кишечного тракта).

Стресс-реакция или общий адаптационный синдром состоит из трех последовательных фаз: тревоги, резистентности и истощения. Напомним, что в первой фазе, после воздействия «чрезвычайного» раздражителя, возникает угроза нарушения гомеостаза внутренней среды вследствие сильной гормональной (эмоциональной) реакции на стрессор. Вот здесь и возникает собственно стресс. Во второй фазе, угроза нарушения гомеостаза временно снижается; если действие раздражителя совместимо с возможностями адаптации, признаки реакции тревоги практически исчезают.

На фазе истощения адаптационной энергии вновь возникает угроза нарушения внутреннего равновесия, и организм вновь испытывает состояние стресса. Если такая угроза доходит до критической точки и организм вынужден спасать себя уже другими средствами, возникает потребность в выходе из данного состояния (хотя, по-видимому, она возникает раньше – еще на фазе тревоги). Эта потребность, полагает Китаев-Смык, «...своеобразный крик о помощи, которая может придти только извне, – либо в виде поддержки, либо в форме устранения стрессора, изнуряющего организм». [19]

Если же действие стрессора не прекращается, и организм не получает никакой поддержки, происходят необратимые сдвиги гомеостаза и наступает смерть. Таким образом, стресс-реакция представляет собой нечто большее, чем описанный выше трехфазный процесс. При известных обстоятельствах она может быть расширена за счет включения фазы выхода из стресса, посредством, какой-либо, внешней помощи или внешней деятельности, что, впрочем, чаще всего и происходит в жизни.

К примеру, представим ситуацию: человек пришел искупаться. Одну за другой он проходит уже известные нам фазы общего адаптационного синдрома: вначале ему холодно (тревога), затем, наступает привыкание (резистентность) и, наконец, он вновь замерз (истощение). Что в таком случае предпримет человек? – просто выйдет из воды. К этому его вынудит потребность[^]), обусловленная состоянием стресса. Поскольку в противном случае может наступить переохлаждение и, как следствие, смерть.

Итак, если организм имеет возможность выйти из состояния стресса, т. е. удовлетворить возникшую актуальную потребность посредством внешней деятельности, – структура стресс-реакции будет выглядеть, уже несколько иначе, чем это было у Г. Селье:

- 1) стадия стресса (тревога (потребность), резистентность (потребность), истощение);
- 2) стадия выхода из стресса;
- 3) приспособление.

Теперь, попытаемся сопоставить этот механизм биохимической саморегуляции с приведенной выше общей схемой саморегуляции ИИ. Нетрудно заметить определенное сходство, которое проявляется не только в общности структур (рассогласование – ИСД – гармонизация; потребность (ориентировочные операции) – реализация (исполнительные, контрольные) – удовлетворение), но и в том, что оба механизма включают, в качестве основных звеньев, потребность (мотив) и процесс ее удовлетворения. Именно эти обстоятельства и приводят к мысли о том, что стресс-реакция (в расширенном ее варианте) представляет собой один из «уровней» общего процесса саморегуляции.

Однако здесь могут возникнуть сомнения относительно экстремальных условий возникновения стресс-реакции, – ведь в обычных, не экстремальных условиях, никакой сколько-нибудь выраженной тревоги, сопротивления, и, тем более, истощения быть не может. Поэтому возникает вопрос; каким же образом при таких условиях протекает процесс нейрогуморальной саморегуляции?

Для наглядности приведем еще один пример; человек испытывает пищевую потребность

и немедленно ее удовлетворяет, если существует на это возможность. В самом деле, – какой смысл дожидаться фаз резистентности, а тем более истощения, когда актуальную потребность можно удовлетворить сразу? Или, например, человек хочет спать.

Спрашивается, какой смысл ему лишать себя сна, когда он просто ложится и засыпает?

Таким образом, в неэкстремальных условиях потребность в выходе из стресса, как правило, удовлетворяется немедленно, минуя фазы сопротивления и истощения. При этом состояние стресса на фазе тревоги может быть выражено весьма слабо. Другое дело, если организм не имеет возможности питаться или спать, вот тогда и вступает в действие механизм неспецифической долговременной адаптации. Между тем в течение онтогенеза фрустрация рефлексов более высокого порядка (сексуального, родительского, трудового, творческих и идеальных), – явление совсем не редкое, и долговременная адаптация имеет место быть во многих трудноразрешимых «жизненных проблемах».

При реализации всего многообразия рефлексов задействованы, надо думать, все системы организма, а не только психика и общебиохимические механизмы стресса, с участием нейрогормонов (гипоталамуса, гипофиза и др.). Известно, что биохимической основой нервного формирования мотиваций и эмоций выступают и другие группы биологически активных веществ: нейромедиаторы, нейропептиды, макромолекулы, эндогенные опиаты и пр. [14; с. 245–248; 270–273], а нейронные механизмы поведения вообще обеспечиваются специальными группами нейронов, ответственными за нейрхимические системные реакции [14; с. 208–215]. Не менее важной компонентой, при реализации рефлексов, является и двигательная активность человека (ее изменчивость), перемещения тела животного в пространстве, не говоря уже о рече-двигательных механизмах, о которых выше уже было вкратце нами упомянуто.

Таким образом, картина рефлекторно функционирующей, «слитой», системно-интегральной (одной и той же) соматопсихохимии индивидуальных свойств, как генотипа, проявляется вполне отчетливо: отличных психосоциологических ролей до морфосоматических, химических процессов-механизмов, обеспечивающих реализацию потребностей посредством саморегуляции. Все это позволяет говорить о видоспецифичном интегральном стиле индивидуальности (одних и тех же, «слитых» его «уровнях»), имеющем, помимо видовой, – видотипичные, а также уникально-своеобразные характеристики у разных конституциональных типов.

Теперь мы вплотную подходим к пониманию интегральной, неспецифической наследственной закономерности, которой подчиняется интегральная человеческая индивидуальность (видотипичное уникальное социальное человеческое животное) в ее закономерно-стохастических (безусловно-условных) связях с интра(!)индивидуальным, одним и тем же миром. Важно понять, что индивидуальность (генотип) не есть статично застывшее образование, но одно и то же, «слитое», абсолютно целостное живое природное существо, которое, несмотря на относительную устойчивость и стабильность обобщенных его свойств, саморазвивается, функционирует, а также видоизменяется не только в зависимости от видоспецифической человеческой и природной среды, но и собственной наследственной логики онтогенетических функционирования и саморазвертки. Таким образом, и интегральная индивидуальность, и ее динамика, и ее интраиндивидуальный (отраженный) мир суть одна и та же целостная система, но отнюдь не полисистемное дифференцирование перечисленных систем, – т. е. то дифференцирование, которое постулируется Пермской психологической школой, под

руководством Б. Вяткина. [36]

Но прежде, чем основательно раскрыть означенную выше закономерность функционирования (саморазвития) генотипа в условиях среды, необходимо провести дальнейший интегральный анализ и, собственно, интеграцию одних и тех же в декларации, и все же «не одних и тех же» его элементов.

Каким образом мы пришли к «слитой» видоспецифической морфопсихохимии рефлекса (интегральных свойств), закономерно-стохастически разворачивающегося во времени, динамике, связях с интраиндивидуальными условиями существования? Следуя интегральной логике, мы абстрагировали морфосоматику нервной системы и всех прочих систем организма от его биохимических реакций нейро(!)гуморальной саморегуляции. Вместе с тем, необходимо было вычленить интегральную психическую компоненту из свойств высшей нервной деятельности, включая социально-психологические и психосоциологические (т. е. интра(!)индивидуальные элементы). В результате был получен интегральный видовой темперамент (одни и те же его свойства), охватывающий, в том числе, и «личностные» образования (отношения, характер, самосознание, способности).

Следует заметить, что разные языки наук (разные теории), раскрывающие разноуровневые свойства индивидуальности, описывают фактически один и тот же предмет, который В.С. Мерлин произвольно разбил на некие «иерархические уровни и подсистемы». Так, обобщенные мотивационные отношения личности (ценности, установки, диспозиции) являются не чем иным, как видоспецифическими потребностями человеческого организма, выражающимися в отрицательной или положительной мотивации (мотивах) к тем или иным, значимым и нет, предметам окружающей среды (в том числе, к людям).

«Производные» от отношений симптомокомплексы черт характера (стилевые способы действия приспособительного значения, по В.С. Мерлину) – вероятно, те же самые отношения, а значит, и потребности (мотивация) и, вместе с тем, положительные либо отрицательные рефлексы генофонда, которые, в свою очередь, могут обрастать системами «производных» условных инстинктов.

Сложнее обстоит дело с отношениями индивидуальности к самой себе (самосознание), – т. е. с тем, что В. С. Мерлин назвал метаиндивидуальностью. Он писал о так называемых личных статусе и ролях, фактически, «противопоставляя» им социальные статусы и роли (на деле, отношения других людей к индивидуальности, хоть и лежат за ее пределами, но отражаются ею, влияя на личный статус, но, не всегда детерминируя его однозначно). Личный статус определяется самосознанием: самооценкой, истинным самоощущением и, отсюда, уровнем притязаний, амбиций (рефлекс власти (подчинения)). Из этого исходит соответствующая личная роль в малых и больших социальных группах [8 - Говоря об истинном характере метаиндивидуальных свойств, В.С. Мерлин, без обиняков, пишет: «Исследования интересующих нас проявлений, как показателей метаиндивидуальности, отсутствуют (!). А между тем, по сравнению с личностными статусами (определяемыми группой. – Авт.) и социальной перцепцией они, быть может, составляют подводную часть айсберга» [28; с.112].]. Между тем, реализация личных статусов и ролей также подчиняется рефлекторному принципу, как и другие наследственные отношения личности.

Способностями, в широком смысле, могут быть названы любые свойства индивидуальности, однако, следует отметить, что более точный ответ на вопрос о

генетических способностях мы можем получить, зная особенности так называемой типологии развития (познания) по И.П. Павлову [11]. Данная типология строится на основании трех сигнальных систем действительности человеческого животного (1-я – общая с другими животными (общий интеллект и способности); 2-я – специально человеческая (специальный интеллект и творческие способности); 3-я – интегрально-системное видение мира (возможно, гениальность)). Эти конституциональные типы так же реализуют соответствующие им способности, как условные рефлексы.

Таким образом, остаются, еще детально не проанализированные нами, гомоморфные (одни и те же) «уровни» нервной системы и темперамента. В последующих главах будет дан более основательный интегральный анализ этих видоспецифических генетических «подсистем». Сейчас же пока ограничимся констатацией того, что данные, по сути психодинамические (количественные) свойства, описываемые языком разных наук (психологией и нейрофизиологией), имеют еще и качественную наследственную сторону, а именно: мы говорим о генофонде устойчивых свойств (рефлексов) и его функциональной и онтогенетической наследственной изменчивости. Именно этот видоспецифический генофонд представляет собой «слитность» одних и тех же морфопсихохимических сторон, которые в триединстве фактически являются аспектами любого условно-безусловного рефлекса (и «производных» от него) любого обобщенного индивидуального свойства.

Таким образом, рефлекторные составляющие человеческого генотипа в их динамике, видоизменении в связях с условиями окружающей социобиологической и физико-химической среды, по-видимому, и есть та неспецифическая интегральная закономерность, которой и подчиняется абсолютно целостная («слитая») система индивидуальности.

Глава 4

Идейная система И.П. Павлова в связи с высшей нервной деятельностью и возможное адекватное ее понимание

Написание данной главы, казалось бы, не имеет должной необходимости в свете предпринятого нами теоретического исследования в форме «Комментариев...» к основополагающему труду В.С. Мерлина; однако сведения именно из этой части монографии должны явственно показать как суть процесса теоретической интеграции, так и так называемой психофизиологической проблемы, так и понимание многих нейрофизиологических (психических) феноменов, адекватная трактовка которых отсутствует, – хотя бы в пределах Пермской психологической школы.

Между тем, В.С. Мерлин в психофизиологических исследованиях, изучении личности и метаиндивидуальности, несомненно «базировался» на знании ВИД и свойств ее общих и специально человеческих типов, прекрасно разбираясь в данном предмете. Иное дело, что он недостаточно детально и полно отразил в своих трудах нейрофизиологическую теорию из-за имеющих место в то время жестких цензурных препон. Последователи же ученого, в виду «неподъемной» сложности предмета, недостатка времени и пр., вообще слабо разбираются в вопросах учения о ВИД. Вместе с тем, незнание краеугольных его основ, как уже отмечалось, не может способствовать пониманию того, что В.С. Мерлин называл междисциплинарной, межуровневой интеграцией. Кроме того, нельзя упускать из виду

такую реальность, как типология развития человеческих генотипов. А посему мы посчитали, что включение этой главы в «Комментарии» имеет крайне важное эвристическое значение.

Традиционно учение И.П. Павлова ложится в «основу» отечественной психологии и психофизиологии, хотя и в прошедшее, и последующее время существовало немало отступлений от правила (см. всю массу «чисто психологической» литературы). Дифференциальная же психофизиология, ориентированная, главным образом, на типы человеческих животных, вообще немыслима без павловского наследия и целиком должна проистекать из него.

Ныне, однако, немало сделано в изучении «сугубо психологической» компоненты работы мозга, например в Пермской психологической школе. [9; 29; 47; 49; и др.] Вместе с тем, типологический аспект индивидуальных различий, так называемые свойства типов превалируют в исследованиях дифференциальной психофизиологии, нежели аспект функциональный.

Прежде чем приступить к изложению возможной трактовки понятийного аппарата учения И.П. Павлова, необходимо определить, как может быть разрешена так называемая психофизиологическая проблема в рамках данного учения и психологии.

Чрезвычайно распространен взгляд на высшую нервную деятельность как некую физиологическую «основу» психики [9; 24; 25; 39 и т. д.]. Впрочем, здесь обнаруживается не только дуализм двух систем понятий, но разъединение и параллелизм двух типов закономерностей функционально-«статического» порядка, описываемых, как оказывается, на языках различных наук.

Хотя И.П. Павлов и называл психику «первой реальностью», ее первичность и главенство над «физиологией», плохо скрываемые некоторыми авторами, также вызывают серьезные сомнения. Вообще же, по данным Н. Будиловой, вариантов решения психофизиологической проблемы философами и психологами более чем достаточно, и процесс этот до сих пор, увы, не закончен в принципе [7].

И.П. Павлов неоднократно акцентировал: высшая нервная деятельность и тип нервной системы (ВИД) – это и есть психическая деятельность или темперамент; «тип нервной системы – то же самое, что и темперамент» [5; 33; 34]. Чтобы понять данный тезис, нейрофизиологические и психические закономерности функционирования следует рассматривать с позиций не дуализма и параллелизма, но так называемого «слития» по И.П.Павлову, в результате чего названные закономерности становятся одними и теми же закономерностями, а значит, языки разных наук фактически описывают один и тот же предмет – психику. Физиология ВИД исследует фактически не нечто «материально-физиологическое», но именно психическое, неотрывное от мозгового субстрата и его биохимии.

Так, такие термины, как «условный рефлекс», «нервные процессы возбуждения и торможения», «сильный – подвижный – уравновешенный», «зрительный анализатор», – это термины, раскрывающие не что иное, как психическую реальность, вопреки установившемуся мнению. Иное дело, что нейрофизиологическими понятиями, довольно сложно описать «все богатство» внутреннего мира человека. Для этого и необходим «другой» язык, создающий иллюзию обособленности и некой «специфичности» психического.

Таким образом, одни и те же психические реалии исследуются, на первый взгляд, разными науками, а на деле – одной и той же научной дисциплиной, которую точнее было бы назвать не психофизиологией, а физиологией ВВД, раскрываемой двумя классами понятий. Ибо психика есть «свойство мозга» и не существует без нервного субстрата и его материальных биохимических процессов. Вместе со смертью мозга, жизнь – био– (или душа, психика) прекращает свое существование. Вернее, прекращается жизнь мозга, – что и означает смерть: останавливаются химические процессы, а значит, и психические; остается один мертвый субстрат.

Последним заключением, мы хотим подчеркнуть тезис об отсутствии, какой либо первичности и вторичности в соматопсихохимической триаде. Тело, химические процессы и душа неотделимы друг от друга, «слиты», работают в одной связке. По сути дела, это один и тот же интегральный материальный монопроцесс, начинающийся, работающий и кончающийся данной единовременной триадой.

Основным в терминологическом аппарате учения о ВВД является понятие условного рефлекса. Мы не будем задерживать внимание на той простейшей информации о рефлексах, которая дается в учебниках по психологии и нейрофизиологии, даже для специализированных факультетов и вузов, готовящих соответствующие кадры [напр., 1; 14; 20; 37]. Обидно то, что, даже придя в науку, бывшие студенты-психологи, несмотря на изучение серьезных монографий, продолжают всю жизнь держаться «начал», не вникая в суть, а значит, и не понимая глубинный смысл павловских идей. Условный рефлекс у «психологов» коренным образом отличается от безусловного, как некая внеприродная «социальность» людей, вопреки биологическому, природному, телесному; а классический опыт с собакой и светом, на который животное реагирует, закрепление и угасание рефлексов, научение и образование опыта с помощью них, работа анализаторов, совсем уж непонятные, возбуждение и торможение – стали для горе-«ученых», пожалуй, единственным сокровенным знанием, относительно человеческой биолого-генетической высшей нервной деятельности.

Обычно принято думать, что условные рефлексы возникают на «базе» безусловных, а затем, якобы, обретают некую самостоятельность. На деле же условный рефлекс – это и есть безусловный инстинкт (И.П. Павлов отождествлял понятия инстинкта и рефлекса), – то бишь, врожденный инстинкт в связи с внешними и внутренними условиями существования особи. Способность животного гибко приспосабливать свои потребности-инстинкты к вероятностной среде обитания (что суть и есть, собственно, условный рефлекс), – также является врожденной(!), выступает как объективная генетическая данность.

Иначе говоря, условные стохастические связи с окружающей средой (безусловно-условными раздражителями), неотрывны от закономерно-жестких, безусловных, наследственно запрограммированных инстинктов как связей (отношений). С позиции интегрального подхода, условные связи, как ни парадоксально, так же закономерны, – т. е. существуют не обособленно от предопределенного генетически, но сами являются, без сомнения, им.

Таким образом, наследственные связи рефлексов с раздражителями среды бывают двух типов; закономерные (каузальные) и вероятностные (телеологические), которые фактически являются одной и той же зависимостью, обозначаемой понятием условного рефлекса (инстинкта).

Гибкая генетическая компонента условного рефлекса (наряду с жестко-познавательной) определяется в физиологии ВНД, еще и как безусловный ориентировочный рефлекс, обеспечивающий реализацию всей системы эндогенных, вне(!)условных инстинктов-потребностей (он и сам, кстати, может быть самостоятельным рефлексом). Однако жесткая, безусловная познавательная компонента условных отношений почему-то зачастую выходит из поля зрения большинства исследователей. А любой генотип, между тем, есть наследственная устойчивость и наследственная изменчивость, касающиеся также и познавательных процессов.

Потребность (рефлекс), вооруженная внутренними и внешними детекторами (анализаторами), т. е. способностью ощущать, воспринимать; а также мышлением, воображением, памятью, вниманием (аналитико-синтетическая деятельность мозга, безусловно-«условные» связи), – рефлексивует и преодолевает с их помощью вероятностные преграды на пути своего удовлетворения (иначе, достижения эмоционального комфорта, гедонического насыщения (безусловное подкрепление рефлекса)) [21; 44].

На реализацию инстинкта «работают» (прежде всего) и прочие психические процессы: эмоции, чувства и воля (возбуждение и торможение по И.П. Павлову [см. в 43]; их закономерно-вероятностное усиление и ослабление, в зависимости от характера преграды, т. е. изменчивость). Естественно, что данные «энергетические» процессы «работают» с одновременной активизацией или торможением познавательной деятельности человеческого генотипа. Иначе говоря, функционируют с интеллектуальными процессами, в одной и той же, стабильно-гибкой рефлекторной «связке».

Таким образом, под понятие «условный рефлекс» подводится вся система наследственной психики: взаимосвязанный комплекс наследственных человеческих инстинктов и системы «попутного подкрепления» (генетических эмоционально-волевых и познавательных процессов, обеспечивающих реализацию потребностей) [21]. С помощью интегрального метода мы достигаем не только системного понимания ВНД (сиречь, психики), но и, собственно, интеграции ее элементов в одно и то же, интегрально-«слитое» целое. А именно: такое целое, в котором элементы лишены какой бы то ни было обособленности и даже специфики. Ибо специфика составных частей его – неспецифическая, а обособленность, разность – относительно тождественная. Вместе с тем, следуя интегральному методу, мы исключаем какую бы то ни было иерархию составляющих элементов, их первичность либо вторичность, «базовость», либо вспомогательность, производность. Ибо они, в сущности, эквивалентны, равнозначны и единовременны во времени.

«Функциональной системой» условного рефлекса, описанной П.К. Анохиным и близкими ей по духу, но сохраняющими свою незабвенную «специфику», психологическими системными моделями функционирования [напр., 22 и др.], впрочем, еще не исчерпывается интересующий нас предмет ВНД. Человеческое животное не только на протяжении всего времени существования, чем-либо, положительно или отрицательно мотивировано, испытывает ту или иную потребность (инстинкт) и, стохастически, стремится ее удовлетворить, ибо к этому его понуждают одновременные отклонения психохимического гомеостаза; ВНД по И.П. Павлову характеризуют еще и устойчивые, стабильные, на протяжении всей жизни, свойства нервных процессов возбуждения и торможения, как свойства, включительно, всех безусловных и «условных» связей и

анализаторов, благодаря которым безусловные инстинкты находят, достигают и эксплуатируют во внешнем мире предметы своей реализации.

Ученый выделял такие основные свойства ВНД (в сущности, процессов возбуждения и торможения), как сила, подвижность и уравновешенность, а то или иное их сочетание, называл типом нервной системы (ВНД). Вместе с тем тип нервной системы (генотип по И.П. Павлову) – «то же самое, что и темперамент», который, согласно господствующей психологической доктрине, есть некоторая формально-динамическая (количественная) сторона, наследственные динамические свойства [4; 32; 37 и др.].

Но если мы говорим об устойчивых образованиях ВНД как свойствах темперамента, с точки зрения интегрально-монистического решения психофизиологической проблемы, то, стало быть, ВНД есть динамика психической деятельности, всего психического функционирования. Иными словами, покуда типы нервной системы суть темпераментальные типы, то и нервная система, нервная деятельность вообще – это и есть темперамент вообще (видовой человеческий темперамент, – то есть, независимо от типов) или, выражаясь по-другому, «низшее» и «высшее» темпераментальное функционирование.

Отсюда следует, что количественная, динамическая сторона ВНД (психической деятельности) не исчерпывает понятия «темперамент». Наряду с количественной, его характеризует и качественная (и содержательная) процессуальная сторона; точнее: обе эти стороны – одно и то же явление, неотрывны друг от друга, «слиты» в единое целое. Другими словами, качественные особенности всех психических процессов, наряду с динамикой всей психической деятельности – это и есть то, что Вольф Соломонович Мерлин называл темпераментом [30].

Психика, как «свойство» биологического человеческого субстрата, биохимии мозга и всего организма, таким образом, тождественна понятию темперамента, представляет собой целиком генетическое образование, не оставляющее места, чему-либо, внеприродному, надбиологическому. Психическая деятельность, как и высшая нервная деятельность, выступает также в роли обобщенных, относительно стабильных свойств. Несмотря на то, что последние остаются на протяжении онтогенеза человеческой особи фактически неизменными (безусловными), они, тем не менее, не только вероятно функционируют, но и видоизменяются в зависимости от внешне-внутренних условий, создавая иллюзию собственного «исчезновения», «перевоспитания» и иных якобы «кардинальных» изменений.

Иной вопрос, что психологические свойства темперамента, как основные свойства ВНД, описываются, казалось бы, совсем на другом языке, нежели язык нейрофизиологии. Так, тревожность, агрессия при фрустрации, экстраверсия, эмоциональность, сенситивность не имеют, казалось бы, ничего общего с силой, подвижностью и уравновешенностью, – однако это, так или иначе, не что иное, как свойства нервной системы с «иной», психологической стороны.

Вместе с тем, так называемые свойства личности и ее многочисленные (личные) статусы и роли в обществе также представляют собой свойства темперамента, а значит, соответственно, являются свойствами нервной системы, хотя и вербальные обозначения их, на первый взгляд, имеют мало общего с силой, подвижностью, уравновешенностью и т. д. Кстати, нейродинамический и психодинамический уровни, как одно и то же целостное явление, названы так еще и потому, что отражают движущие силы генотипа: его самоактуализирующиеся и саморегулирующиеся безусловные (условные) рефлексы,

как потребности (отношения), выражающиеся в мотивации.

Далее. Основные свойства нервных процессов возбуждения и торможения охватывают, как мы уже выяснили, всю ВНД, – то бишь не только само возбуждение и его «антипод», но и безусловно-«условные» закономерно-стохастические связи с условиями существования, а также закономерно-вероятностную работу анализаторов, динамику которой В. Небылицын почему-то рассматривал как особые, так называемые парциальные (частные) свойства, противопоставляя им общие, «охватывающие весь мозг», «изоморфные» нервно-психические образования [31]. То, что вся ВНД (психика), включая анализаторы, может одновременно гибко видоизменяться, в зависимости от изменений внешне-внутренней среды (в том числе, ситуативных, что есть усиление (ускорение) или ослабление (торможение) возбуждения и торможения, а значит, динамики связей и, одновременно, усиления, либо торможения функционирования анализаторов (исключение иллюзии парциальности свойств), – об этом в учебниках по нейрофизиологии и психологии, да и в научных трудах практически ничего не сказано.

Стохастическое усиление (ослабление) наследственно «неизменной» силы возбуждения и торможения (что, собственно, и есть ее подвижность), – ведет, в конечном счете, к психохимическому равновесию, гомеостазу генотипа (уравновешенность). По сути же дела, усиление и ослабление – есть не что иное, как бессознательно-«сознательная» воля, понуждающая животное преодолевать препятствия на пути удовлетворения потребностей. Впрочем, эта двойственность волевых процессов в составе условно-рефлекторного акта – понятие неправомерное, ибо человек лишь сознает бессознательную (безусловную) объективную необходимость преодоления «внешне»-внутренних преград (фактически, всегда внутренних), лишь сознает, так сказать, «зов» инстинкта и действует в соответствии с ним: будь то «сознательное» торможение других «отрицательных» рефлексов, ради растормаживания «положительных», или усиления возбуждения либо торможения при преодолении какой-либо, внешней преграды.

Силу, подвижность и уравновешенность ВНД, сочетание которых образует тип нервной системы, следует рассматривать, как того требует логика, не только с динамической, но и с иной, качественной стороны. Иначе говоря, типологическое понимание свойств (например, сильная, подвижная, неуравновешенная нервная система холерика, а у меланхолика – слабая, инертная), может быть дополнено видовым (всеобщим) пониманием, характерным для всех особей человеческих популяций. Сила «вообще» в данном случае представляет собой не столько абстрагирование от дихотомии «сила-слабость» (уровень интенсивности, работоспособности), но не что иное, – как весь генофонд безусловных рефлексов человеческого животного, включая и безусловный ориентировочный (собственно, условный) инстинкт, а также всю систему «обеспечения» их реализации.

Наследственность немислима без собственной (генетической) изменчивости. Именно ее И.П. Павлов называл подвижностью всех нервных процессов. Подвижность, поэтому, следует понимать не только как типологический уровень скорости возбуждения и торможения и т. д., но и как общие стохастические изменения, перестройки нервной деятельности в зависимости от внешних условий, наследственных особенностей онтогенеза, а именно: ее динамики (усиление (ускорение), либо ослабление (торможение)

системы рефлексов, всех психических процессов) и качественной стороны, «слитой» с этой динамикой.

Безусловная уравновешенность также есть не просто типологический уровень баланса нервных процессов возбуждения и торможения; уравновешенность суть способность нервной системы закономерно-вероятностно (условно) уравновешивать (саморегулировать) организм в определенных, генетически данных, рамках, границах (гомеостаз), сохранять целостность организма, как в текущем его функционировании, так и в наследственной периодичности, в саморазвитии онтогенеза. Уравновешенность, по большому счету, в сущности, – и есть сам психохимический гомеостаз.

Таким образом, безусловная сила «сливается» с подвижностью (наследственной изменчивостью), а подвижность с уравновешенностью. Фактически, данную системную триаду (одни и те же равнозначные свойства: одна и та же сила), можно определить как относительно устойчивый целостный генофонд психики и его способность, функционально и онтогенетически, саморегулироваться, саморазвиваться и видоизменяться в наследственных установленных, границах в вероятностно-стабильной среде обитания особи. Иное, привнесенное извне, благоприобретенное (текущее отражение, опыт, знания, идеалы, ценности и т. п.) ложится на данную «почву» генетических механизмов и свойств, само же являясь продуктом, опять же, наследственно-популяционного видоспецифического происхождения. Продуктом усвояемого отдельными организмами.

Вместе с тем весь накопленный видоспецифический опыт человечества, разнообразные знания, умения, навыки, нравственные, эстетические, правовые религиозные нормы и идеалы, убеждения были веками выработаны на «базе» генетических механизмов ВНД, и поэтому представляют собой ту же видоспецифичную наследственность, познавательный генофонд вида, передающийся из поколения в поколение.

Иной вопрос, как ассимилируется данный видовой опыт отдельными человеческими особями, если учесть, что видовое разделение труда, а также творческих специализаций (между конституциональным полиморфизмом особей), в принципе, из века в век, видоизменяясь, сохраняется, остается одним и тем же, – даже несмотря на появление, казалось бы, «абсолютно» новых профессий и отмирание старых.

То же самое можно сказать и о безусловных, врожденных отношениях людей в малых и больших социальных группах и между ними, во всеобщем видовом воспроизводстве. Властование и подчинение, борьба и соперничество, сотрудничество и взаимопомощь, как единые типы отношений, сохранялись на протяжении всего существования человеческих животных, всего естественно-исторического процесса.

Что тогда говорить о лежащем в «основе» труда (творчества) и связей людей, а также других видов их совместной деятельности, – стабильно-стохастическом видовом генофонде безусловных инстинктов? Несмотря на различные видоизменения в течение эволюции вида, он остается неизменным, стабильным, а выражаясь точнее – суть одним и тем же. Нас, впрочем, интересует видотипичный наследственный опыт особей, объективно выбирающих ту внешнюю социобиологическую информацию (из всего ее многообразия) и способы деятельности, которые соответствуют ему, а также видотипичным свойствам, стилю тех или иных самовоспроизводящихся конституциональных типологических групп (половозрастных, общих, вожаческих, специально человеческих, «кастовых»), веками составляющих гигантскую видовую человеческую популяцию.

Коль скоро речь зашла о генотипах нервной системы, необходимо провести их адекватную классификацию. Та типология ВНД, что раскрывается в учебных пособиях и главах монографий по данному вопросу, по своему познавательному значению далека до истинного положения вещей [14; 20; 37 и пр.]. Согласно ей павловские типы подразделяются на «общие» – по основным свойствам нервной системы, и «специально человеческие» – по двум сигнальным системам действительности: первой («художники») и второй («мыслители»). Человек может относиться к сангвинику или холерику, или флегматику, или к меланхолику, а также быть склонным, якобы, к «преобладанию» художественных или мыслительных способностей, или к так называемому «среднему» типу.

На деле, однако, все обстоит иначе, ибо наряду с такой упрощенной типологией существует и другая, в соответствии с которой общие с другими животными типы, И.П. Павлов отождествлял с 1-й сигнальной системой (к ней он относил почему-то и всех «художников»), тогда как специально человеческие (творческие) ко 2-й сигнальной системе [11; 31]. Вероятно, существует и 3-я сигнальная система, замыкающая трехступенчатую типологию развития (или познания), включающая в себя, так сказать, «низшие» ступени, ибо они «слиты» с ней воедино и выполняют относительно равнозначные, тождественные с ней функции.

Прежде чем перейти к собственно типологии познания(!), рассмотрим общие с другими животными типы. Следует понять, что сила, подвижность и уравновешенность, взятые абстрагированно от степени их видотипичной выраженности, – это биологическая наследственность (генофонд), ее изменчивость (усиление и торможение, перестройки как саморегуляция организма) в генетически же определенных границах. Типичные закономерные характеристики данных видовых свойств также представляют собой не только динамическую их сторону, но и качественную(!), а именно: видоизменения генофонда в наследственных границах. Кроме того, видовая типичность имеет еще, и индивидуально-своеобразные закономерные особенности. Одного и того же человека, таким образом, характеризует «слитая» видотипично-уникальная триада.

Почему «общая с другими животными», типология обозначается именно так? Проводя опыты с собаками и другими высшими животными видами, И.П.Павлов нашел, что собаки, как и люди, подразделяются на четыре основных генотипа. Вялые, инертные, тревожные (слабый тип (слабоприспособленный) – меланхолики); подвижные, общительные, «веселые» (сангвиники); агрессивные, неуравновешенные (холерики); спокойные, инертные (флегматики) встречаются и у собак, и у крыс, и у обезьян, и у людей. Этим ученый хотел подчеркнуть общность психической конституции разных зоологических видов.

Следует обратить внимание, что основные эмоциональные модальности, а именно: страх, радость, агрессия, эмоциональная стабильность, – это и основные общевидовые эмоции высших животных. Конечно, тот или иной тип может испытывать весь спектр означенных эмоций, однако он тем и характеризуется, что обладает определенной акцентуацией на ту или иную их модальность.

Общие типы ВНД людей имеют и иную общность с другими видами; с уровнем развития познания, а значит, способом существования не столько в результате научения, сколько благодаря наличию наследственно предопределенного уровня интеллекта.

Нам могут возразить, что-де интеллект крысы или собаки даже близко не сопоставим с

человеческим. Более того, человек обладает 2-й сигнальной системой, – т. е. вербальным, абстрактным мышлением. Но, несмотря на это, условно-рефлекторная деятельность людей с преобладанием 1-й СС (правополушарное, конкретно-образное мышление, целостное восприятие действительности (общий интеллект)), для И.П. Павлова была первой ступенью видоспецифического прогрессивного развития, относительно тождественная развитию обычных животных.

Ибо, в сущности, разницы в генофонде безусловных рефлексов, включая и ориентировочный, между человеческими особями 1-й СС и особями других видов, увы, не наблюдается. Имеется лишь человеческая видоспецифика пищевого рефлекса, оборонительного, полового, родительского, коммуникативного, простейшего информационного, инстинктов обладания высоким статусом в популяциях себе подобных и др. Здесь царит система материальных ценностей: семейно-бытовой, трудовой и финансово-имущественный стандарт – дети, супруг, одежда, мебель, дом, машина, – вообще богатство; собственность на средства производства (деньги), положение, престиж в обществе, власть, могущество и т. п. Причем, это касается представителей не только массовых профессий, но и, само собой, внушительной части представителей системы руководства, хозяев фирм и предприятий на всех «иерархических уровнях» «Социума». Иной вопрос, что в результате внутривидовой борьбы за «лучшее» существование – достижение материальных благ у одних людей идет с меньшим успехом, нежели у других, более интеллектуально и психодинамически приспособленных. К 1-й СС относится подавляющее большинство человеческих животных, наибольшая часть, так называемого общества.

Согласно 1-й конституциональной ступени развития, таким образом, онтогенетически развертываются соответствующие ценностные (смысловые) ориентации, убеждения, идеалы и т. п., – первосигнальное мировоззрение. Данные ценностные ориентиры характерны для всех основных «общих» типов: и для «сильных», и для «слабых», – однако экстравертированность сильного типа и по числу особей, и по качеству восприятия и мышления, позволяет утверждать, что он господствует в первосигнальной сфере, а «противоположный» интровертированный тип, более тяготеет к иному аксиологическому мировоззрению.

2-я сигнальная система: левополушарный, «мыслительный» тип; абстрактное, аналитическое, дифференцированное мышление и восприятие. Вторая ступень прогрессивного развития конституциональных типов, обусловленная более высоким уровнем научения и познания. Преобладание вербального, абстрактного интеллекта над интуитивным, образным и более выраженными эмоциональными реакциями. Этот факт, впрочем, не означает, что глубокие обобщения, наряду с серьезным анализом свойственны только мыслительной творческой интеллигенции, ибо и многим «художникам» (и руководителям) это также, в общем-то, не чуждо. Левополушарное восприятие и мышление не исключает, но «базируется» на первосигнальной условно-безусловной деятельности мозга, в том числе, разумеется, сугубо познавательной.

Генетический носитель 2-й СС может быть и сангвиником, и холериком, и флегматиком, однако исследования показали, что слабый тип нервной системы с его высокой чувствительностью чаще оказывается второсигнальным типом с соответствующими специальными способностями [11]. Наоборот, сильные более тяготеют к тем видам деятельности и общения, которые требуют быстрой реакции, высокой трудоспособности, вообще внешнесредовой высокой активности. В то же время исследования В.

Небылицына и Н. Голубевой выявили «новые» свойства нервной системы (динамичность, лабильность, активированность), которые-де лежат в «основе» особого (?) характера, якобы качественно отличающем «творцов»; свойственны именно 2-й сигнальной системе с ее особой(?) условно-рефлекторной деятельностью в противовес безусловно-рефлекторным свойствам силы, подвижности, уравновешенности и безусловным же, ориентировочным реакциям «низших» человеческих животных [11; 31].

Чтобы понять специфику данной ступени развития, необходимо обратиться к аксиологическому аспекту деятельности второсигнального генотипа. Материальные блага как будто бы мало интересуют «мыслительный» тип. На первом плане здесь так называемые «духовные» ценности, «сознательное» творчество, ведущее к специфическому второсигнальному мировоззрению. Как бы то ни было, но эти высокие установки, отношение «личности» к миру, творчеству и его плодам, а также характерологические свойства, носят у «художников» и «мыслителей» лишь производный, вспомогательный характер. Ибо, в конечном счете, данная направленность интересов и идеалов служит для достижения более приземленных целей. А именно – инстинкту первенства, достижения собственной значимости в глазах других, понимания, уважения, одобрения, славы и должностей, пускай и самых незначительных, а значит, и обладанию известными материальными благами.

Достижение относительно высокого статуса, положения в референтной группе (группах), карьерные соображения, есть безусловный рефлекс власти, сходный с рефлексом власти у других животных. Как бы ни возносилась человеческая особь в своих «исканиях и творениях», без этого основополагающего видоспецифичного инстинкта вся ее деятельность не имеет никакого смысла. В этом мы видим единство 1-й и 2-й сигнальных систем, не говоря о том, что второсигнальным носителям свойственны, помимо гипертрофированных ориентировочного рефлекса и рефлекса достижения «положения в обществе», все прочие безусловные инстинкты генофонда. Именно поэтому, «специально человеческие» наследственные типы отличаются от общих генотипов лишь количественно.

3-я сигнальная система «базируется» на 1-й и 2-й, является их синтезом (интеграцией). Т. е. для нее, так или иначе, характерны все рефлексы данных систем. Можно сказать, что это высшая ступень интеллектуального развития, познания, интегрирующая и абстрактный и интуитивный интеллект, способность глубокого анализа явлений и, главное их системно-целостное, интегральное видение.

Со стороны мозга здесь нет доминирования, преобладания левого или правого полушарий. Здесь мы имеем не асимметрию, но их симметрию. Центры речи третьесигнального мозга расположены не в левом, а в правом полушарии, и наоборот, невербальное мышление, образные конструкции – в левом.

Соединение, казалось бы, несоединимого в познании (что есть мыслительный парадокс), своего рода революционное (гениальное) мышление характеризует 3-ю СС. По данным Н. Даниловой, лишь 5 % от общего числа людей косвенно могут быть, отнесены к описываемому конституциональному типу [14].

Глава 5

Человеческая конституциональная типология животных, популяционных групп и ее распределение во всеобщем видовом воспроизводстве

Имплицитно придя к выводу и утверждая, что человеческая индивидуальность суть генотип, человеческое животное, В.С. Мерлин, увы, не сделал фактически никакого эпохального научного открытия [28]. То, что люди мало чем отличаются от другого «скота» (животных), упоминается в Библии [18] и много ранее. И в дальнейшем, в философских системах и естественнонаучных трудах последующих поколений мыслителей идея о том, что в действительности представляет собой человек, – вопреки религиозно-мистическим, а также философским и научным доктринам, утверждающим некую «незоологическую» сущность его, – идея эта проходит красной нитью сквозь века социобиологической Истории (см. также труды Р. Декарта, Б. Спинозы, Ж. Ламетри, К. Линнея, Г. Менделя и др.).

Сравнительно недавние открытия Ч. Дарвина, появление генетики, работы Г.Спенсера, И. Сеченова, И. Павлова, Ч. Шеррингтона, У. Кеннона и др. явились новым шагом к подтверждению и уточнению давно известной истины. Между тем, философия марксизма, особенно трактовка его в советский период в России, была, в сущности, попыткой опровергнуть социобиогенетическую природу человека. Чудовищные заблуждения и невежество, огульное отрицание фактов и данных биологических наук (достаточно вспомнить расправу над генетикой) вылились, в конечном счете, в философский и политико-идеологический догматизм, сдерживающий развитие истинного Познания [13].

К чему привело идеологическое отрицание генетического фактора в развитии людей, – т. е., к экономическому, политическому и нравственному кризису в стране 80–90-х годов XX столетия, – всем прекрасно известно. Человеческое животное (генотип) объективно не способно, ввиду биологического эгоизма (!) наследственных различий в способностях и темпераментах, создать и закрепить такую организацию общества, в которой бы восторжествовали всеобщие равенство и справедливость, уничтожение жестокой эксплуатации труда и эксплуатации Природы.

Между тем ныне генетика человека у нас и за рубежом, социобиология в США, антропология, физиология, этология и пр. биологические дисциплины достигли выдающихся успехов в понимании своего «особого» предмета. Можно также вспомнить и о борьбе двух враждующих лагерей 70–80-х годов советского периода, когда в широкой дискуссии о «соотношении социального и биологического» победа осталась, фактически, за оппозицией официальному «знанию» [13].

Хуже, правда, обстоят дела у современной психологии, до сих пор несущей груз «социальной детерминации» человеческих зоологических душ. Психогенетика, как особая отрасль ее, – весьма еще слаба и только набирает обороты [38]. Вообще же, область души всегда была слабым звеном и ареной жесткой идеологической борьбы в познании истины. Тем не менее не кто иной, как В.С. Мерлин и его школа, в изучении индивидуально-типологических психофизиологических различий людей разрешил с помощью интегрально-системного метода вековые проблемы человеческого познания, в т. ч., экспериментально доказав положение о наследственной природе всего психического, об интегральных конституциональных типах человеческих животных и их генетической изменчивости в функционировании и саморазвитии (саморазвертке) [28].

Учение об интегральной индивидуальности, разработанное В.С. Мерлиным, несмотря на то, что многие философские выводы из него известны прогрессивной науке уже давно, является все ж таки поистине пионерским. Доселе еще не было предпринято тотального разноуровневого (от соматических до психоисторических конкретных свойств)

экспериментального исследования видотипичной индивидуальности и ее теоретической междисциплинарной интеграции, – то бишь, выявления конституциональных интегральных типов с присущими им, типологическими стилями первичного и вторичного порядков. Более того, учение об интегральной индивидуальности выводит естествознание и философию на новые рубежи понимания человеческого общества, различных его социальных групп, отношений людей в них и между ними, – а именно: на изучение «Социума» (его структуры, функционирования, развития и видоизменения) с позиций интегральной генетики. Попытки такого рода, насколько нам известно, еще не имели успеха, – во всяком случае, в России. Диалектический и исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, современные социология и социальная психология, популяционная генетика и антропология весьма далеки до истинного положения вещей. Ибо системно-интегральное исследование (метод), ведущее к интегральному монизму предмета изучения, практически не используется относительно отдельной человеческой особи, наследственных типов человеческих животных, генотипов малых и больших их социальных групп, а также, в целом, человеческого общества. По сути дела, это новая философская методология, касающаяся также и исследования самого Познания, включая, вкуче, генетических его носителей.

Как бы то ни было, на сегодня накоплено достаточно эмпирического и теоретического материала, который в общих чертах можно использовать для построения интегральной социобиогенетической концепции всеобщего видового воспроизводства (в т. ч., распределения и потребления), вообще структурной организации человеческого вида *Homo sapiens*. Само собой, ключом к пониманию этих феноменов должна послужить междисциплинарная интегральная теория человеческой индивидуальности, разработанная Вольфом Соломоновичем Мерлиным.

Любой социальный животный вид состоит из отдельно взятых особей, различных их конституционных типов и популяционных групп. Отдельная же особь сочетает в себе триединую наследственную характеристику видового, видотипичного и видотипично-уникального. Видовой фонд (генофонд) безусловных рефлексов (инстинктов, потребностей) и обобщенных рефлекторных свойств имеет, таким образом, видоспецифическую, типолого-видоспецифические и уникально-своеобразные видотипично-специфические характеристики у любых социальных животных, в т. ч., и человеческих.

Если исходить из того, что человеческий видовой генофонд, как и любой другой, так сказать, постнатально разворачивается в течение всего онтогенеза особи, это может означать лишь то, что безусловные рефлексы и свойства генотипа в течение периодов жизни животного, самоактуализируясь (в т. ч. под влиянием видоспецифической и физико-химической среды), соответственно, разворачиваются, а также саморазвиваются и при этом видоизменяются и перестраиваются (саморегулируются). Существуют рефлексы и свойства, сохраняющиеся на протяжении всего онтогенеза, но есть и такие, которые актуализируются в определенные жизненные периоды, под влиянием определенных внешних условий (включая воспитание и обучение). Более того, многие рефлексы и свойства генофонда могут, пробудившись, затухать, и навсегда, а многие и вообще не проявляться(!), ибо для этого не возникало соответствующих внешнесредовых условий и ситуаций. Между тем генеральная линия саморазвертки (развития) видо-типично-уникального в особи неизбежно «пробивает себе дорогу», выражаясь в

конституциональном выборе жизненного кредо, несмотря на возможную стохастическую наследственную изменчивость рефлексов и свойств.

Морфопсихохимия генофонда (генотипа (фенотипа), – т. е. генетических рефлекторных образований (мотивационного поля), нужно отметить, не только «слито» саморегулируется в процессе наследственной изменчивости (перестроек), но и постоянно, объективно воспроизводит самое себя, а значит, и саморазвивается на протяжении всей жизни. Удовлетворяя посредством той или иной активности свои многочисленные потребности (рефлексы), реализуя рефлекторные свойства, посредством закономерносто-стохастических (условных, мотивационных) связей с условиями (предметами) среды, – генотип устраняет нежелательные сдвиги психохимического гомеостаза и возвращается обратно к относительному равновесию, тем самым самосохраняя и самовоспроизводя себя.

Достижение цели (подкрепление), в «идеале», должно вести к гедоническому насыщению по максимуму и, наоборот, избеганию (минимизации) неприятных ощущений, эмоций и чувств [21; 43]. Иной вопрос, что генотипу это не всегда удастся, ибо на пути удовлетворения потребностей встречается, как правило, масса препятствий, что и включает в действие механизм саморегуляции (изменчивости, перестроек), – т. е. саморегуляции, как жизненного механизма сохранения гомеостаза [14; 40].

Таким образом, система организма как бы замыкается сама на себе (биогенетический принцип эгоизма) [41], стремясь не просто к самосохранению, но, по возможности, к наилучшему существованию по принципу максимального гедонического насыщения. У человеческого животного, в отличие от других видов, этот принцип занимает доминирующее положение: человек активно добивается так называемого «счастья» и, даже, создает специальные внутренние и внешние (всегда внутренние) условия для достижения вожденной цели [9 - Гедоническая направленность интересов человеческих животных особенно наглядно проявляется в таких видоспецифических феноменах, как алкоголизм, наркотизм, сексуальные пристрастия (включая, сексуальные извращения). Максимального гедонического насыщения, может достигнуть, в принципе, любая потребность, – например, пищевая, родительский инстинкт, рефлекс власти, славы, материального достатка (деньги, собственность), творческий инстинкт и др.].

Соответственно системе наследственных инстинктов и свойств (генофонду), саморазвиваются те или иные ценности и антиценности (отношения «личности», установки), идеалы и антиидеалы генотипа, а также их иерархия и способы достижения (избегания) значимого, в зависимости от возраста, пола, профессии, общего и специально человеческого темперамента (в т. ч., соответствующих способностей), социального и личного статусов и т. д.

Так, безусловной видоспецифической ценностью (раздражителем) являются деньги, овладение которыми открывает возможность удовлетворения, реализации огромного множества рефлексов (мотивации). А если денег в достаточном количестве, – получения желанного гедонического насыщения по максимуму: удобное и комфортабельное жилье, хорошая и модная одежда, вкусное и разнообразное питание, машина, дача и т. п.; наконец, обладание движимой и недвижимой собственностью, типа «права» на добычу нефти или на пассажирские и грузовые перевозки самолетами, – а значит, и соответствующим положением в обществе, властью, славой и могуществом.

Или, наоборот, антиценностью могут выступать, например, непригодные для нормальной и комфортной жизни климатические условия (Крайний Север); либо

деревянный дом с печным отоплением, в котором нет «элементарных» жизненных удобств; пьющий муж, беспризорные, голодные дети и т. д. и т. п..

Для творческих генотипов (как, впрочем, и других) безусловными ценностями, помимо прочего, могут являться карьерный рост, рост профессионального мастерства, создание талантливых произведений (самореализация и самоутверждение), признание, слава, уважение, любовь окружающих, сам по себе поиск Истины в Красоте и Красоты в Истине, наконец, сознание собственной значимости и превосходства над другими (личный и социальный статус).

Естественно, что достижение тех или иных «идеалов» (наилучшей реализации генофонда, воспроизводства генотипа в онтогенезе) требует определенных индивидуально-типологических качеств (способностей: физических, интеллектуальных, эмоционально-волевых, организационных), ибо достижение гедонического насыщения не дается даром, но требует значительного упорства в борьбе с внутренними и внешними препятствиями. Объективно в роли таких препятствий выступает, чаще всего, недостаточность способностей, денег, другие люди, малые и большие социальные группы (например, классы), которые также объективно включены в борьбу за наилучшее существование; нравственные и правовые нормы, отсутствие образования, возраст, пол и многое другое.

Мало того, взрослый генотип обременен семьей (женой, детьми, ближайшими родственниками), ибо ее члены, как генотипы, также нуждаются в «достойной жизни», – т. е. безбедном, комфортабельном самовоспроизводстве: питании, одежде, предметах быта, крове над головой, образовании, получении «выгодной» (денежной) профессии, семье («выгодной» партии), обрастании «выгодными» связями и т. п. Опять же для того, – чтобы сохранить и воспроизвести то же самое (желательно на новом гедоническом «уровне»), – а иначе, собственный генотип и его вещное и человеческое окружение, а также относительные власть и финансовый капитал.

Если же говорить о людях «духовного» склада, – здесь дело обстоит немного сложнее. Помимо вышесказанного, «творческая личность» еще более обеспокоена своим «общественным положением», жаждет признания и славы, наконец, первенства и превосходства. Создавая в муках свои «шедевры», она утоляет информационный голод (познает), переплавляет впечатления и информацию, отликает их в новые и новые формы, – т. е. фактически «духовно» самовоспроизводит и саморазвивает себя, ибо без творчества существовать попросту не способна.

Особую группу конституциональных типов представляет собой так называемое руководство, начальство (а также бизнесмены) в самых различных областях общественного материального и духовного производства, добывающей промышленности, обслуживания, образования, здравоохранения, силовых структур, спорта и пр., причем – самых различных рангов: от «низшего» до «высшего» звена. В его задачи, входит организация труда (службы, творчества) подчиненных, контроль над исполнением заданий, корректировка действий «нижестоящих», поощрения и наказания, включая, соответственно, иные действия.

Помимо несения груза ответственности перед «вышестоящими», такие субъекты наделены властью, которую они когда-то достигли, а теперь вынуждены поддерживать и сохранять. В отличие от подчиненных, их заработная плата за известное манипулирование людьми, контроль над производством и службой, – неизмеримо выше (включая и возможные «левые» заработки), и, следовательно, «жизненный уровень» довольно резко

отличается от «простого труженика». Именно поэтому, стремление к высокому социальному статусу (относительно высоким должностям, званиям), карьерные соображения, жажда славы и власти и, как следствие, материального благополучия [10 - Стремление к относительно высокому социальному статусу (власти) и, в дальнейшем, сохранение, поддержание (воспроизводство) его, являясь наследственным инстинктом человеческого вида, есть, по сути, движущая сила «общественного прогресса». Помимо официального социального, существует и личный статус, который может с ним совпадать или не совпадать. Ибо на реальном, либо вымышленном мнении генотипа о самом себе (обычно завышенном), фактически, и зиждутся его существование, самоуважение, смысл жизни.], конституционально присущи подавляющему большинству генотипов, хотя в реальности данных преимуществ, в жесткой конкурентной борьбе, достигают далеко не многие. Для этого, очевидно, необходимы определенные наследственные качества (специфические способности), – особенности темперамента и интеллекта, чего у других, менее «успешных» генотипов, увы, объективно не обнаруживается.

Прежде чем перейти непосредственно к конституциональной типологии представителей вида *Homo sapiens*, а также типологии социальных групп, распределения данных классификаций во всеобщем видовом воспроизводстве и потреблении, необходимо разобраться в самом феномене видоспецифического человеческого производства (его назначении), которое, собственно, и «отделяет» так называемых людей от других высших животных видов.

К. Маркс в свое время дал довольно ясную его экономическую характеристику: структуру, функции, цель (получение и присвоение прибыли), типологию способов производства, производственных отношений (например, эксплуатация рабочих) и т. д. [26]. Тот же К. Маркс называл человека «непосредственным природным существом» и не скрывал того, что движут им самые разнообразные материальные и культурные потребности, а производство материальных (и духовных) благ служит удовлетворению потребностей.

Изготовление средств непосредственного потребления и средств производства (т. е. товаров), добыча природных ископаемых, даров моря, леса, сбор урожая, выращивание и забой скота, транспорт, торговля – предполагают использование специальных орудий различного масштаба (средств производства), что выгодно отличает человека от других животных, позволяет ему, посредством созидания материальной (и духовной) культуры, приблизиться к максимизированной реализации видоспецифических рефлексов по принципу гедонического насыщения.

Люди, активно преобразуя природные органические и неорганические вещество и энергию в видоспецифические продукты потребления, тем самым активно сохраняют и саморазвивают свое бытие, свой мир – иначе, воспроизводят в онтогенезе и историческом филогенезе самое себя и культуру, а также и поколения новых человеческих особей.

Таким образом, человеческое животное не только рефлексивно реагирует на природные предметы и явления, но целенаправленно преобразует их, сообразно видовому генофонду рефлексов и свойств; не столько приспосабливается к природно-социальным условиям, сколько адаптирует их, используя труд и средства производства к собственным все возрастающим потребностям (мотивации).

Для наглядности, сравним две схемы активной адаптации высших животных и человека:

Для наглядности, сравним две схемы активной адаптации высших животных и человека:

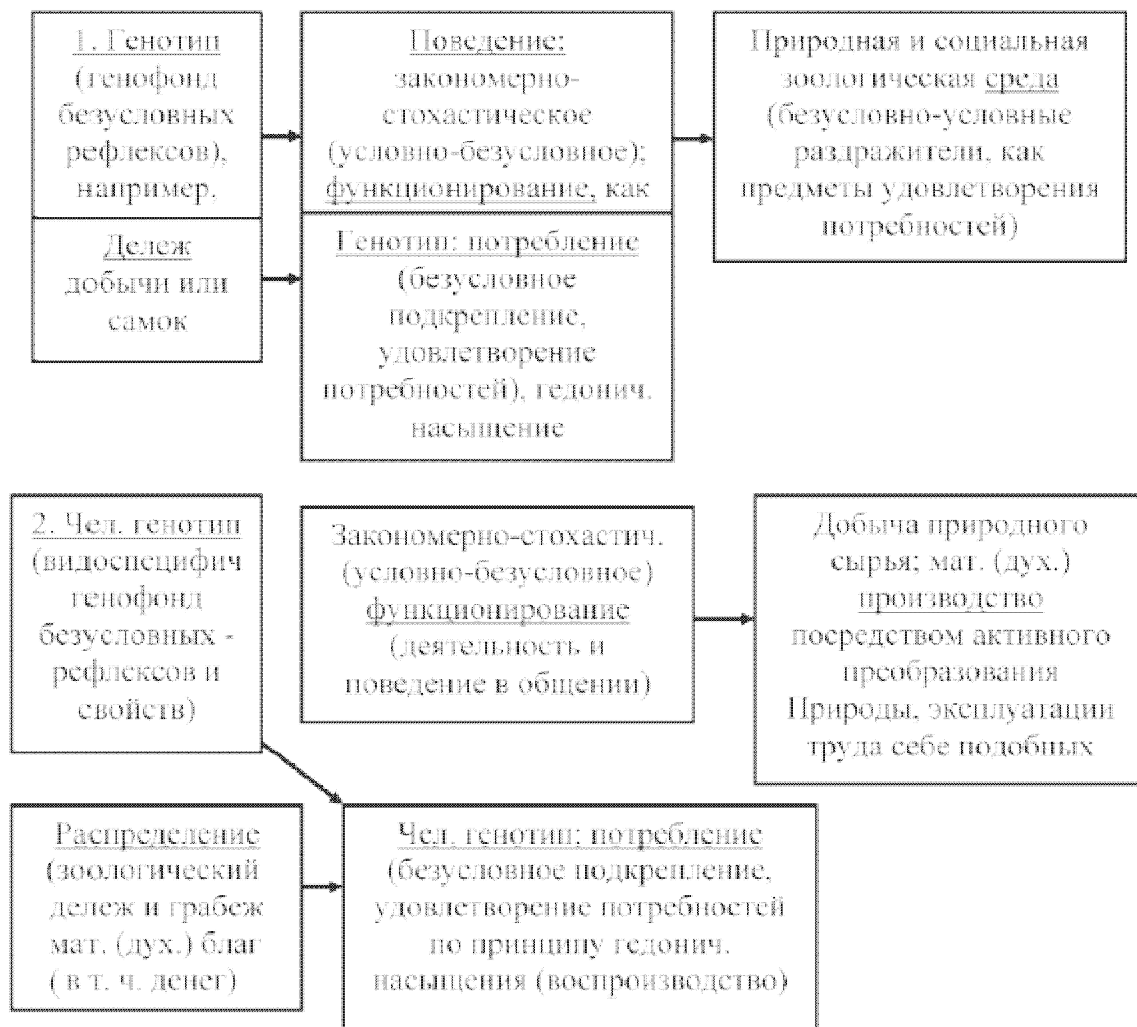

Таблица 4

Как видим, обычные животные активно адаптируются к природной и социально-зоологической среде, путем поиска и овладения «предметами» удовлетворения потребностей непосредственно, но отнюдь не приспособливают природу к собственным инстинктам (исключение: бобры, пчелы, муравьи и некоторые другие животные виды). Напротив, человеческие особи, действуя, как правило, в совместной (коллективной) деятельности и под руководством «вышестоящих» животных, активно воздействуют на среду, используют природные богатства в собственных целях (добывают сельскохозяйственное и промышленное сырье, перерабатывают его, наконец, изготавливают товар).

Однако принципиальной разницы между схемой 1 и 2 не существует. Если адаптация обычного животного направлена непосредственно на природные объекты потребления, удовлетворение актуальных потребностей, то у человеческого хищника, еще более активно «добывающего свой хлеб», она лишь опосредуется добычей, а также переработкой (производством) природных веществ и энергии, позже – потребляемых, так сказать, в «новом», преобразованном виде. Единичный человек вытачивает детали, разрабатывает чертежи авиационных двигателей, преподает в школе, исследует научную проблему, рисует картину, – и получает за это заработную плату (или гонорар). И лишь

затем вырученные деньги «превращаются» (обмениваются) в предметы удовлетворения биогенетических инстинктов.

При этом суть потребления, его «психофизиологический» механизм остаются, в принципе, одними и теми же у всех высших зоологических видов. Более того, и процесс достижения целей (механизм удовлетворения, реализации потребностей) мало чем различается в так называемом «социуме» и в «дикой природе» (см. гл. 3). Между тем, у человеческих животных (как и у других зоологических видов), существует видовая специфика, как системы потребностей, так и способов их реализации и самого процесса потребления. Данное обстоятельство и создает иллюзию «кардинального» отличия человеческих голых обезьян от всего разнообразия живых существ, составляющих единую с человечеством Биосферу.

Видоспецифическое человеческое потребление опосредовано не только процессом производства (воспроизводства, – ибо вид производства перманентно воспроизводит себя и культуру), но плюс и видоспецифическим распределением, – зоологическим дележом и грабежом менее социобиологически приспособленных особей. Посему, повторяем, кардинальной разницы между активной адаптацией других животных и человеческой адаптацией, увы, не существует (имеет место, лишь ее видовая специфика). И в том, и в другом случаях отправной точкой активности являются потребности (мотивация), затем идет работа ради удовлетворения потребностей (добыча условно-безусловного раздражителя), затем осуществляется дележ и грабеж полученных «благ» и, наконец, ключевое действие: сам акт потребления (пусть у людей он происходит с «помощью вилки и ножа», с так называемой «любовью» к женщине (самке) или с чтением научной литературы, купленной на деньги, – в случае удовлетворения, скажем, познавательного инстинкта).

Наибольший интерес в плане прояснения социобиологической природы человека представляет собой общественное распределение материальных (духовных) благ (денег), как зоологического дележа и грабежа видоспецифической добычи. Человеческий зверь, обладающий собственностью на средства производства, не только чересчур активно эксплуатирует (проще – грабит и поганит) окружающую Природу, – но и использует (эксплуатирует, грабит), в своекорыстных целях, собственных, же собратьев по видоспецифическому «разуму». И дело здесь, конечно, не столько в характере тяжелого труда на производстве (пролетарии физического и умственного труда), – сколько в характере распределения добытой совместно прибыли (славы), львиная доля которой оседает в карманах капиталистов и высшего управления (в т. ч. разнообразных чиновников).

Без сомнения, паразитизм, как общевидовое биогенетическое явление, в равной мере, распространен и в человеческом обществе. Внушать животным «господам» тезис о социальной несправедливости и произволе во все времена было все равно что заставить крысу управлять космическим кораблем. В действительности же, эксплуатация класса рабов есть непреложный, объективный генетический закон, который никто не в силах, при всем желании, ни заменить, ни, тем более, отменить. Ибо сами угнетенные суть те же самые генотипы с теми же рефлексам генофонда вида, стремящиеся к максимальному гедоническому насыщению («Люди холопского звания – сущие псы иногда»; Н. Некрасов); те же самые генотипы – но без собственности на средства производства (или соц. положения) и без «соответствующих» наследственных способностей у подавляющего их большинства. Насильственная смена власти в результате социальных революций и

установление «нового» порядка, строя, – всегда были, по сути, зоологическим грабежом и дележом уже награбленного ранее. На смену старым классам-паразитам, приходят новые паразиты из числа бывших, наиболее приспособленных рабов (или те же самые «господа» – например, после падения СССР). И точно так же, как и старые пройдохи, продолжают цивилизованно обманывать и грабить народ, – фактически таких же животных, с их неистребимыми алчностью и завистью к более «успешным» особям, которые объективно физически, психодинамически и интеллектуально (т. е. генетически) обошли «несчастных» [11 - Примерами откровенного зоологического грабежа и убийства, под эффектными лозунгами, могут быть, практически, все войны, как внутри отдельных государств (гражданские), так и между различными нациями (например, захватнические и отечественные). И в том, и в другом случае, происходит тот же зоологический дележ (или защита) власти и грабеж с дележом разнообразного «добра» (предметов удовлетворения потребностей): территорий, с/хозяйственных угодий, полезных ископаемых, предприятий, техники, культурных ценностей, жилых домов, ценных предметов быта, самок, детенышей, лучших умов и пр. Так, во 2-й мировой войне немцы не гнушались, пожалуй, ничем; но после освобождения от захватчиков, советская сторона грабила с не меньшим размахом (например, были так наз. трофейные команды) и оккупировала фактически половину Европы.].

Таким образом, структура человеческого общества во все века фактически оставалась одной и той же, неизменной; менялись общественно-экономические формации и способы производства, но классы господ (в т. ч. и средний класс) и рабов неизменно оставались теми же взаимозависимыми социобиологическими группами. Неизменными остались и единые конституциональные человеческие отношения во всех социальных группах (малых и больших) и между ними: уже упомянутые власть и подчинение, борьба и соперничество, а также сотрудничество и взаимопомощь в совместной биогенетической борьбе за наилучшее существование, – сиречь, власть (или ее сохранение) и те материальные и моральные преимущества, которые она неизбежно дает.

Таким образом, следуя принципам интегрального системного подхода, мы вынуждены признать гомоморфность и монизм человеческого вида как системы, разделенной якобы, по мнению социологов, на иерархические уровни (классы, страты, народы и т. п.). Ибо любая человеческая особь суть генотип – самовоспроизводящийся видовой генофонд безусловных рефлексов и свойств, – и именно принадлежность каждого члена общества к этой видовой наследственной характеристике является интегральным выражением единства членов «Социума» (его одних и тех же равнозначных «уровней»), несмотря на разность, казалось бы, приспособительных возможностей его одних и тех же представителей.

«Зарабатывать на жизнь» можно не только в непосредственном материальном производстве. Сферы торговли и обслуживания (банковского, почтового, транспортного, социальной защиты и др.), здравоохранения, воспитания (в т. ч. нравственного) и обучения; средств массовой информации, работа политико-идеологических организаций, силовые и правоохранительные ведомства; религиозные концессии, искусство (включая эстраду) и наука; спорт, наконец, криминалитет – все это неотъемлемые, взаимосвязанные социобиологические области, зиждущиеся на рельсах материально-экономического базиса.

Мы не будем подробно раскрывать функции указанных социальных сфер, форм общественного сознания и государства. Укажем только, что и в этих сферах

видопроизводства, как и в производстве материальных благ (товаров), трудятся и творят человеческие генотипы, у которых есть наследственные склонности и способности выполнять ту или иную деятельность, в том или ином качестве («низшее» – «среднее» – «высшее» звенья). Вместе с тем следует подчеркнуть, что наличие и функционирование вышеуказанных видоспецифических институтов, во все времена Истории, вызвано не по чьему-либо произволу, но объективными биогенетическими потребностями как всего общества и определенных его групп, так и отдельно взятых человеческих особей.

Иначе говоря, видовой генофонд *Homo sapiens* несет в себе все эти наследственные программы, которые призваны себя же и воспроизводить посредством удовлетворения соответствующих видоспецифических рефлексов (инстинктов), как в текущем функционировании вида, так и его саморазвитии, видоизменении [12 - Бросающаяся в глаза изменчивость общества (особенно, материальной и духовной культуры) – допустим, каким оно было в рабовладельческую эпоху и теперь, – лишь кажущаяся, ибо это видовая наследственная изменчивость, видоизменение стабильного видоспецифического генофонда. На деле же мир не меняется, но лишь видоизменяется, оставаясь одним и тем же миром.]

А коли так, если мы исходим из биогенетики «Социума», – все перечисленные сферы его (в т. ч. исключительно, «духовные», включая и нравственные) должны выполнять активные приспособительные биологические функции, а именно – служить эгоистическому видовому самосохранению, функционированию и саморазвитию, – иначе – всеобщему видовому воспроизводству материального и духовного производства, самих генотипов, новых их поколений, материальной и духовной культуры.

Например, нравственные и правовые нормы регулируют не просто «отношения» между людьми, «отношения» к собственности и Природе. В сущности, они накладывают veto на определенные убеждения и поступки, которые обусловлены «запретной» мотивацией (потребностями) по отношению к окружающим генотипам, социальной группе (популяции), обществу в целом. И, наоборот, – поощряют полезные, с точки зрения социальных отношений и порядка (самосохранения, развития вида) нравственные и правовые ценности и идеалы, а иначе, – соответствующие мотивации (потребности). Так, «плохой» человек пьянствует, прелюбодействует, не воспитывает детей, не уважает родителей, обманывает, крадет, убивает. И наоборот, «хороший» член общества трудолюбив, бескорыстен и добр, законопослушен, честен и порядочен, – иными словами, от него наилучшая реализация рефлексов других организмов в стаде подобных не пострадает.

Любопытно, что совпадение интересов у людей принято называть, как правило, «добром», а несовпадение, – увы, «злом». Хотя возможно и взаимное безразличие не заинтересованных друг в друге генотипов...

Еще пример. Активно-приспособительная роль науки, религии и искусства. Здесь, казалось бы, нет места «ничему такому» биологическому. Отнюдь. Эти социобиологические институты возникли в историческом филогенезе не ради достижения абстрактных Истины, Добра и Красоты. Наука служит производству, здравоохранению, образованию и прочим социальным областям и развивает их, – т. е. служит людям, максимизированному удовлетворению их потребностей. Искусство, являясь самостоятельным творческим инстинктом, несущим, кроме прочего, эстетическое наслаждение, – отражает в чувственных образах жизнь Природы и генотипов, мол, по «законам Красоты» (в т. ч. непрестанную борьбу, погоню за наилучшим существованием

(или осуждение ее), в формате «нас возвышающий обман»). Впрочем, не только. «Воспитательная» сила искусства приветствует «хорошие, высокие» потребности (рефлексы) и порицает «низменные, плохие, некрасивые». Но так или иначе искусство, как и мораль, право и наука, – служит видовому (по сути, агрессивному, эгоистическому) утверждению голый обезьяны на Земле и даже за ее пределами, в космическом пространстве.

Религия тщетно пытается обуздать «животное начало» в человеке и спасти его «бессмертную душу», очистить от «греха» (т. е. воспитать высоконравственную мотивацию и подавить «бесовскую»). Хотя не следует забывать, что возникла и развивалась религия на биологическом фундаменте видового генофонда, является его частью, и ее ушедшие и нынешние проводники (священнослужители) – суть человеческие животные с их подавляемыми и ханжески скрываемыми страстями-инстинктами, типа гордыни, жажды власти (агрессии) и сребролюбия; а церковь – социобиологический институт, осуществляющий, помимо «помощи заблудшим», политическую и идеологическую функции сдерживания нищей и алчущей толпы от социального бунта.

Человеческая идеология вообще, включая политику, мораль, право, науку, искусство, религию и философию, всегда подразделялась на два якобы антагонистических, враждующих классовых лагеря – официальный (господствующий) и оппозиционный. К. Маркс ясно показал, что за этой борьбой кроются экономические интересы сторон (интересы в удовлетворении фонда рефлексов, с помощью всего разнообразия предметов удовлетворения). Одна из сторон обладает реальной властью, со всеми вытекающими следствиями («уровнем жизни»), а другая – борется за нее, стремясь обеспечить свое безбедное бытие (в декларации: всех угнетенных классов). Однако К. Маркс не раскрыл того, что те, кому «хорошо» живется, и те, кому живется «плохо», – по сути, «одного поля ягода» в биогенетическом плане (т. е. животные генотипы). И, значит, они стоят друг друга, и ожидать от них чего-то сверхъестественного, – например, построения коммунистического общества или царства Божия, – отнюдь, не приходится. Именно поэтому со сменой старого социального строя на новый История повторяется, – т. е., в сущности, ничего не меняется, ибо в основе видового саморазвития лежит один и тот же видовой генофонд.

Не изменяется фактически, но видоизменяется, генетически обусловленная, криминальная атмосфера в обществе. Помимо «профессионального» криминалитета во все времена (воровство, грабежи, мошенничества, убийства), помимо освященных идеалами «борьбы за справедливость, равенство и демократию» социальных революций (фактически грабеж и дележ материального «добра»); так называемых «освободительных» войн откровенных захватчиков, убийц и насильников (тот же зоологический грабеж и дележ), – продолжает существование и перманентный обман и грабеж себе подобных и в экономической, и «духовной» сферах; почти легальная, конкурентная охота жулья за деньгой, разумеется, на всех уровнях «Социума», от «низшего» до «высшего».

Всеобщая криминализация общества, неистребимое стремление улучшить свою и без того сносную жизнь; богатеть, добиваться престижа, высокого общественного положения, статуса (собственной «значимости», должностей, званий), – сиречь, экспансировать функционирование и без того прожорливо-ненасытного, самоумножающегося мотивационного поля [13 - Под мотивационным полем подразумеваются все биогенетические витальные, социальные и идеальные рефлексы [44] и свойства соматопсихохимии индивидуальности (генофонда) – в связи с природно-

социобиологической средой (разнообразными предметами удовлетворения (мотивами)). Фактически, человеческая особь и есть само мотивационное поле (генофонд), вооруженное сенсорными детекторами, эмоционально-волевым и нравственным подкреплением [21], а также познавательной «системой обеспечения» реализации инстинктов (внимание, память, мышление, воображение). Таким образом, рефлекс «видят», «слушают», «осознают», «чувствуют», «мыслят», «разговаривают», «ходят», «действуют», дабы достичь своей цели: максимального гедонического насыщения в сфере положительного и даже отрицательного значимого.]; добиваться надежности, быстроты, удобства, финансовой экономии в реализации рефлексов; заботиться загодя о своем «будущем» и «будущем» отпрысков, – все это и характеризует, «во всей красе», человеческого хищного зверя.

Нужно подчеркнуть, что человеческая особь проявляет свое истинное звериное нутро не столько в повседневной, мирной жизни («культурно-цивилизованной»), ибо оно прямо не бросается в глаза, – сколько в периоды социальных потрясений: революций, войн, природных катаклизмов. Вообще, в трудные времена только и становится ясно «кто есть кто» с нравственной точки зрения, когда в результате, допустим, пищевой или собственнической, или военной агрессии возможен резкий разгул всеобщих преступности и насилия, убийств. Хотя и, наоборот, в трудные периоды ярко проявляют себя взаимопомощь людей, спасение их, взаимоподдержка, – ибо животных характеризует не только «звериный оскал», но и альтруистический эгоизм, инстинкт сохранения вида [41], во имя выживания, или во имя победы над «злом». Впрочем, сотрудничество и взаимопомощь, в совместной борьбе, характерны и для генотипов, несущих самое Зло...

Беда большинства людей в том, что они не сознают, кто они есть на самом деле, не осознают своего эгоизма, инстинктов (мотивации), которые ими движут. Кому-то, очевидно, выгодно это невежество и неосведомленность (хотя «власть предрежащие» – такие же невежды в этом плане). Во всяком случае, открыто, во всеуслышание о генетической, зоологической природе человека (в том числе высших его качеств, сформированных якобы воспитанием) не говорят (допустим, в СМИ), – но всячески поддерживают иллюзию «огромного отличия» людей от животных, особой миссии «венца вселенной», лучших его качеств и добродетелей, «божественной» души и т. п.

Между тем истина должна все ж таки когда-то восторжествовать! Видоспецифическая конституциональная человеческая типология (и типы социальных групп (типы наследственных популяций)), ее распределение во всеобщем видовом воспроизводстве, – данная проблематика, в виду ее чрезвычайной актуальности в деле адекватного понимания общества и его членов, давно требует своего верного и детального разрешения. Прежде всего, необходимо раскрыть так называемый половой диморфизм *Homo sapiens*: деление его на самок и самцов, как первичной генетической характеристики всех известных биологических видов. Наряду с ней, существует и наследственная типология по возрастным признакам (периодам онтогенеза), также характерная для всего Живого: детеныши, молодые, взрослые и старые особи.

Вместе с тем, И.П. Павлов подразделял человечество, в общих чертах, на 2/4, общих с другими высшими животными, конституциональных типа: 1) «сильный» (сангвиник, холерик, флегматик) и 2) «слабый» (меланхолик); а также и на специально человеческие наследственные типы («художники» и «мыслители»), которые не наблюдаются в других видовых популяциях, кроме общества. Тот же академик И. П. Павлов предложил, в связи с этим, так называемую типологию прогрессивного развития (познания): по признаку

общего с другими животными способа существования и по признаку доминирования левого или правого полушария мозга, – т. е. по 1-й, 2-й сигнальным системам действительности. Данная классификация подразумевает не столько нейро–(психо)динамические отличия групп людей друг от друга, сколько отличия по уровню врожденных познавательных способностей, – в частности, общих и специальных творческих (интеллектуальных и художественных) [11; 33].

Все перечисленные типы (половозрастные, общие и специально человеческие) самовоспроизводятся в человеческих популяциях из века в век с завидным постоянством, что позволяет говорить об их объективном и закономерном характере, их наследственной, конституциональной природе [17].

Несмотря на имеющуюся разность означенных видоспецифических классификаций, – т. е. на собственно типологические специфические характеристики, – их объединяет то, что состоят они, по сути дела, из отдельных наследственно-уникальных особей, которые, вместе с тем, являются носителями всеобщего человеческого генофонда рефлексов и свойств. Видовые типологические группы, между тем, есть не что иное, как те или иные специфически закономерные акцентуации видового генофонда (поэтому разные типы фактически являются одними и теми же), – и акцентуации эти носят индивидуально-своеобразный конституциональный характер у каждой отдельной человеческой особи.

Видотипичная уникальность, таким образом, есть принадлежность каждого человека к всеобщему генофонду рефлексов и свойств; отнесение его к тому или иному полу («мужской» и «женский» генотип (генофонд)); возрасту; одному из общих и/или специально человеческих типов генофонда, имеющих, соответственно, и наследственные индивидуально-своеобразные черты. Вместе с тем, несмотря на типологически уникальную специфику каждой единичной особи, – популяции человеческих приматов (узконосых обезьян) в совокупности, есть система зоологического вида *Homo sapiens*, обладающего собственной, уникальной зоологической видовой спецификой.

Итак, теперь можно нарисовать видотипичный портрет каждой индивидуальности, не забывая о том, что типы – это группы людей, объединенных по каким-либо наследственным признакам:

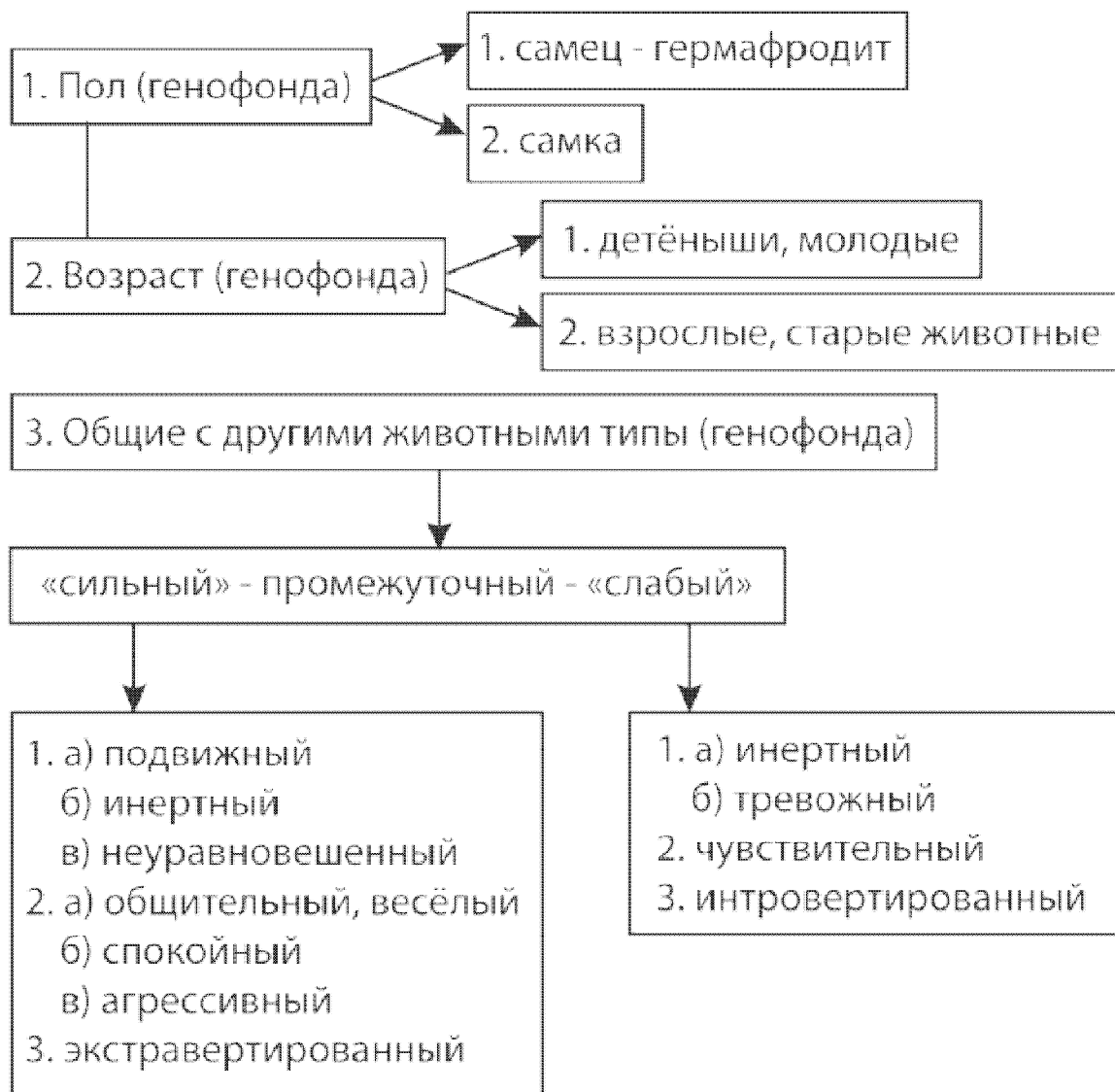

Таблица 3

Еще одна, – пятая – характеристика: принадлежность к той или иной самовоспроизводящейся конституциональной «касте» общества – подобно «кастовой» организации («разделению труда») других социальных животных: пчел, муравьев, термитов и пр. Это «рабочие» особи, «солдаты», «няньки», выращивающие потомство; матка (трутни). Кроме того, к самовоспроизводящимся генетическим группам следует отнести человеческие расы (зоологические расы есть и у других видов [17]), а также и национальности (нации). Но здесь мы уже переходим к наследственным типам так называемых социальных групп.

Обычно социальные группы подразделяются на большие и малые [2]. К малым относятся семьи, первичные производственные, учебные и дошкольные коллективы. В них индивидуальность выполняет определенные социобиологические роли: 1) отца (главы семейства), матери, детей (братья, сестры), деда, бабушки и т. п.; 2) во втором случае – официального и неофициального (оппозиционного) лидеров, приближенных к лидеру и подчиненных и др. (как, собственно, и в семьях). К малым группам с оговоркой можно приплюсовать круг близких, друзей и знакомых человека.

Таким образом, к видотипичному портрету человеческой особи следует отнести

индивидуальность, как члена семьи и первичного коллектива. Это ее личностно-социальные (конституциональные) статусы. Кроме того, существуют и такие статусы, как работник того или иного предприятия, организации, учреждения; ведомства, отрасли; член неформальной группы, общественной организации (профсоюза, творческого союза, политической партии и т. д.); принадлежность животного к определенной профессии, социальному классу; народу определенного государства. Схематически это можно выразить так: индивидуальность и ее статусы в общественно-популяционных образованиях (в виде концентрических кругов: от малых групп до разнообразия больших; личные статусы между тем являются интраиндивидуальными свойствами).

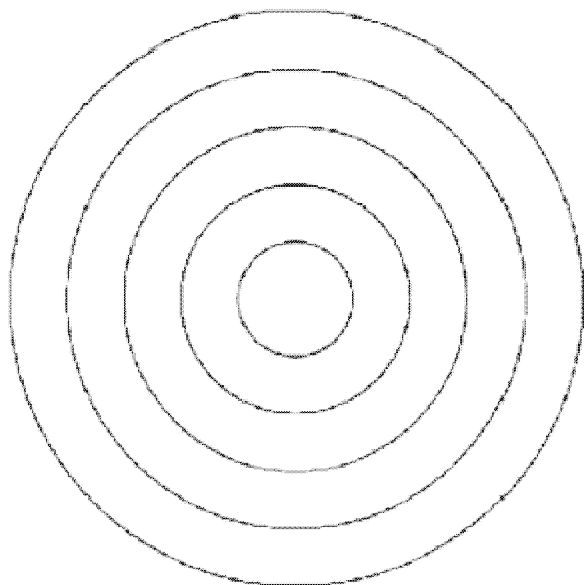

Рис. 1.

Впрочем, нас интересует не столько сама индивидуальность, включенная в те или иные социобиологические сообщества, – сколько, собственно, социальные группы, конституциональные отношения в них, а также и между ними. Итак:

а) малые коллективы:

1) семьи (частная жизнь человеческого животного; его быт, половая жизнь, выращивание потомства);

2) первичные коллективы: на предприятиях, в организациях и учреждениях на всех «уровнях» социума [14 - Мы не используем здесь понятия экономического базиса и духовной и политической надстройки, как чего-то «низшего» и «высшего» по признаку уровня способностей людей, т. к. деятелям «духовного» производства (в том числе, и в материальном производстве), с известной оговоркой, присущи все рефлексy видoвого генофонда. Точно так же, под «иерархическими уровнями» социума, системы управления «низшего», «среднего» и «высшего» звеньев, понимается, лишь условная дифференциация их по признаку уровня экономического положения, «уровня жизни» (и соответствующих способностей).]; в дошкольных и учебных заведениях (в сфере добычи с/хоз. и промышленного сырья; материального и духовного производства; в сфере обслуживания; в силовых структурах;

области воспитания и обучения; в спорте, а также в системе политико-правового и хозяйственного руководства («низшее», «среднее» и «высшее» звенья).

Семья и первичный (производственный) коллектив есть, собственно, то, что и называется личной жизнью и работой у каждой единичной особи;

б) большие группы:

1) система общественных классов (обобщенные профессиональные характеристики людей по отношению к материальному и духовному производству и другим социальным областям, а, главное, к собственности на средства производства):

а) политическое и хозяйственное руководство (чиновники среднего и высшего ранга); крупные и средние бизнесмены; богатая творческая интеллигенция с известными званиями, должностями;

б) творческая интеллигенция; врачи, ИТР, работники культуры, преподаватели, воспитатели и пр.;

в) рабочие и крестьяне, рыбаки, шахтеры, транспортники, мелкие служащие (в т. ч. низшие армейские, полицейские и проч. чины);

2) система государств (народов: развитые и неразвитые страны в экономическом, политическом и социальном отношении, с классовой структурой).

Как видим, первичные коллективы (и семьи, «уровень жизни» в них), – как социальные «ячейки», единицы, – характеризуют особей, относящихся ко всем отраслям всеобщего видового воспроизводства, а также относящихся к «уровневой иерархии» («низший» – «средний» – «высший» – «наивысший») каждой отрасли и, следовательно, к руководству в этих социальных областях («низшего» – «среднего» – «высшего» и «наивысшего» звеньев). Отсюда можно заключить, что лидерство (руководство), «актив» и масса им подчиненных особей (в т. ч. и в руководящих учреждениях), – т. е. структура власти в первичных коллективах, – есть единая для всего видового воспроизводства модель конституционального управления на всех его «уровнях». Помимо отношений (статусов) власти и подчинения в малых и больших социальных группах (и между ними), существуют и другие единые генетически обусловленные, отношения (статусы): борьба и соперничество (за власть), сотрудничество и взаимопомощь (в борьбе) за власть и деньги) [28].

Схематически это можно выразить также в виде концентрических кругов:

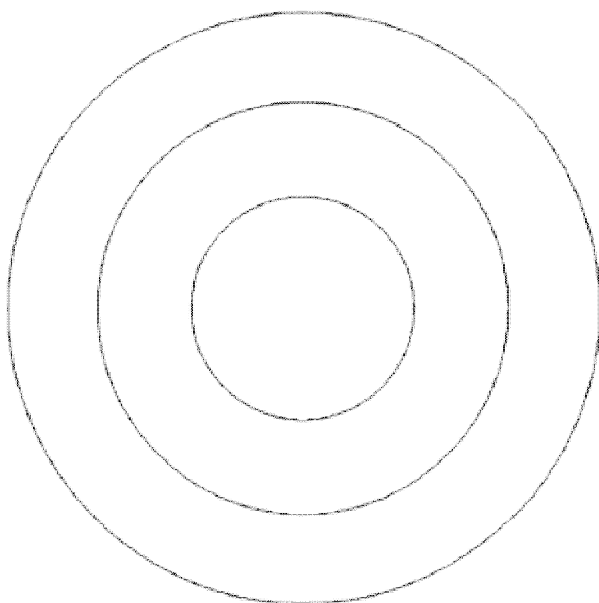

Рис. 2

1) власть (руководство, лидерство); 2) «актив», приближенные; 3) подчинение. А также борьба и соперничество, сотрудничество и взаимопомощь как внутри власти, так и внутри подчинения и, разумеется, между властью и подчинением.

Таким образом, вырисовываются классовые интересы и отношения в каждой отдельной стране и отношения между развитыми и большинством неразвитых государств.

Речь идет об эксплуатации, экономическом принуждении и совместной борьбе угнетенных против произвола (фактически, за власть), о чем уже и было сказано выше.

Схематично и упрощенно это может быть выражено так:

- 1) система государств (богатые; страны со средним уровнем жизни и бедные);
- 2) система классов в государстве (богатые; средний класс и бедные);
- 3) система первичных коллективов (богатые особи, средний достаток и бедные), в т. ч., в зависимости от принадлежности к классам;
- 4) система семей (богатых; среднего класса и бедных человеческих животных).

Остается добавить, что власть (руководство) на всех «уровнях» подразделяется на две основные формы: авторитарную и «демократическую», как стиль управления (в т. ч. и семьях) [28].

Теперь попытаемся решить главный вопрос: как распределяется видоспецифическая конституциональная человеческая типология во всеобщем видовом воспроизводстве.

- 1) человеческие самки и самцы;
- 2) детеныши, молодые, взрослые и старые животные.

Половозрелые самки и самцы олицетворяют собой прежде всего половые отношения (включая половые извращения, *censored*цию), образование семьи и налаживание быта, рождение и выращивание детенышей, передачу им видоспецифического опыта (так наз. «социализация»), лежащего на уже подготовленную, генетическую «почву».

Вместе с тем и те и другие, помимо репродукции (воспроизводства) новых людей участвуют в тех или иных областях видового материального и духовного воспроизводства. Причем, особи женского пола трудятся и творят, а также руководят, как в массовых, так и не массовых профессиональных областях. Однако половые особенности женского генотипа позволяют проявлять свою активность лишь при определенном характере труда, творчества и руководства, отличной от аналогичной трудовой и прочей активности самцов.

В целом женщины в физическом и интеллектуальном отношениях слабее мужчин, зато более эмоциональны, аккуратны, исполнительны и т. д.

По большому счету, самка озабочена проблемами «любви», внешности, материального достатка семьи и, особенно, проблемами детей, нежели профессиональными. Поэтому подавляющее большинство работников воспитания и обучения подрастающего поколения (дошкольного, школьного и др.) – в смысле ретрансляции знаний, – это женщины.

Существуют специфические женские производственные коллективы, – например, доярки, скотницы, ткачихи, ИТР, продавцы, почтовики, библиотекари, врачи, учителя и пр. Много «представительниц прекрасного пола» в художественном творчестве (музыка, живопись, хореография, поэзия) и спорте.

Женщины-руководители обычно, относятся к «низшему» и «среднему» звеньям

управления. Встречается женский пол и в армии, и в правоохранительных органах, и в других силовых организациях, но характер их деятельности в этих институтах всегда адекватен типологическим особенностям пола. Исходя из сказанного, в соответствии с павловской типологией развития, человеческих самок следует квалифицировать, по большей части, как генетических носителей 1-й сигнальной системы действительности.

Другое дело, человеческие самцы, занимающие, по их же собственному мнению, доминирующее положение и в добыче промышленного сырья, и в материальном и духовно-творческом производствах, и в сфере обслуживания (например, транспортного), и в управлении, и в силовых структурах (армия, милиция, МЧС, пожарные и т. д.).

Физически сильные, более агрессивные, независимые, самцы, в отличие от самок, соответственно, и выбирают те области видového воспроизводства, которые наиболее адекватны их типологическим особенностям, как пола. Специальные и вожацкие способности (специальный интеллект и вожацкие «навыки») также выгодно отличают самцов и в формах общественного сознания, и в руководстве, и лидерстве...

Во всеобщем видovém воспроизводстве заслуживают внимания отношения молодых и зрелых особей обоих полов. Тут возможны и соперничество, и передача умений, навыков и знаний, более опытных работников менее опытным: и удержание власти теми, кто к ней с годами пришел.

Для детей характерна видоспецифическая возрастная активность в форме игры (в частности, ролевой – т. е. освоения, обыгрывания социальных ролей взрослых особей), а также общеобразовательного научения (и игры) в более поздние годы онтогенеза, в школах. Затем, происходит освоение той или иной профессиональной (в т. ч., творческой) деятельности в системе профобучения, под руководством наставников и педагогов и, в дальнейшем, вступление, собственно, во всеобщее видовое воспроизводство, включая и половые отношения, ведущие к организации семейной жизни.

Наконец, старики. Пенсионный возраст. Их помощь выросшим детям и их семьям, передача опыта, посильный труд. В творческом отношении пенсионный возраст, как правило, не помеха.

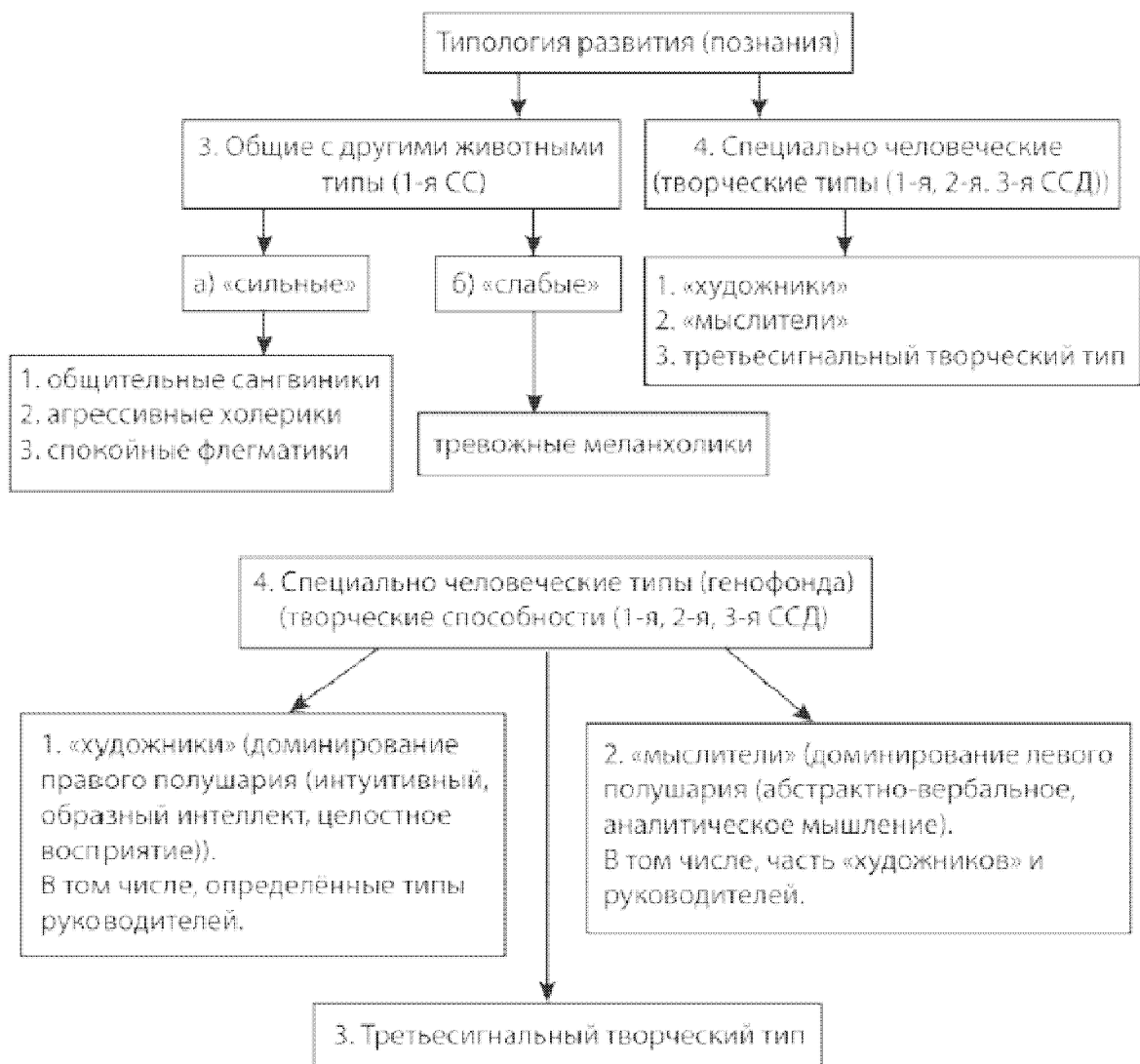

Таблица 2

Думается, ясно, что общими и специально человеческими типами могут быть и самки, и самцы в определенном возрастном плане (с периода постнатального созревания нервной системы (темперамента) в онтогенезе, и дальнейшего развертывания свойств). В интересующей нас проблеме распределения этих типов во всеобщем видовом воспроизводстве важны их различия по нейрофизиологическим свойствам (свойствам темперамента (нейро(психо)динамика), а также и наследственным способностям (общим и специально человеческим (творческим))).

Нужно признать, что в большинстве отраслей видового материального производства, необходимыми требованиями деятельности являются точность, быстрота, интенсивность действия, целеустремленность и выносливость, но также и приложение известных умственных усилий в выполнении заданий, увеличении объема производимого продукта. Все эти требования рассчитаны скорее на сильный, работоспособный, подвижный (хорошо приспособленный) тип человеческого животного, каковыми являются сангвиники и отчасти холерики. Инертным флегматикам сложнее со скоростными операциями, а меланхолики («слабый» тип) вообще мало адаптированы к вышеозначенному характеру труда. Кроме того, трудовая деятельность сопровождается определенными деловыми и прочими отношениями между людьми (общением), в которых также социально более приемлемыми являются вполне определенные качества типа

общительности, доброжелательности, юмора, но никак не агрессии и раздражительности холерика либо чрезвычайной тревожности, неуверенности меланхолика.

Данными примерами мы хотим подчеркнуть то важное обстоятельство, что тот или иной общий наследственный тип сам делает выбор характера труда, в соответствии со своей видотипичной психической конституцией. Или, – в противном случае, – происходит естественный отбор, устранение (или самоустранение) от неподходящей генотипу, деятельности (общения).

Между тем исследования, проведенные психологической школой В.С. Мерлина, показали, что тот или иной конституциональный тип (например, слабый, инертный, тревожный или сильный, неуравновешенный, агрессивный) способны выработать так называемый типологический стиль «преодоления» собственных психогенетических «дефектов» (видоизменение одних и тех же наследственных свойств), как в деятельности, так и в общении, в т. ч. и деятельностном общении, – таком, как, например, педагогическая работа. Компенсаторная функция стиля устраняет эти психологические трудности, и позволяет адаптироваться к общепринятым требованиям труда, добиться известной успешности в нем [28]. Иной вопрос, – что не всем и не всегда, данная активная адаптация «преодоления» удастся, а посему нежелательный «дефект» так и остается без каких-либо существенных изменений.

Тем не менее, благодаря наследственной способности компенсации (усиление (ускорение) и ослабление (торможение) свойств), – в так называемых массовых, сенсомоторных профессиях наблюдаются всеобщие типы нервной системы (сиречь, темперамента). В немассовых профессиях экстремального характера (военные, милиция, пожарные, летчики, спортсмены и др.), «слабый» тип человека, хотя и встречается, но сравнительно редко. Меланхолика не часто увидишь и на руководящих постах, ибо тревожность в общении, неуверенность, замкнутость не позволяют «слабому» проявить себя в наилучшем качестве. Если «слабый» тип когда-либо и руководит, лидирует, – то, по большей части, в небольших коллективах, на низших и средних начальнических должностях. Чаще же всего он выступает в конституциональной роли подчиненного (лично-социальный статус индивидуальности).

Иное дело холерики и сангвиники. Они там, где требуются сильные «духом и телом». Пластичность, общительность сангвиника, его выносливость, уравновешенность найдут место во многих профессиональных областях, – особенно где требуется умение работать с людьми, в т. ч. и лидировать, руководить. Холерик же, – в еще большей степени стремится к власти, нежели «самый счастливый темперамент», однако излишняя раздражительность, агрессивность, крайности в решениях (ригидность), сверхнапористость и целеустремленность зачастую приводят холерика к авторитарному стилю управления (лидерства) [28]. Все эти факты, впрочем, не говорят о том, что «сильные» типы – сплошь и рядом начальство, руководители (хотя чаще так оно и есть). Немалое количество «сильных» (подавляющее большинство в сравнении с меланхоликами) и среди подчиненных в различных добывающих отраслях, и в материальном производстве, и в обслуживающих областях, и в силовых структурах, спорте, – словом, практически, везде, куда пал выбор, соответственно психической конституции типа.

Вообще, экста версия и истероидность, как наследственная психологическая направленность особи на внешний мир, внешние эффекты, реализацию сильного либидо и стадного инстинкта; престиж, положение в обществе (собственные значительность,

превосходство), – связана, по большому счету, с материальными ценностями индивидуальности, ее болезненным тщеславием и честолюбием. 1-я сигнальная система действительности, к которой относится (помимо общих с животными типов), и наибольшая часть творческой художественной интеллигенции, артистов эстрады, спортсменов, чиновников, руководителей, – увы, лишь первая ступень прогрессивного развития (познания) человеческих животных.

Конечно, уровни общего и творческого художественного интеллекта, или интеллекта руководителя (способностей) могут располагаться по континууму от «низшего» до «высшего», в области ли азартного «зашибания» деньги и добычи материальных «благ»; либо творческой материализации эстетического образа, – однако же от этого сущность первосигнального развития (познания) отнюдь не изменяется, остается одной и той же у означенных конституциональных типов.

Первосигнальный «слабый», интровертированный тип также имеет место быть, но в силу процентного соотношения количества «слабых» генотипов относительно «сильных», и в силу их низкой видоспецифической приспособленности, – он, скорее, некое исключение из общего правила. А именно: в «мире вещей» преуспевает тот, кто более адаптирован психодинамически и специфически интеллектуально. Поэтому меланхолики, погруженные в собственные размышления и чувства, конституционально выбирают соответственно способностям и нейродинамике нечто иное, относящееся к другим ступеням видоспецифического развития.

Второсигнальные генотипы (часть «художников» и «мыслители») – вторая ступень человеческого познания, доминирование, казалось бы, «духовных» ценностей над материальными. Однако «мир идей», духовного производства (идеальные потребности) неотделим от витальных и социальных («материальных») рефлексов генофонда и, в сущности, подчиняется им [15 - Проблема образования (начального, среднего, средне-специального и высшего) так или иначе связана с наследственными способностями генотипов. Следует отметить, что прямой зависимости «уровня образованности» и «уровня» способностей не существует; хотя определенный отбор учащихся и студентов по некоторым интеллектуальным и профессиональным качествам, в не массовые учебные заведения (например, музыкальные, художественные училища, училища физической культуры; разноспециальные вузы) – имеет место. Посвящает ли себя человек в дальнейшем умножению материальных благ, власти, богатства или отдается всецело служению искусству или науке, зависит, судя по всему, все-таки от принадлежности его к определенному сигнальному конституциональному типу. Однако исключения на этот счет имеют место быть, особенно на «высших уровнях развития» людей.]. Означенный тип, с его специально человеческими способностями встречается и у руководителей, в различных областях всеобщего видового воспроизводства. Деятели духовной культуры (ученые, деятели искусства, правоведаы, священнослужители, философы, часть политиков), несмотря на их специфические профессии, есть, таким образом, генотипы, которые «базируются» на всех общих с другими животными, наследственных типах, как в нейро(психо)динамическом аспекте, так и в качественном.

Конституциональный носитель третьей сигнальной системы, встречающийся редко в творческих популяциях, – также есть творческая индивидуальность, с особым третьесигнальным мировоззрением и соответствующей деятельностью (специфический склад интеллекта и чувственной сферы – системно-интегральное видение мира), и обнаруживается он, по-видимому, в самых разных областях духовного производства.

Вместе с тем базируется данный тип и на общих, и на специально человеческих типах всеобщего генофонда. Однако об этом мы пока не располагаем фактической информацией.

5. Конституциональная «кастовая» организация «социума» (всеобщего видоспецифического производства):

«Кастовая» классификация людей, подобно «разделению труда» у других социальных животных (пчел, муравьев и пр.), предполагает при выборе той или иной профобласти в молодом возрасте определенное, генетически обусловленное «призвание» к ней, – будь то «материальная» или «духовная» сферы общественного бытия [11]. Человек может посвятить свою жизнь «защите Родины», стать квалифицированным рабочим или выдающимся поэтом, художником или ученым, врачом; либо просто служить людям, либо активно выдвигаться к власти, добиваться признания «своих заслуг» в плане зарабатывания больших денег, обладания собственностью (разных масштабов); либо посвятить себя служению Богу, вообще творчеству и т. д.

Нередко генотип выбирает виды деятельности, не совсем адекватные его наследственной предназначенности, способностям, «миссии». Со временем под влиянием какого-либо впечатления, других людей и прочих факторов, может произойти естественный отбор, смена профессии, мировоззренческой ориентации. Человеческое животное, в силу своей исключительно высокой, генетической пластичности (изменчивости, приспособляемости), может овладеть ремеслом или творчеством сразу в нескольких областях материального или духовного воспроизводства, и такие случаи далеко не редки. Склонность некоторых лиц к криминальной деятельности, у психиатров именуемая, зачастую «наследственными психическими аномалиями», «психопатологией» [16 - По большому счету, границы между генетическими нормой и патологией (психические, психосоматические, «нервные» болезни) часто бывают размыты. Так, расщепление психики у «левополушарного» и «правополушарного» творческих типов, – есть не что иное как шизофрения, а творческий процесс (поиск, воплощение замысла) и его естественная остановка по характеру протекания больше напоминает маниакально-депрессивный психоз. Между тем, наследственное слабоумие (олигофрения) вообще мало поддается внешней коррекции, и, наоборот, гениальность граничит с помешательством, что является своеобразной генетической нормой [12]. То же самое можно сказать о психопатиях и неврозах, которые наблюдаются у людей и массовых и не массовых профессий.] (в частности, агрессия, проявляющаяся в*~~censored~~*ганских поступках, грабежах, разбоях, изнасилованиях, убийствах), – она, как показали исследования, передается по наследству, из поколения в поколение, в 70 процентах случаев [17]. Это говорит о том, что данный агрессивный тип человеческих животных самовоспроизводится в других поколениях особей веками, и преступность в «Социуме», таким образом, фактически неискоренима. Как, впрочем, неискоренимы и другие генотипы индивидуальностей и «кастовая» организация общества, предполагающая деление людей прежде всего на «паразитов» и «рабов»...

Итак, в книге была предпринята первичная попытка раскрыть социобиологические закономерности функционирования и саморазвития человеческого видоспецифического генофонда рефлексов и свойств; его (генофонда) типологии особей и малых и больших социальных групп во всеобщем видовом воспроизводстве (т. е. воспроизводстве самих людей, новых поколений и их малых и больших популяционных групп; материальных и

духовных производства и культуры); его (воспроизводства) видоизменения (наследственной изменчивости) в историческом филогенезе. Насколько эта попытка удалась, по большому счету, не нам судить. Во всяком случае, в существующих исследованиях общества, – старых и новейших – таких попыток не предпринималось. А именно; мы говорим об интегральной генетике человеческого животного, его типологиях (включая групповые) в гигантской популяции особей и созданной на основе видоспецифического фонда безусловных рефлексов и свойств человеческой материальной и духовной Цивилизации, которая служит фактически собственным же самосохранению и саморазвитию посредством Природы, как исключительно естественным, биогенетическим социальным феноменам.

Глава 6

Интегральный системный метод

Предприняв попытку междисциплинарного, интегрального исследования разноуровневой системы индивидуальности, мы пришли к первичному выводу, что свойства, относящиеся к различным специфическим ее подсистемам, на деле являются одними и теми же, гомоморфными, тождественными и равнозначными (однозначными) свойствами одного из возможных индивидуальностных типов. В процессе интеграции, иерархическая уровневая структура человека, таким образом, оказалось «слитой» в одно и то же неспецифическое, монистическое целое без какой-либо иерархии, но, в то же время, путем абстрагирования, были выделены равнозначные, единовременные, «слитые» стороны (аспекты) генотипа: его соматопсихохимия [см. гл.1–2].

Вместе с тем мы интегрировали относительно устойчивые индивидуальные свойства с динамической организацией системы наследственного типа: ее функционированием и саморазвитием, а также генетической изменчивостью, как в функционировании, так и саморазвитии (саморазвертке) на одних и тех же «уровнях». Положение о закономерных и стохастических типах (первичный и вторичный стиль (усиление и ослабление, ускорение и торможение свойств, – при том, что последние остаются теми же одними и теми же свойствами генотипа)) показало не только изменчивость наследственной стабильности как видоизменения индивидуальности, но и констатировало гомоморфность ее статики и динамики (в их видоизменении), при том, что «слитых», фактически, с одним и тем же отраженным природно-социальным миром [см. гл. 2,3].

Таким образом, теоретическая системная интеграция была осуществлена как бы сразу в нескольких направлениях и доведена до известного предела не в полисистемном измерении, закономерно сложившемся в теоретическом осмыслении предмета пермскими учеными [36], но в моносистемном, включающем и индивидуальность, и ее динамику, и индивидуальный мир, подчиняющихся единой, интегрально-неспецифической наследственной закономерности. Вместе с тем нами была предпринята попытка интегрального исследования человеческого общества (зоологического вида *Homo sapiens*), всеобщего видового воспроизводства, распределения в нем конституциональных типов человеческих животных и типов наследственных социальных групп, – т. е. исследования, всего означенного с позиций интегральной генетики [см. гл. 5].

Но как бы то ни было, методология, с помощью которой удалось прийти к известным эвристическим результатам, сама еще не была предметом самостоятельного изучения

(разумеется, интегрального). В.С. Мерлин, в своем легендарном «Очерке», скорее наметил наиболее общие ее черты, не раскрыв, к сожалению, системно-интегральный подход всесторонне и полностью. Между тем, «интуитивно представление о целом», о котором писал замечательный ученый, должно быть, наконец, верифицировано теоретически. Ибо, по сути, метод системной интеграции (монизма), в прямом смысле, противостоит до сих пор господствующей методологии диалектического материализма (в России), являясь вместе с тем более продуктивным, в смысле достижения истинного знания и более эффективным в приложении к теоретическому и экспериментальному материалу самых различных наук, требующих своей интеграции ради укрепления и развития нового, интегрального мировоззрения.

Исходя из типологии прогрессивного развития (познания) И.П. Павлова, основанием которой являются генетические носители (конституциональные типы) 1-й, 2-й и 3-й сигнальных систем действительности [см. гл. 3–4], мы предполагаем, что именно третьесигнальное познание позволяет раскрыть системно-интегральную картину мира, бытия, в силу только ему присущей («слитой» с ним), особой, генетической третьесигнальной организации мозга. Наследственные носители такой организации, по видимому, распространены во всех сферах духовно-творческого производства, и за ними, по существу, стоит последнее слово в утверждении новейшей Истины.

Итак, попытаемся разобраться в феномене интегрально-системного познания, с помощью него же самого. Но для начала повторимся: «Суть интегрального подхода (метода), в отличие от аналитического, при котором система расчленяется на составные элементы (уровни), и синтетического, при котором отдельные подсистемы свойств объединяются в целое, – заключается в том, что объединение разноуровневых элементов, полученное в результате синтеза, подвергается последующему анализ-обобщению (межуровневой интеграции), основанному на поиске внутрисистемного единства компонентов подсистем» [см. гл. 1].

Наиболее точно вероятность межуровневого единства можно обозначить рамками понятия, так называемого «слития» (относительного тождества), использованного в свое время И. П. Павловым для отражения, бесспорно, «специфической» зависимости или связи психики (как темперамента) и высшей нервной деятельности животных, – в том числе и человеческих.

В «биологически ориентированной» философии прошедших лет, встречаются такие характеристики трем основным исследовательским методам: «...в истории познания, на каких-либо его этапах, – «абстрагирует» себе В. Сержантов, – имеют место вновь и вновь повторяющиеся явления синтеза и интеграции научного знания. Не останавливаясь на всех формах и проявлениях этого процесса (а почему бы и не остановиться? – Авт.), заметим, что каковы бы они ни были(?), отправным пунктом любого синтеза, в пределах той или иной научной дисциплины (?) и интеграции различных дисциплин (!) является эмпирическое проникновение в объект исследования. В нем находит выражение степень и глубина нашего анализа (?) изучаемой области объективной реальности» [42; с. 75–76], – как будто интеграции не может быть в отдельных, узкоспециальных областях наук, не говоря об интегральной аналитике любой системы (вплоть до мега- и микрообъектов, любых дихотомий понятий, а также и самого познания).

Слегка увлекшись масштабом обобщений, В. Сержантов, плавно переходит к некоторой конкретике: «...есть основание полагать, что в истории науки две противоположные (?)

тенденции – анализа (дифференциация) и синтеза (интеграция) – сопряженно между собой соотнесены, логически взаимосвязаны, как единство противоположных (?) определений объекта исследования и как взаимно дополнительные направления (?) этого исследования» [42; с. 76–77].

В туманных «научно-исторических» (гносеологических?) высказываниях автора, анализ почему-то выступает как «эмпирическая база» интегральных обобщений, хотя на деле относительно исходный «пункт» любого познавательного акта – суть изначально целостное восприятие (представление о целом); и только лишь затем вступают в силу и аналитический, и синтетический, и интегрально-абстрагирующий компоненты (независимо от «индуктивно-дедуктивного» подходов в изучении явления), – причем, что одновременно, в монизме, тождестве и «слитии».

Поэтому, «взаимосопряженные», «взаимно дополнительные» стороны единства «противоположных» (?) когнитивных направлений (и определений) было бы верней назвать одним и тем же интегральным методом, в котором операциям анализа (в т. ч. и в абстрагировании закономерного) отводится, лишь «производно-вспомогательная» роль. Ибо внутрисистемное единство когнитивного монопроцесса, по интегральной логике, взаимоисключает противоположность направлений (и обозначений), предполагая в «слитии» однонаправленность познания, – один и тот же вектор. А именно: системно-интегральное исследование явления, с выходом на внутреннюю его сущность, представляющую тождество «противоречия» дихотомий системы.

Вместе с тем, цель и высший смысл любой науки, – как и научного познания вообще, – есть абсолютность объективной истины (абсолютность тождества предмета), эквивалентная направленности к абсолютной интеграции (монизму) внутренне закономерного как абсолютно объективной целостной системы, отнюдь не исключающей, помимо сущности, – и внешних проявлений сути, как закономерного и объективного.

Из сказанного можно заключить, что вся история познания являет не «противоположные» и «взаимно дополнительные» направления, – иначе, дуализм анализа (дифференциации наук) и синтеза (их интеграции), но четко выраженный вектор интеграции науки в целом как моносистемы, со «вспомогательным» дифференцированием (абстрагированием) дисциплин на «интегральной базе» всего Сущего.

Вообще, надо признать, «...как и все схемы, схемы творчества... разрывают живой целостный процесс, заключая его в жесткие рамки, отделяют рационалистические моменты от интуитивных, относят к одному этапу то, что свойственно всем. Нельзя разложить творческий процесс также на исключительно логические аспекты и математически выверить их. В отсеки схемы, невозможно втиснуть воображение, фантазию, вдохновение. Не объясняют они и процесс возникновения замысла, и оригинальность формы его воплощения...» [12; с. 219]. Иначе говоря, абстрактная модель не может, в полной мере, высветить вербально «...сущность внутреннего и скрытого процесса, в котором, органически и прихотливо, сплетаются («сливаются», – точнее – «слиты». – Авт.) сама мысль, воображение, воля, хотение, пылкие эмоции и холодные расчеты» [12; с. 223].

Данной иллюстрацией нам бы хотелось показать неоднозначность такого феномена, как гипертрофированный исследовательский рефлекс, каким, по павловской терминологии, является научное познание и творчество [17 - По сути, те же формулировки Н. Гончаренко, как исследователь гениальности, использует и в отношении художественного

творчества («первосигнального» инстинкта специально человеческого типа), справедливо полагая, что «.. тот и другой (ученый и художник. – Авт.) часто берут одно и то же, но видят в нем разное, по-разному реагируют на него, воспринимают иначе. Художник смотрит на природу часто как на средство выразить свои чувства (но также и «мысли чувств». – Авт.), пробуждаемые ею; ученый хочет понять и выразить ее внутренние причинно-следственные связи, ее закономерности, свойства (но также и собственные «чувства мыслей». – Авт.)» [12; с. 224].]. Психологический «состав» рефлекса (помимо материальных, субстрат-химических «сокоррелятов»), как видим, не ограничивается, одной лишь, общекогнитивной компонентой, но в тождестве, монизме с аффективно-чувственным, подразумевает и энергетический аспект научно-творческой активности.

Общеизвестно, что активность и эмоциональность выступают, как формально-динамическая база и обеспечение (точнее – внутреннее подкрепление) всех познавательных процессов; однако менее известно, что содержание формально-когнитивных свойств определяемо двояко: тем же генотипом (темпераментом), в видотипичной уникальности и тем же генотипом в связи с условиями существования [см. гл. 4].

Между тем, какой бы ни была «высокой» творческая мысль, упорно подкрепляемая «пытливо-благородным» отношением к науке, – вне прагматической «привязки» (притязаний на высокий статус (превосходства, первенства), а также внешние «отличия», материальные «эквиваленты»), – то бишь, вне базового подкрепления, она теряет всякий смысл. Поэтому характер творчества, какой бы ни была его масштабность, всегда сугубо «произведен» от базового отношения (рефлекса власти, первенства), но эта производность, надо полагать, лишь относительна, поскольку «слита» с «базой», равнозначна, гомоморфна ей.

Иной вопрос, что у различных генотипов (в том числе, «нетворческих»), ориентировочно-исследовательский рефлекс реализуется исходно равновероятно, тогда как собственно реализация, «полезность» результата носят разновероятные характеристики. И тем не менее необходимо подчеркнуть, что движущие силы познавательной активности у человеческого вида в целом (типологии развития) – одни и те же, ибо замыкаются, в конечном счете, на интегральный общецелевой рефлекс, в психологическом контексте именуемый «направленностью статуса», со всеми вытекающими следствиями материального порядка.

В то же время, «...гении выделяются среди других тем, что не пытаются описать каждую деталь Вселенной. Они как бы сводят воедино бесконечное и конечное, единичное и множественное, в части видят целое, в целом – часть, в осязаемом – неосязаемое...» [2; с. 227]. «Умением выразить, казалось бы, невыразимое многообразие мира» различным языком, художественный и научный гений, в сущности, неразличимы как психологический (третьесигнальный) тип познания и творчества.

К так называемому «положению» в известных социальных группах всеобщий генофонд стремится вне зависимости от модальностных и динамических акцентуаций типов, самореализуя всякий раз посредством производно-динамической «ориентировки», большинство инстинктов под «эгидой» статуса. Вместе с тем как «перводвижущее», социально-базовое отношение последний обладает теми же акцентуациями видоспецифичной типологии развития, формально-качественно представляя специфический видотипичный генофонд; к примеру, взять сугубо «материальную» либо «духовно-творческую» ориентации онтогенеза.

Отсюда разница «не творчества» и истинного творчества с формальной точки зрения лишь в том, что творческий инстинкт (активность), «базирующийся» на прочих типах (половозрастных и «общих»; «специально человеческих» и «кастовых»), хотя и специально «обособлен» и гипертрофирован, однако жестко независим от подкреплений установками на внешний статус, в гораздо большей мере характерным вариантам прочего «развития» (с его финансово-детерминированными стилями онтогенеза).

В данной связи активность жизненной позиции и цели В.С. Мерлина, когда он говорит об исторической (практической) необходимости, о неотложности системно-интегрального подхода в исследовании человека, – можно понимать как относительно конечный результат, «предел» познания (и личного статуса), когда объект (субъект) системной интеграции (представленный лишь субъективно) достигает поэтапно тождества познания третьесигнального субъекта в объективной его данности; что время разрешения великих «вековых» проблем и время «кардинальных» социальных видоизменений давно назрело...

Надо сказать, решение проблем системного подхода в биологии имеет давнюю традицию, отмеченную борьбой различных, зачастую противоположных взглядов как на «анализ объективно целостных образований», так и формализацию (попыток интеграции) понятий принципа системности [27; с. 319–331]. Соотношение частей и целого (моноорганизации и взаимосвязей уровневых элементов): неаддитивное и аддитивное; редукционистское и автономное; равноорганизованное и иерархичное; изоморфное и полиморфное и др.; далее – открытости и замкнутости; внешнего и внутреннего (системы); активности и реактивности; энергии и информации; энтропии и негэнтропии; статичного и динамичного; объективного и субъективного; абсолютного и относительного; условного и безусловного; биологического и социального; наследственного и приобретенного; физиологического и психического; интеграции и дифференциации; организации и дезорганизации; дискретного и непрерывного и т. д. – тот далеко не полный перечень формализованных проблем [18 - Помимо формального аспекта, – (количественной и качественной) сторон системного подхода, – его (подхода) моносистема характеризуется и понятийно-содержательным формализованным аспектом, которые в единстве отражают «слитность» (не изолированность и не «взаимообусловленность», тем паче, «противоположность») содержания и формы конкретного объекта изучения. Это и означает тождество познания объекта на одной и той же, – фактически, формальной, – «базе».], имеющих прямое отношение к биологическим объектам.

Те же самые проблемы (с существенными уточнениями и дополнениями) – являются предметом интегрального исследования, с выходом на интегральную теорию живых саморегулируемых и самоактуализирующихся систем, которой руководствовался В.С.

Мерлин в своих теоретических и экспериментальных разработках. Например, соотношение детерминации телеологической и каузальной; объективной и субъективной; связей однозначных и много-многозначных; одноуровневых и разноуровневых; полиморфных и гомоморфных; закономерного и стохастического; непосредственного и опосредованного; жесткого и гибкого; устойчивого и изменчивого; инвариантного и переменного; случайного и достоверного; равно– и разновероятного; зоны определенности и неопределенности; далее – всеобщего и уникального; типичного и индивидуального; типов стохастических и закономерных; разноуровневых и одноуровневых; свойств основных и производных; первичных и вторичных; стилевых и

базовых; формально-динамического и содержательного; интра- и метаиндивидуального; индивидуального стиля (реакций, операций, целей) и индивидуальных свойств; стиля видового и типологического; первичного и вторичного; активности и саморегуляции; видоизменения и константности; онтогенеза возрастного и типологического; созреваания и саморазвертки; саморегуляции и саморазвития; конвергенции и дивергенции в онтогенезе; усиления и ослабления свойств; их ускорения и торможения; перестроек и функционирования; одних и тех же требований и различий стилевого выбора и др.

В задачи интегрального исследования входит, помимо «слития» противоположных сторон объекта в одно и то же целое, – упорядочивание, по возможности, формальной проблематики в унифицированные группы (типы), с последующей интеграцией в «неспецифическую специфичность» данных понятийных групп. Например, безусловно-условное, закономерно-стохастическое, каузально-телеологическое, инвариантно-вариабельное, формально-содержательное, неизменно-изменчивое, наследственно-приобретенное и пр. – относительно аспектов объективно-субъективного Закона. «Три ключевых понятия, – гласит философ «от естествознания» И. Лисеев, – (система, организация, целостность) лежат в основе системного похода в биологии, так как все биологические объекты являются целостными, организованными системами (а что, логично и даже очень «интегрально» сказано! – Авт.).

Исходя из основных типов связи (?) реальных биологических объектов, их упорядоченность можно рассматривать в разных аспектах: пространственном (?) (структурном), функциональном (?) и временном (?) (онтогенетическом и филогенетическом) (на деле, структурность и функциональность также следует рассматривать в хронологическом аспекте, – т. е. одном и том же, с одной направленностью. – Авт.).

В соответствии с этими аспектами, целесообразно выделить разные (?) типы организации биологических систем: структурный, функциональный, онтогенетический и филогенетический. Следовательно, системный подход... должен предполагать учет и синтез знания, полученного при изучении всех этих типов...».

«С методологической точки зрения, – резонно подмечает специалист-абстракционист, – этот вывод показывает ограниченность сведения системных исследований только к системно-структурным, открывает широкий простор для объединения знаний (не объединения, а интеграции. – Авт.) ... на основании различных (не различных, а одних и тех же. – Авт.) познавательных подходов (?) – субстратного, структурного, функционального, исторического. Таким образом... при разработке принципа системности возникает еще одна непосредственно методологическая задача – задача изучения процесса систематизации знания... чтобы объединить (интегрировать. – Авт.) различные познавательные подходы... в биологии...»

«Иными словами, принцип системности, – подводит к кульминационной мысли автор, – должен быть применен к самим принципам познания, к оценке тенденций и направлений биологического исследования», способствуя, тем самым, «...объединению разных теоретических идеи..., установлению путей их синтеза, осмыслению их взаимодополнительности» [27; с. 328–329]. Впрочем, на этом благие пожелания И.

Лисеева счастливого пути в познании познания счастливо и заканчиваются... В отличие от тривиального системного подхода «биологической» ориентации (не говоря уже о расчлененной «интегральной индивидуальности» ученых пермяков (по Л. Берталанфи и У. Эшби, но не по В.С. Мерлину [28; с. 20])), универсализм и уникальность

мерлинского метода, как отмечалось, характеризуется не только многоаспектностью (тотальностью) охвата, но и особым способом аналитического обобщения, основанного на абстрагировании существенного (общего) для разнокачественных, на первый взгляд, сторон объекта.

Полученное перед этим относительное тождество дихотомии составляющих любой проблемы (комплекса проблем) – суть парадокс, соединение, казалось бы, несоединимого, «абсолютных» противоположности и разнородности, что, в сущности, и составляет разрешение «противоречия» любой диалектической «борьбы», в любой (живой) системе и любых (живых) систем.

Сказанное, в равной мере, можно отнести и к собственно познанию, когда предметом интегрального исследования становится способность большинства животных к аналитико-интегративным ориентировкам, сообразно всем базовым и «производным» потребностям живого организма (см. безусловный ориентировочный рефлекс). Иной вопрос, что, несмотря на видимую разнокачественность «уровней» способности у разных видов, особенно, у человека, – с формальной точки зрения (и в том числе, формально-содержательной), мы сталкиваемся, лишь с ее количественным эволюционным видоизменением, но отнюдь не «кардинальным» изменением. Ибо «надбиологической» и трансцендентной самоценности познания, как таковой, в Природе нет; и значит, высший (творческий) характер данного рефлекса, как творческое воплощение идеи, – остается, в сущности, всегда сугубо «производным».

По павловской терминологии, ориентировочный рефлекс подразделяется у человека на «общий» (базово-первосигнальный); специально человеческий «художественный» (первосигнальный) и «мыслительный» (второсигнально-человеческий) [см. гл. 4.]. Все они (типы), – вкуче или порознь, – могут быть подвергнуты системной анализ-интеграции (на предмет состава-целостности и акцентуаций), хотя и остаются в то же время прямой заслугой павловского обобщения.

Предметом интегрального исследования может стать и сам процесс третьесигнального познания, причем в единстве с соответствующим конституциональным типом. А именно: «носителем», включающем, помимо когнитивной специфичности, рефлексы и «нижележащих» сигнальных «подсистем» («творческой» и «общей»), – естественно, в том или ином соотношении, пропорции.

Между тем, если вернуться к особенностям мерлинского метода, парадоксальность относительного тождества еще не есть его абсолютизм как цель и смысловое направление системной интеграции. Поэтому парадоксальность целостности разнородных качеств в качестве одной системы (разнородных, а не однородных), должна быть преодолена для достижения того же тождества, но только абсолютного. Логическое восхождение к вершинам абсолютной интеграции предполагает, в основании, модель: триаду Гегеля «теза – антитеза – синтез», как наиболее приемлемую, – вернее, – адекватную процессу объективно-поступательного знания. А именно: исследования проявлений имманентной сущности; синтеза и интеграции последней (т. е. вычленения), с выходом на *argiōi* гомоморфную, закономерную и абсолютно целостную моно(!)систему, включающую, в объективной целостности, и симптомокомплекс внешних проявлений.

Выше было определено, что относительно исходным пунктом интегрального и всякого познания обыкновенно выступает общее, не дифференцированное представление о целом. Исходно отправное чувственное представление и, собственно, конечный результат

исследования связаны между собой, через посредство непосредственного когнитивного процесса, обнаруживая схожесть, именно по признакам характеристик целостного видения; но видения на различных временных этапах и различных качественных «уровнях» познания.

Процесс системной интеграции можно представить, таким образом, в виде нейропсихического рефлекторного «кольца» с известным замыканием (пределом), – либо витка саморазвития; хотя последовательность развития познания можно представить и иначе: в качестве одной и той же, «слитой» целостности процесса как моносистемы, вне дискретности «взаимодополнительных» этапов тождества.

Итак, первичное ознакомление с предметом (гегелевский тезис), отличает от последующих ступеней не только simultanéность [19 - Симультанность – фр. *simultané* – одновременный; лат. *simul* – в одно и то же время. – Прим. ред.] образа, но и поверхностное знание, «пока» свободное от всякого «анализа с проникновением» во внутреннюю сущность целого. Для той либо иной его дихотомии, двойственности имманентных сил, нередко характерны «острые противоречия» и даже «ни за что не примиримый» понятийно-классовый антагонизм; тогда как интегральное познание, в отличие от «классового» (либо иных подходов), направлено на выявление одной и той же сущности, как раз для этих «противоположных», как ни парадоксально, «борющихся» двух тенденций.

Итогом восхождения к предельной, абсолютной интеграции, как отмечалось, выступает объективный «внешне-внутренний» монизм, а именно: монизм одной и той же абсолютно целостной системы, а значит, и одних и тех же объективных ее свойств. Что же до промежуточных этапов («антитезы» – отрицания и «синтеза» – второго отрицания), то в результате синтеза сторон мы можем получить лишь относительное тождество «противоречия» (логически необходимый парадокс), – соединение, казалось бы, взаимоисключающих сторон объекта изучения.

Итог второго отрицания противоречит упрощенной точке зрения на существо системы, предполагая ломку и преодоление стереотипов знания («мыслительных барьеров»), – когда «второсигнально»-понятийная дискретность составляющих преобразуется (точнее, – интегрируется) в «дополнительность» третьесигнального значения: – то бишь, «слитие», монизм как абсолютность тождества моно(!)объекта (вспомним принцип или метод дополненности, выдвинутый Н. Бором, а также его знаменитый парадокс соединения несоединимого [15]).

В приведенных формулировках принципа системной интеграции, в неявном виде, содержатся, так называемые основные законы формальной логики. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на специфичность каждого из них, «...за исключением закона достаточного основания, все они (законы тождества, противоречия, исключенного третьего. – Авт.) могут быть тождественно истинными формулами» [46; с. 76]. Ибо вытекая из относительно устойчивой (или однозначной) «качественной определенности» предмета, – противоречия хронологической его изменчивости могут быть разрешены лишь в тождество (первично-относительное), предполагающее «третий» элемент, как некоторую «дополнительность понятий».

«Принцип тождества... – писал Ф. Энгельс, – есть основной принцип старого мировоззрения... Каждая вещь равна самой себе. Все считалось постоянным – Солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот принцип в каждом

отдельном случае, шаг за шагом; но в области теории он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому: «вещь не может быть одновременно сама собой и другой» [цит. по с. 77; там же]. Кроме того, «метафизическое понимание закона тождества связано с представлением о законах логики, как о принципах, которые полностью независимы от содержания познания, от характера объектов исследования и, в этом смысле, являются законами абсолютными» [с. 78, там же].

Но, вместе с тем, чтобы придти к известной качественной определенности понятий, отражающих, помимо формы, и формальность содержания конкретики вещей (т. е., абсолютизм), их внутренне статичную противоречивость поначалу точно так же можно разрешить, лишь в относительное тождество, «пока не абсолютно» выражающее меру истинного знания. Ибо при любом раскладе: формы с содержанием, абстрактного с конкретным, неизменности с изменчивостью, – вещь всегда остается тождественной себе, соединяя содержательную форму, абстрактную конкретность, стабильную изменчивость в третьесигнально интегрированной целостности собственной системы.

Поэтому «естественно предположить отсутствие противоречия... в том случае, когда утверждение и отрицание относятся к одному и тому же предмету, но к разным временам... Противоречия не будет..., когда оба высказывания (утверждение и отрицание) относятся к одному и тому же предмету, взятому в одно и то же время, но утверждение рассматривает его в одном отношении, а отрицание – в другом...». Ибо «...закон противоречия имеет силу, лишь в области таких суждений (или понятий. – Авт.), где утверждение и отрицание производятся одновременно), об определенном предмете, взятом в одном и том же отношении» [с. 80; там же] (хотя предмет по сути тот же самый, следовательно, «антитезы» нет).

Нельзя не подчеркнуть, что «требования непротиворечивости, предъявляемое к научным теориям, является... одним из важнейших. Если доказана непротиворечивость теории, то, тем самым, доказана теоретическая возможность материальных объектов, удовлетворяющих этой теории, и в силу этого возможность практического ее использования». Вместе с тем, «...наука и практика убедительно свидетельствуют об отсутствии в природе объектов, одновременно обладающих и не обладающих некоторым свойством, в одном и том же отношении» [с. 81; там же].

Отсюда и закон исключенного третьего, опирающийся на соблюдение требований законов тождества и противоречия, сформулирован следующим образом: «В процессе рассуждения необходимо доводить дело до определенного утверждения или отрицания; в этом случае истинным оказывается одно из двух отрицающих друг друга суждений». Иными словами, «законом... исключается истинность какого-то третьего суждения, кроме того суждения, к которому мы пришли, или его отрицания» (т. е. быть или не быть; или/или; то, либо другое; «третьего не дано». – Авт.).

Между тем, при равных условиях, «...закон исключенного третьего имеет обязательную силу, лишь для определенного вида противоположности между высказыванием и его отрицанием, а именно контрадикторной, противоположности... Для отношения же контрарной, или так называемой диаметральной противоположности, закон силы не имеет». Из двух общеутвердительного и общеотрицательного суждений, «...ни одно из них не может быть истинным, оба суждения ложны. В то же время, между ними «укладывается» некоторое третьесуждение («синтез», парадокс (частноотрицательное и частноутвердительное). – Авт.), которое как раз и оказывается истинным» (т. е. не то либо

другое; но не то и не другое и, в то же время, и то, и другое. – Авт.) [с. 82–83; там же].

Следует дополнить, что «любая пара суждений (понятий). – Авт.), подчиняющаяся действию закона исключенного третьего, подчиняется и закону противоречия, но не обязательно имеет место обратное» [с. 83, там же]. В обратном порядке, данное суждение будет выглядеть так: любая пара противоположных понятий дихотомии, подчиняющаяся закону противоречия, не обязательно подчиняется закону отрицания третьего, ибо противоречие сторон (как парадокс и относительное тождество) не отрицает «дополнительного» элемента («третьего»), но обязательно его предполагает.

В связи со сказанным, небезынтересно знать, как могут быть приложены основные законы логики, в исследовании такого сложного объекта, как человеческая индивидуальность?

«Некоторые авторы... утверждают, – сетует В.С. Мерлин, – что математические критерии различения иерархических уровней большой системы основаны на формально-логическом принципе дизъюнкции (закон исключенного третьего), несовместимым с диалектическим принципом развития (А. Брушлинский, 1978). В этом утверждении, математическое понятие дискретности смешано (подменено. – Авт.) с логическим понятием дизъюнкции. Отношение между частью и целым дискретно, но не дизъюнктивно, так как существование части не исключает, а предполагает существование целого (или третьего «дополнительного» условия. – Авт.) [28; с. 41].

Означенная аксиома имеет отношение не только к разноуровневой статике системы, но и «полиморфизму» динамической ее организации (именуемой у В.С. Мерлина онтогенезом индивидуальности; уже – индивидуальным стилем деятельности), а также, разумеется, – к «соотношению» обоих. Если речь идет об абсолютном целом (каковым в действительности является живое существо), – по дизъюнктивной логике, оно никак не может быть разъединенным, ибо прерывность не предполагает, но отрицает неразрывность целого. Стало быть, оно-таки дискретно в собственном абсолютизме, а именно: как абсолютная «неспецифическая специфичность», абсолютная непрерывная дискретность. Тем самым противоречие снимается: часть, отрицающая целое, его предполагает.

Ранее по данному поводу ученый пишет: «В настоящее время существуют направления в математике, исходящие из понятий, отличных от теории множеств (т. е. дискретных количественных изменений элементов, прерывности «частей». – Авт.), например, интуитивного представления о целом... Критика понятия множества, с точки зрения интуитивного представления... заключается в том, что характеристика каждого элемента множества изменяется, в зависимости от его отношения к другим элементам множества. Поэтому неправомерно представление о том, что различные множества отличаются друг от друга различными отношениями между одними и теми же объектами (Г. Смирнов «Основы формальной теории целостности», 1980).

Но всякое количественное определение есть не что иное, как абстрагирование отношения между объектом (свойством, частью. – Авт.) и его мерилем (количественной мерой связи. – Авт.) от всех других качеств, от наглядно созерцательных, интуитивных характеристик объекта». Поэтому вопрос лишь в том, что это за интуитивные характеристики, если учесть, что «отрицание исходности в математическом описании системы, понятием множества, предполагает, вообще, отрицание значения количественного описания объекта теоретического познания. Кроме того, математический аппарат, соответствующий интуитивному представлению о целом, не создан (по

большому счету, принципиально невозможен. – Авт.) и поэтому не может быть применен в конкретном (т. е., не системном, тем паче, системно-интегральном. – Авт.) научном исследовании» [28; с. 38].

Значит, это должен быть иной формальный «аппарат», основанный на интуитивно-интегральной (третьесигнально-понятийной) «дополнительности», учитывающей и понятие устойчивого множества, и закономерно-стохастическую его изменчивость, при отправных (исходных) стохастических зависимостях и одних и тех же свойствах, отрицающих дискретность в первом приближении. То бишь, одни и те же свойства (связи) предполагают собственные же видоизменения (как те же связи), при том, что речь идет об абсолютном целом, отнюдь, не исключающем дискретность.

Между тем, чтобы означенное абстрагирование воплотить, необходимо обладать способностью третьесигнального порядка; интуитивным представлением о целом. Отметим также, что количественное формальное определение (абстракция от «качества») – все это субъективные «этапы» познавательной активности; наглядно-чувственного и интуитивного, мыслительно-вербального и формализованного (интегрального) в понятиях.

Этапы восхождения к абсолютной интеграции прослеживаются от дихотомий (микросистем) формализованных понятий обычного системного подхода, касающегося и системы человеческой индивидуальности:

1. Теза: целое (непрерывное) (исходность поверхностного представления о целом, – «начало» когнитивного процесса; тождество предмета самому себе).
2. Антитеза: не целое (прерывное в противовес непрерывному) (анализ целого; первое отрицание; противоречие взаимоисключающих сторон объекта исследования).
3. Синтез: «целое» (прерывно-непрерывное в «слитии») (второе отрицание как относительное тождество; парадокс соединения, казалось бы, несоединимого: целого (непрерывного, однородного, неспецифического) и прерывно-разнородных (специфических) качеств; относительные третья дополнительность и исключенность третьего).

Впрочем на этом, интегральное исследование еще не может быть завершено, поскольку цель подхода – неспецифическая абсолютность целого, моно(!)системность. Следовательно, на фазе «синтеза», в контексте основных логических законов, вступает в силу не дизъюнкция, но дополнительность иного «третьего» – не целого, а относительного целого системы. Но точно так же, относительное тождество предполагает относительность дизъюнкции: прерывность («третье» – не целое) как бы исключается, но «не совсем», а значит, «противоположность» двойственности целого пока остается.

Поэтому более детально рассмотрим «переходные этапы» от относительного тождества к абсолютной интеграции – относительные «слитые»:

- дизъюнкция: не целое, ибо прерывное (разнородное, специфическое), но в то же время относительное целое;
- дополнительность: относительное целое, но прерывное (разнородное, специфическое), следовательно, не целое.

Суждения об исключенном целом и в то же время дополнительности как не целом, при относительных целостности, тождестве системы (относительных, ибо существует противоречие, взаимоисключение ее сторон, а именно: непрерывности (однородности, неспецифичности) и ее дискретности (разнородности, специфичности)), – суждения эти логически не составляют достаточного основания для истинного утверждения. Иначе

говоря, они необходимы, но не достаточны.

Вместе с тем относительное тождество системы, как парадокс «противоречащих» сторон: дополненности как целого и дизъюнкции как целого (разумеется, относительных), – вполне необходимые, и главное, достаточные предпосылки для перехода от относительной к так называемой абсолютной интеграции.

Поэтому итог преодоления противоречия («мыслительных барьеров») не столько парадокс противоречащих, но «слитых» (и все же, разнородных) свойств объекта, – сколько способность видения в парадоксе абсолютно целого, сугубо гомоморфного системного образования. Вместе с тем, коль скоро речь идет об абсолютном тождестве сторон, то одновременно вступает в силу и дизъюнкция, которая необходимо исключает третий элемент. Дискретность «аннулируется» на основании того, что в соответствии с законом, вывод, относительно любых противоречий, должен быть «одним из двух», сугубо абсолютным: либо утверждение единства целого (как непрерывного), либо отрицание единства. Отсюда:

4. Абсолютный синтез (интеграция): абсолютно непрерывное («слитие» в моно(!)систему; третья дополненность и исключенность третьего; третье отрицание, как абсолютность тождества сторон; их равнозначность как одна и та же, гомоморфная система).

Однако и на этом интегральное исследование до абсолютного логического завершения не доведено. Несмотря на умопозитивную дополненность (абсолютизм) одной и той же, гомоморфной сущности, последняя «не есть абстракт, присущий индивиду» как субъекту творчества, ибо в реальности она, по-своему, конкретна и неоднородна, а значит, специфически дискретна. Хотя итогом абсолютной интеграции, мы полагаем равнозначность (однозначность) двойственной природы целого, – помимо этого, встает проблема также интегральной дифференциации системы в однозначно многозначное.

Иными словами, абсолютная непрерывность, однородность, неспецифичность прерывна в абсолютной непрерывности, неоднородна в абсолютной однородности, специфична в абсолютной неспецифичности. Поэтому мы вновь выходим к дополненности «третьего» и дизъюнкции «третьего» в абсолютном целом:

- дизъюнкция: не «целое», ибо прерывное (разнородное, специфическое) в абсолютном целом, следовательно, абсолютное целое;
- дополненность: абсолютно целое, но прерывное (разнородное, специфическое) в абсолютном целом, следовательно, не «целое», но абсолютное целое.

Отсюда мы приходим к своеобразному пределу интеграции:

5. Предел интеграции: дискретность абсолютно непрерывного (т. е. не то и не другое в абсолютном тождестве и, в то же время, и то, и другое в абсолютном тождестве).

Применительно к исследованию индивидуальности, означенная пятиступенчатая схема интеграции, если облечь ее «в плоть и кровь» разноуровневых свойств системы, будет выглядеть следующим образом:

- теза: система индивидуальности как целое;
- антитеза: разноуровневая (иерархичная) ее структура – не целое;
- синтез: одни и те же уровни системы и, в то же время, «не одни и те же», неоднородные (интегрированные в соматопсихохимию генотипа) (относительное тождество; парадокс соединения несоединимого – «слитие»), – целое и, в то же время, не «целое».

6. Абсолютный синтез: одни и те же уровни генотипа, абсолютная неспецифичность,

монизм, гомоморфность системы индивидуальности.

7. Предел интеграции: абсолютная неспецифичность (однородность, равнозначность) специфики сторон морфопсихохимии генотипа, как одного и того же, неспецифического (непрерывного) целого.

Между тем, с таким же успехом можно интегрировать «статику» и «динамику» системы (т. е. обобщенные, устойчивые свойства и их функционирование (саморазвитие) и изменчивость индивидуальности, ибо последняя есть один и тот же, гомоморфный функционирующий (саморазвивающийся) и видоизменяющийся генотип).

- теза: целое (статика морфопсихохимии свойств генотипа) (исходное представление, тождество предмета);

- антитеза: не целое (динамика в противовес статике) (анализ; противоречие сторон объекта);

- синтез: «целое» (статичная динамика, или наоборот) (относительное тождество, – парадокс соединения несоединимого, относительные третья дополнительность и исключенность третьего).

А) дизъюнкция: не целое, ибо динамичная статика, но, в то же время, «целое»;

Б) дополнительность: «целое», но статичная динамика, следовательно, не целое.

8. Абсолютный синтез (интеграция): абсолютная динамика морфопсихохимии (функционирование, саморазвитие) («слитие» в моносистему; абсолютное тождество функционирования, саморазвития генотипа(!), как гомоморфная система).

9. Предел интеграции: абсолютная динамика статичного (морфопсихохимии свойств генотипа) (функционирующие, саморазвивающиеся устойчивые элементы одной и той же динамической моносистемы). Иными словами, абсолютная динамика статична в абсолютной динамичности.

С наследственной изменчивостью генотипа в его функционировании и саморазвитии дело обстоит точно так же:

- теза: целое (стабильность морфопсихохимии свойств генотипа).

- антитеза: не целое (изменчивость морфопсихохимии свойств, в противовес ее стабильности).

- синтез: «целое» (изменчивая стабильность генотипа) («слитие» в относительное тождество; парадокс).

10. Абсолютный синтез (интеграция): абсолютная изменчивость морфопсихохимии свойств в функционировании (саморазвитии).

11. Предел интеграции: абсолютная изменчивость стабильности свойств генотипа (видоизменяющиеся, т. е. изменяющиеся, но не «кардинально», устойчивые свойства – например, усиление или ослабление агрессии, при ее сохранении в стабильном качестве в функционировании (саморазвитии)).

Как видим, восхождение познания от поверхностного представления о целом и противоречия его сторон, а затем «слития» их в относительное тождество, ведущее к абсолютной, гомоморфной целостности и далее – к абсолютизму целостной дискретности (т. е. в сущности, одних и тех же, не противоречащих сторон), – есть системно-целостный пятиступенчатый процесс, который, одновременно, является универсальным методом: системной интеграцией любых объектов объективного исследования субъектом.

Коль скоро, предмет системно-интегрального познания универсален, то в соответствии с его неспецифичностью, – анализ-обобщению подвергнуть можно и интегральный метод, ибо, как и любой другой означенный сознанием объект, последний представляет

«разноуровневую» закономерную систему. Больше того, объектом интегрального исследования может стать и сам субъект познания (конституциональный третьесигнальный тип), закономерно развивающийся, в онтогенезе, комплекс свойств, способствующих (как способности) типологической развертке определенного мировоззрения и методологии исследования, – а значит, и определенной стилевой (не столько динамической, сколько аксиологической) направленности индивидуальной жизни.

Использование интегрального подхода в исследовании самой методологии системных обобщений имеет целью вычленение в «предмете» наиболее существенных закономерностей. Поскольку гегелевский «алгоритм» развития, предположительно, и есть искомая формализованная суть, пятиступенчатую когнитивную организацию необходимо вновь интегрировать в триаду; причем проблема заключается не столько в вычленении отдельных когнитивных ступеней, сколько в «слитии» и интеграции их в триединую моносистему.

Критерием определения одной и той же сущности, бесспорно, выступает степень целостности (интеграции) объекта изучения. Поэтому начать исследование (интеграцию системной интеграции) целесообразно не с изолированно-противоположных свойств, но с их первичного соединения в системный «синтез» (относительно тождественное целое);

- теза – прерывно непрерывное (относительное тождество, как синтез в парадокс соединения несоединимого);
- антитеза: абсолютно непрерывное (абсолютность тождества; абсолютный синтез целого, как «противоречие»);
- синтез: абсолютная дискретная непрерывность (предел интеграции: абсолютное тождество одних и тех же, не противоречащих сторон).

Таким образом, на этапе «синтеза» как второго отрицания первичной «тезы» мы вновь приходим к прерывно непрерывному, но уже на новом, абсолютном уровне – пределе интеграции. Этот предел, как «относительные» дизъюнкция и дополнительность в абсолютизме целого, и есть «частноотрицательное» и «частноутвердительно» – суждения по формально-логическим законам исключенного третьего и достаточного основания: т. е. «не то и не другое и, в то же время, и то и другое» в абсолютном тождестве не противоречащих сторон, а посему, данные суждения вдобавок должны быть дополнены формулой: «или-или; третьего не дано» и, в то же время, наличием дополнительного «третьего». Это, вероятно, и есть не что иное, как сущностная истинная закономерность, определенная методом системной интеграции, сама являющаяся предельно интегральной закономерностью – метода системных обобщений.

Формализация системы, таким образом, в относительно предельной форме (4) – есть абсолютное единство целого, необходимо исключаящее всякую специфику конкретного и всякую дискретность. Но абсолютная «прерывность» содержания абсолютизма непрерывной целостности, в реальности, однако, сохраняет силу, поскольку утверждение формального абсолютизма, вне содержательной «специфики сторон» (т. е. всего лишь, как абстракт абстрактной формы), – заведомо неверно, хотя бы потому, что противостоит направленности к предельной интеграции.

Ибо конкретика, дискретность части непрерывной целостности, как отмечалось, не исключает, но предполагает целое; равно – как и формально-интегральная закономерность

(одна и та же суть), отнюдь не исключает, но предполагает формальность содержания (то бишь, конкретику закономерности). Различий, а тем паче противоположности «сторон» здесь абсолютно нет, – ибо предельная формальность содержания (равно – «прерывность» абсолютной непрерывности) (5), по сути, есть одна и та же интегральная закономерность целостной системы изучаемого метода.

Если выразиться еще точнее, – относительный предел «абсолютной непрерывности» (4) и «прерывность» абсолютной непрерывности» (5), как некое «противоречие» сторон, на деле есть одни и те же стороны абстракта вне противоречия – один Закон.

Вместе с тем статичная закономерность целостной системы объективно не может оставаться в собственной константности и неизменности, инвариантности. Она с необходимостью должна быть динамичной: функционирующей (саморазвивающейся) в видоизменении и вариабельности.

Выше мы рассматривали интеграцию статики и динамики (функционирования, саморазвития), а также стабильности и ее изменчивости (видоизменения). Для того чтобы иметь представление о динамике Закона и, соответственно, динамической закономерности системной интеграции, необходимо рассмотреть ее – с «тезы» относительного тождества «динамической статичности», а также и «изменчивой стабильности» и, далее, по алгоритму этапов когнитивного процесса интеграции. В результате, мы получим две «противоречащие» стороны: 3) синтез: абсолютная динамическая статичность (изменчивая стабильность), как прерывно непрерывное и 4) абсолютный синтез (относительный предел): абсолютная динамика (изменчивость), как непрерывность. Вероятно, существует и последний, пятый этап интеграции интегральной закономерности метода, а именно: 5) предел абсолютной интеграции, как разрешение «противоречия» пунктов 3 и 4: динамическая статичность (изменчивая стабильность), как «прерывно» непрерывное в абсолютном абсолюте.

Если говорить, допустим, об одном и том же человеке, мы сталкиваемся с массивом внешнего единства многозначности его активности, а значит, и формально-содержательных, одни и тех же свойств, детерминирующих вкуче однозначность вариабельного внешнего. Иначе говоря, специфика абстрактной сущности касается самих системных элементов, когда конкретно-многозначным проявлением конкретной, но одной и той же сути становятся симптомокомплексы формально-содержательного тождества интра(!)системы.

Живое человеческое существо в реальной жизни идентично самому себе (т. е. едино внутренне и внешне, абсолютно однозначно и неразделимо), однако важен и учет многообразия активности одних и тех же элементов, причем не просто изнутри, но изнутри «во вне». В итоге, однозначность многозначных элементов (абсолютная формальность содержания) оказывается «слитой» с внешнеиндивидуальной деятельностью, что, собственно, и составляет качественно измененный принцип: «внутреннее» через «внешнее» с той лишь разницей, что обе стороны есть одна и та же деятельность во вне и изнутри [28; с. 161].

Иначе говоря, инвариант вариативных внешних проявлений тождественен «такой же» интраиндивидуальности, точнее – полимотивации активности одних и тех же составляющих; но в то же время следует учесть изменчивость различных комбинаций «внутреннего», которая, по сути, «абсолютно» соответствует «таким же» изменениям «во вне». Поэтому лукавство В.С. Мерлина по поводу того, что, дескать, «...соотношение

«внешнего» и «внутреннего» изменяется в процессе самой деятельности...», и что «...источник всех остальных теоретических трудностей...» (А. Леонтьева и С. Рубинштейна. – Авт.) в том, что «...существует цепная и однозначная связь «внешнего и внутреннего»...» [с. 161–162; там же], фактически же, им опровергается: «Вариативность частных промежуточных целей, операций и движений в однозначно детерминированных границах(!), мы обозначаем как зону неопределенности деятельности... Так же, как и общее направление деятельности, зона ее неопределенности детерминируется не «внешним» через «внутреннее» и не «внутренним» через «внешнее», а симультанной (т. е. «слитой», одновременной, но не цепной. – Авт.) системой внешних и внутренних условий изменяющейся на разных фазах и разных ступенях деятельности» [с. 162–163, там же].

То бишь, надо полагать, что «внутренний» и «внешний» планы деятельности, включая внешнеобъективные (по сути, субъективные) требования и нормы, абсолютно «слиты» в тождестве, и изменения «извне» и изнутри касаются всех трех сторон, в единстве и единовременно.

Между тем, «в одних и тех же объективных условиях, одно и то же действие может быть выполнено при помощи различных движений. Разнообразие возможных движений, для достижения одной и той же цели действия, характеризует зону неопределенности (наследственной вероятности, изменчивости. – Авт.) моторной активности. При определенных индивидуальных свойствах скелетно-мышечной и нервной системы (всех систем живого организма (генотипа. – Авт.) существует специфический оптимальный состав движений, необходимых для достижения данной цели действия. Он и является одной из характеристик индивидуального (оптимально-типологического, конституционального. – Авт.) стиля моторной активности» [с. 171, там же].

Поэтому, в более сложной и сравнительно осознанной (в т. ч. сугубо интеллектуальной) деятельности «...субъект, ориентируясь в объективных требованиях, может выбрать (грубее – объективно выбирает, либо не выбирает объективно. – Авт.), более или менее адекватные цели, операции и движения, в большей или меньшей степени соответствующие индивидуальным особенностям и потому, в большей или меньшей степени, эффективные. Выбор (надо полагать, наследственно обусловленный. – Авт.) таких целей, действий и операций, которые наиболее эффективны при данных индивидуальных свойствах, характеризует усвоение индивидуального стиля деятельности [с.163, там же]. И надо добавить, означает редуцирование, сужение зоны неопределенности к пределам зоны типологической (генетической) определенности, т. е. говоря «по-мерлински» – к «однозначно детерминированным границам», к общему (и, в частности, конституционально-типологическому) направлению моносистемы деятельности.

Ибо возможность (вероятность) выбора из множества возможных деятельностных приемов и программ еще не означает их обязательную реализацию; однако при определенных свойствах генотипа необходимо возникает и определенность выбора, причем, как правило, какого-либо одного пути, одной системы способов (программ) реализации рефлексов. По сути дела, тот же принцип «выбора» касается и онтогенетической развертки генотипов, когда конкретный тип животной особи «определяет» конституционально перманентный выбор базового аксиологического вектора и стиля жизни, – сообразно особенностям генофонда.

В этом смысле, функционирование и саморазвитие индивидуальности (субъекта), в видотипичном направлении, довольно жестко объективно предопределено, хотя

«фатально-обреченному» развитию, – «вне» личного участия и выбора, – вряд ли, стоит придавать предельное значение. Многие зависит и от внешнесредовых условий адаптации как объективных предпосылок объективного само(!)развития, запрограммированная суть которого, естественно, не сводится к одной лишь, наследственно-типологической «судьбе» или, в известном смысле, предначертанности «личной воли».

На объективный конституциональный выбор, накладывает отпечаток всеобщий видоспецифичный генофонд (рефлексов, свойств), но также уникальность наследственно-типологического фонда каждой особи (не говоря уже о прирожденном «уровне» приспособления (генетической пластичности), который, в видовой акцентуации отдельных генотипов, выражен различно). Свобода «воли» в субъективно отраженном объективном мире, действительно, имеет место быть, однако нужно думать, речь идет о предопределенности свободы выбора, объективной конституциональной воле.

Исходя из рефлекторных нужд живого человека, обуславливающих «программирующий» ориентировочный рефлекс, из нескольких возможных планов, способов и средств в акцепторе потребности, при всем желании, в конкретный момент времени, как отмечалось, мы можем выбрать, лишь одну программу действий, ведущую к так называемому целевому результату (удовлетворению), причем, программу, наследственно-типологически, как правило, определенную и, следовательно, – жестко однозначную, закономерную.

Поэтому, еще раз подчеркнем: живое человеческое существо едино внутренне и внешне, а также относительно стабильно в морфосоматическом и внешне-внутреннем функциональном отношениях (зона генетической определенности). Иначе говоря, в абстракции формата содержания единства разных деятельностей оно всегда тождественно себе, и даже несмотря на видимые внешне-внутренние изменения в функционировании и развитии (вероятностные усиления и ослабления, перестройки свойств), – стабильно остается фактически одной и той же интегрально-целостной системой, точнее – закономерной-объективной, конституционально-динамической моно(!)системой, притом во всех своих аспектах.

Далее. Для того чтобы объектом третьесигнального, системно-интегрального познания стал сам третьесигнальный конституциональный тип, специфически познающий объекты действительности, необходимо вышеозначенную схему исследования (гегелевский «алгоритм») приложить к павловской, так называемой типологии развития человеческих животных. Но прежде системной интеграции нужно подвергнуть (исследовать) основные свойства нервной системы (процессов возбуждения и торможения безусловно-условных связей), – т. е. свойства, раскрывающие феномен наследственной изменчивости стабильного видового генофонда в генетически же определенных границах. А именно: силу, подвижность и уравновешенность, имеющих, вместе с тем, видотипичную степень выраженности не только для основных «общих» (первосигнальных) типов, но и «творческих» (перво– и второсигнальных), а также и творческого третьесигнального [см. гл. 4].

1) Теза: сила (стабильный видоспецифический генофонд).

2) Антитеза: подвижность (наследственная изменчивость стабильного генофонда) («противоречие», «парадокс» сторон одной и той же «силы» нервной системы).

3) Синтез (интеграция): уравновешенность (изменчивая стабильность генофонда («силы»), в наследственно закрепленных «рамках» (по сути, та же самая «сила»).

Таким образом, мы имеем «слитую» триаду системы целого, как одну и ту же «силу» нервного субстрата (видовой генофонд рефлексов и свойств, в его же видоизменении и в его же генетически данных стабильных объективных границах).

Между тем общая с другими животными типология, по И.П. Павлову, классифицируется по признаку означенных одних и тех же основных нейрофизиологических свойств, с точки зрения степени их выраженности. Для нас, однако, важно найти то общее основание (сущность), которая объединяет (интегрирует) «силу» и «слабость» нервной системы, подвижность и инертность, уравновешенность и неуравновешенность как своего рода «противоположных» сторон целого: человеческого вида, видового генофонда, разделенного на типологические группы, как его акцентуации, спецификации. В результате интеграции окажется, что «слабость» ВНД как «противоположность «силы», по сути, есть та же самая «сила», но «иного рода». То же самое относится и к инертности, и к неуравновешенности. Отсюда и формула: типичность суть акцентуация видового генофонда, а уникально-своеобразное – акцентуация того же видотипичного генофонда. Или можно сказать наоборот: уникальность типичности видового наследственного фонда.

Вместе с тем, необходимо рассмотреть и видоспецифическую типологию познания (развития), основанную на качественных различиях в ориентировочном рефлексе генофонда, исключая степень его подвижности (изменчивости (саморегуляции)) и уравновешенности (саморегуляции в границах психохимического гомеостаза:

1. Теза: основные типы – 1 – я сигнальная система (по преимуществу «правополушарная»; ориентировочный рефлекс выполняет вспомогательные функции: обеспечивает реализацию всех прочих рефлексов генофонда «под эгидой» рефлекса социального статуса; сенсомоторный способ существования в «мире вещей» («материальная» ориентация онтогенеза)).

Наглядно-образное (действенно-практическое), интуитивное мышление; целостное экстравертированное, гиперэмоциональное восприятие действительности, характерные как для «среднестатистических» обывателей, внушительной части руководителей, так и для части «художников», – т. е. творческого типа, у которого ориентировочный (познавательный) рефлекс и инстинкт высокого общественного статуса гипертрофированы. (Инстинкт высокого общественного статуса, и у руководства, как правило, стоит во главе угла).

2. Антитеза: 2-я СС («левополушарный», «мыслительный» творческий тип; как и у «художников», познавательный инстинкт и рефлекс статуса гипертрофированы, что, впрочем, не мешает реализации всех прочих рефлексов генофонда; по преимуществу, «интеллектуальный» образ жизни).

Абстрактно-вербальное, аналитическое, дифференцированное мышление и восприятие; «духовная» ориентация онтогенеза – вторая ступень «прогрессивного» развития, обусловленного более высоким уровнем научения и образования. К второсигнальному типу, с известными оговорками, можно отнести и часть «художников»-«мыслителей», а также и руководителей: в самых различных областях видового всеобщего воспроизводства.

3. Синтез (интеграция): 3-я СС («базируется» на 1-й и 2-й, является их синтезом (интеграцией), т. е. для нее, так или иначе, характерны все рефлексы данных систем. Можно сказать, что это высшая ступень интеллектуального развития, познания, интегрирующая и абстрактный, и интуитивный интеллект, способность глубокого анализа явлений, и, главное, их системно-целостного, интегрального видения.

Со стороны мозга здесь нет доминирования, преобладания левого или правого полушарий. Здесь мы имеем не асимметрию, но их симметрию. Центры речи третьесигнального мозга расположены не в левом, а в правом полушарии, и наоборот, невербальное мышление, образные конструкции – в левом. Соединение, казалось бы, несоединимого в познании (что есть мыслительный парадокс), своего рода революционное (гениальное) мышление характеризуют 3-ю сигнальную систему [см. гл. 4].

3-я СС замыкает трехступенчатую типологию развития (познания), включая в себя, грубо говоря, «низшие» ступени, ибо они «слиты» с ней воедино и выполняют относительно равнозначные, тождественные с ней функции. Данная «слитая» триада, как интегральная система человеческих способностей (общий, специально человеческий, третьесигнальный ориентировочный рефлекс), – как в «материальном», так и в «духовном» мире, – позволяет выйти на интегральное исследование феномена самого человеческого общества, распределения разнообразных, самовоспроизводящихся типов особей, а также популяционных групп во всеобщем, наследственно-видовом воспроизводстве.

Таким образом, вербально-абстрактное, аналитическое и, в то же время, интуитивное, системно-целостное (интегральное) мышление и восприятие характерны для третьесигнального наследственного типа, в исследовании объектов действительности. Данная специфическая система восприятия и мышления является фактически тождественной результатам третьесигнального познания генотипа, как самому себе (субъекту), так и тождественной другим объектам системно-интегрального изучения.

Означенная типология человеческих животных, наряду с половозрастной и «кастовой», а также классовой, гражданской, расовой, – образуя в интегральном целом макропопуляцию, один и тот же биологический социальный вид (*Homo sapiens*), – представлена, естественно, не только специфической активностью различных типов (акцентуациями видовой специфики), но также и распределением конституциональных интегральных групп (типов) во всеобщем видовом воспроизводстве. Одна и та же человеческая особь (индивидуальность) являет, в триединстве «слития», видотипичность уникального и, вместе с тем, специфику биологического вида в целом (по К. Марксу – «совокупность всех социальных отношений»), – т. е. вида с высокодифференцированной (одной и той же) социобиологической организацией активности.

А именно: совместной добычи (посредством разнопланового производства и распределения (зоологических «дележа» и грабежа)) продуктов, способов и средств воспроизводства потребления – в самом широком смысле. Речь, стало быть, идет об объективно генетической реализации всей совокупности потребностей и свойств видового генофонда, с наследственно детерминированной «целью» воспроизводства оно: как относительно 1) воспроизводства жизни и развития людей и 2) репродукции все новых поколений, так и 3) воспроизводства «базы» потребления, а значит, и воспроизводства «духовного» и «материального» (экономического) производства данной базы и культуры.

Иной вопрос, что сам характер способов участия и места во всеобщем видовом воспроизводстве (и, главное, распределения посредством денег потребительского «уровня» всей массы «благ»), имеет разнокачественную многозначную специфику при однозначной сути, во многом обусловленных генетикой. То бишь, не столько «соответствием способностей возможностям» (или, дескать, «личной волей», «умением» и

«мастерством»), и даже не известным «социальным статусом» отдельных особей от разных «социальных групп», – сколько зависимостью от различных комбинаций и изменчивости (приспособленности, пластичности) типологии «полиморфизма» генофонда, устойчиво закономерной, неизменной (и, в то же время, видоизменяющейся), по крайней мере, на протяжении тысячелетий социобиологической Истории.

Относительно применения системно-интегрального подхода к человеческому обществу можно привести ряд примеров, иллюстрирующих саму методологию:

Так, к примеру, классы (народы; государства) «господ» и классы (народы; государства) «угнетенных». Налицо, казалось бы, антагонизм противоположных борющихся сторон, однако не следует забывать, что и те, и другие суть классы (народы), состоящие из генотипов (человеческих социальных животных), носителей видоспецифического генофонда рефлексов и свойств, состав которого, в общих чертах, характерен для каждой особи, ибо это одни и те же животные (генотипы). Только одни владеют средствами производства и капиталом, а другие – нет, что, впрочем, при благоприятных обстоятельствах (например, социальной революции), может измениться: бедняк станет богатым, повысит свой социальный статус и, значит, с таким же успехом, будет эксплуатировать других, менее приспособленных.

Нравственно-оценочный, подход в отношении «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» не всегда уместен, ибо «Люди холопского звания – сущие псы иногда» (А. Некрасов), и наоборот, богатые могут оказаться «хорошими людьми». Вместе с тем, «полярные» классы (народы), характеризуют не только власть и подчинение и борьба за власть, но и известные сотрудничество и взаимопомощь. Эти основные, единые для всех социальных групп (малых и больших), конституциональные отношения человеческих животных (т. е. внутри самих групп и между ними), также могут быть подвергнуты системной интеграции, а именно: сотрудничество и взаимопомощь людей в борьбе... за власть (деньги), то бишь, господство над угнетенными, которое, как и прочие наследственные отношения, пронизывает все человеческое общество «снизу доверху».

Несколько слов нужно сказать о так называемом «постоянно изменяющемся, прогрессирующем обществе». Увы, оно кардинально не меняется, остается одним и тем же, на протяжении всей многовековой социобиологической Истории. Следовательно, оно лишь видоизменяется подобно тому, как видоизменяется отдельно взятый генотип, оставаясь, в конечном итоге, одним и тем же, стабильным генотипом (генофондом). Видовой генофонд и его типы животных и популяционных групп относительно стабилен и неизменен, но, в известных границах, подвергается не(!)существенным стохастическим изменениям (т. е. наследственной изменчивости), через которые и воспроизводит себя в течение тысячелетий.

Человеческий вид, вооруженный материальной и духовной культурой (фактически, разномасштабными орудиями (материальными и духовными), также видоизменяющимися, но «ударными темпами», по сравнению с самим видовым генофондом), – он (вид *Homo sapiens*), как и встарь, «озабочен» одним и тем же: материальным и духовным производством ради наилучшего потребления (только одним «лучшее», а другим – «худшее»), – потреблением по принципу максимизации гедонического насыщения, а значит, собственным воспроизводством в борьбе за наилучшее самосохранение (саморазвитие), за власть над себе подобными особями и Природой. Ибо «Взять у нее – наша задача!..».

Однако от приоритетов индивидуальной видоспецифичной типологии и видовых социальных феноменов в качестве предмета интегрального исследования, вернемся к собственно системной интеграции как «чистому методу».

Мы выяснили, что первичность тождества исследуемого объекта самому себе (непрерывность целого (1)) и абсолютность целого как непрерывного (4), посредством переходных ступеней-«противоречий» (2.3.), восходит одновременно к «не целому» и «целостному» (относительному тождеству); и далее, – к абсолютизму интегрально целого (4.5.) как интегральной самоидентичности, в которых важно различать градацию и степень обобщения и как бы «уплотнения» единства в абсолютном. Ибо в реальности, а не известной когнитивной виртуальности, объект всегда предельно абсолютен, в конкретном идентичен самому себе, а потому и смысл предельно объективного познания – суть адекватность (тождество) закономерно-объективной целостности, причем во всех аспектах. А именно: в закономерно и предельно интегрированном целом: внешне-внутреннего; дискретно-непрерывного; содержательно-формального; неспецифично-специфичного; конкретики абстрактного; многообразного единства; однозначной многозначности; инвариантно-вариабельного; изменчивой константности; относительности абсолютизма; сущностного проявления; закономерно-вероятного и т. п.

Т.е. известный псевдопарадокс соединения, казалось бы, несоединимых «противоположных» качеств в абсолютном тождестве (5), в действительности представляет абсолютность предельно интегрально целого, необходимо достигаемого через средство «переходных ступеней» (3.5.), что составляет переход к единому абсолютизму, – с оговоркой, – одной лишь «стороны» дихотомии: абсолютному монизму объективного Закона, охватывающего тождественность любой системы – от мега-, геомира в целом, биосферы, общества, различных социальных групп, отдельной индивидуальности, других животных, – вплоть до живого-«неживого» микромира, молекул, атомов, микрочастиц одной и той же самодвижущейся (живой) Материи.

Это и есть предел закономерного абсолютизма в качестве абстрактных: непрерывного, формального, константного, неспецифичного, безусловного, однозначного, инвариантного, вечного и бесконечного и т. д.

Между тем, было бы неверно полагать, что якобы «противоположная» (вторая) «сторона» Закона суть его движение, развитие, представленные вариабельностью, стохастичностью, изменчивостью, относительностью, многозначностью, многообразием, прерывностью и пр., тогда как сам устойчиво-неспецифический Закон являет противоположность этим качествам «непостоянного». В действительности же стационарность безусловного Закона и его подвижность видоизменения в само(!)развитии имеют, как двузначно-многозначную (но однозначно однозначную), так и сугубо однозначную (но много-многозначную) характеристики единовременно, при абсолютных и предельных тождестве и неизменности обоих качеств.

Стало быть, стационарность и изменчивость в саморазвитии Закона – суть одно и то же, как стационарная моносистема, обладающая общим вектором развития изменчивости, собственно, стационара материального Закона стохастической природы. А посему, недаром отправная точка интегрального исследования у В.С. Мерлина – так называемые стохастические связи индивидуальных элементов [28; с. 38–39], но следует учесть, что «третья» дополнительность, как целое, ведет к абсолютизму вероятностного в рамках абсолютного Закона в неизменном и стабильном качестве.

Что же касается формализованных систем понятий, применяемых для нужд обычного

системного подхода, то для задач системной интеграции подходят одни и те же формы систематизации якобы «взаимодополняющих» друг друга в «противоречии», «взаимосвязанных» сторон: изменчивости и стабильности, дискретности и непрерывности, формальности и содержания и пр., однако в нашем случае склассифицированных, интегрированных по существенному признаку в одно и то же целое, одну и ту же группу (целое) из «разнокачественных» понятийных групп познания объекта. К примеру:

1) «слитие» и относительное тождество «изменчивой стабильности», с дальнейшим восхождением к абсолютизму целого;

2) или «изменчивость стабильного», «инвариантность переменного», «однозначность многозначного», либо «прерывность непрерывного», «формальность содержания», «абстрактная конкретность» – как одни и те же качества подвижности статичного Закона (целого), в абсолютном содержании конкретики.

Ибо различия терминологии, разносторонне отражающей одну и ту же вещь, здесь обретают новый, интегральный смысл, а посему и философский лозунг «все в изменяющемся мире связано со всем» претерпевает качественную интратрансформацию. А именно: «все в однозначном мире «слито», интегрировано и склассифицировано («без единого зазора»), в собственном его движении развития и видоизменения движения его» и, в дополнение, еще и «сверху утрамбовано» до абсолютного предела и монизма, что выражает, пусть и грубо, гегелевский смысл «диалектического» аппарата логики.

Единство мира, стало быть, – в его многообразии в единстве абсолюта; формальность мира – в его конкретике в формальном абсолюте; константность – в изменении (развитии) в константном абсолюте, – и далее, по алгоритму. Поэтому нам не вполне ясны страстные убеждения философа В. Орлова, утверждающего: «Философия марксизма, согласно ясному определению В.И. Ленина, это материализм, включивший в себя диалектику, а не материалистическая диалектика». И выше у В. Орлова сказано: «Недооценка материализма как целостной концепции марксистской философии, включающей (?) в себя диалектику, выразилась в распространившемся в последние годы отождествлении диалектического материализма с материалистической диалектикой», «...диалектический материализм и материалистическая диалектика – это одно и то же», – категорически, утверждает Б. Кедров (1982).

Однако уже с точки зрения грамматики, простая перестановка определяемого и определяющего слова дает новое понятие (что, в принципе, и требовалось доказать. – Авт.). Так, понятия «мыслящий мозг» и «мышление мозга» совершенно различны (?), ибо первое отражает материальный орган (?), второе – его идеальную функцию (?) [20 - В данном случае, В. Орлов отстаивает принципы материализма, основываясь на так называемой субстратности материи, предполагающей статичное, в определенном смысле, видение мозга («материальный орган» с «идеальной функцией»), хотя на деле, этот «неподвижный» орган, по И.П. Павлову, функционирует, «работает». «Работа» заключается не только в продуцировании процессов возбуждения и торможения, их саморегуляции, включая аналитико-интегративные процессы того же мозга, но и в «совсем уж материальной» нейрохимии процессов (шире – нейрогуморальной химии), как «базы» темперамента(!), условно-рефлекторной деятельности, – притом во всех аспектах, а не одном, лишь измусоленном «сознании» от философии марксизма. Наконец, и сам субстрат не остается в стороне, но в «слитом» триединстве морфопсихохимического, – функционирует и саморазвивается, а также видоизменяется, как в собственно текущей

адаптации, так и в онтогенезе особи. А посему открытое признание прикамского философа, зачем-то взявшегося судить-рядить о непонятном для него предмете, вызывает только восхищение: «Остается много неясного (притом, что ясен свой «законченный материализм». – Авт.) в природе сознания, его субъективной, идеальной (?) стороны, в связи (?) психики и мозга, психики и физиологических процессов (!)... [45; с. 15]. Но именно в конкретном прояснении проблем «соединения» двух «содержаний» психологии-физиологии с позиций интегрального подхода, заложен «ключ» к решению всех остальных (но прежде – ценностно-мировоззренческих) проблем.]. Замена понятия «диалектический материализм» понятием «материалистическая диалектика» означает, поэтому, подмену (?) основного вопроса философии ее вторым вопросом – о развитии.

Такая подмена (измена? – Авт.) понятий по меньшей мере вуалирует партийный характер марксистской философии, заменяет деление(?) философии на материализм и идеализм, как единственно возможные(?) партии философии, делением(?) на диалектику и метафизику, которое не имеет самостоятельного партийно-философского значения». И далее:

«В исследованиях по материалистической диалектике (дескать, с «неточной расстановкой акцентов». – Авт.), получили определенную разработку и вопросы материализма (материи, ее атрибутов, сознания и т. д.), однако... проблемы материализма, – негодует В. Орлов, – имеют при этом вспомогательный, побочный характер, поскольку служат средством построения диалектики как общей теории развития». Но «...следует признать, что разработка специальной системы категорий материалистической диалектики, хотя и имеет определенное (?) теоретическое значение, обладает, в то же время, лишь относительной ценностью (вы так, а мы вот так! – Авт.), ибо развернутая система категорий марксистской философии может быть только (?) системой категорий диалектического материализма как целого [45; с. 8–9].

А посему, недаром, видимо, глава, откуда взяты эти строки, именуется определенно: «Философия марксизма – законченный философский материализм», – естественно, лишь для В. Орлова и Компании.

Печально знаменитый спор о курице и о яйце, «несущем» куриц, с позиций интегрального исследования, теоретически несостоятелен и требует в дихотомии «противостоящих» курицы с яйцом, какой-то «третьей» дополнительности, истинность которой, с точки зрения, формальной логики, лишь промежуточна. Закон достаточного основания, по отношению к дихотомии «развитие материи» (столь страстно защищаемой В. Орловым) и, наоборот, – к ее инверсии, по-видимому, должен быть «иным» в сравнении с другими вариантами дихотомий различных материально саморазвивающихся объектов.

Яйцо (развитие материи) и курица (материальное развитие), при «наложении» характеристик, исключают «третье», тем самым выступая как одно и то же целое. Но, вместе с тем, характеристики «материя – развитие» необходимы и достаточны, хотя бы сами по себе: то бишь, одно и то же, как не то и не другое и, в то же время, и то, и другое в целом взаимоотрицающее производность, оставляя лишь первичную «основу», – ибо и та, и другая «стороны» моносистемы равнозначны в собственном единстве, абсолютном тождестве.

Что же касается несчастной курицы с яйцом, первичны и не курица, и не яйцо и, в то же время, отрицают производность и яйцо, и курица. При дополнительности «промежуточного» третьего, мы получаем курицу, несущую те яйца, которые «несут» (во

времени) другую курицу, – т. е., в известном смысле, постоянно, абсолютно, как закон (!); тогда как относительно «непостоянным», но закономерным здесь является «хронологически» как раз «не то и не другое и в то же время и то и другое вкупе», – т. е. курица с яйцом в изменчивости абсолюта (!), неизменном видоизменении (!).

Стационарность материального субстрата и развитие его неотделимы друг от друга, онтологически представлены «одной упряжкой», – точнее, – в качестве «бегущего коренника» (или «коренника бегущего?»...), причем в единстве с «производностью» обоих знаков, – «пристяжными»: изменчивостью (относительностью) в смысле 1) усиления (и ускорения), либо 2) ослабления (и торможения) одной и той же «тройки».

То бишь, «бегущая материя» – не то и не другое (в плане взаимоотрицания и абсолютности, и относительности) и в то же время, и то, и другое в целом (в смысле триединства абсолютно самодвижимой материи и относительного видоизменения последней). Это и есть необходимость и достаточность условий истинности третьего суждения, которым и являются... условия (!) [21 - А вот еще вариант видения мирового развития и его изменчивости, с позиций понимания движения материи как самодвижения (!): «Самодвижение материи (абсолютное, безусловное, вечное, полное), – считает Л. Петрушенко, – отличается (?) от самодвижения ее объектов (относительного, условного, преходящего, частичного). Но, будучи диалектически взаимосвязанным (?) с последним, самодвижение материи не только абсолютно, но и относительно, не толькоечно, но и преходяще и т. д.» Любопытно то, что автор тут же сам себя опровергает: «Ключ к пониманию самодвижения лежит в самой действительности; движение материи выступает как самодвижение, в отношении внутренней противоречивости (?) материи; в отношении универсального взаимодействия всех тех объектов, субстанцией которых является материя; в плане самосохранения (устойчивости) и само(!)изменения (изменчивости); в плане развития (саморазвития. – Авт.) материальных объектов. Иными словами, источник самодвижения следует видеть во внутренней противоречивости(?) материи, универсальном взаимодействии». «Самодвижение присуще «от природы» миру (материи), – вновь разделяет Л. Петрушенко, – и его вещам, явлениям, процессам. В нем выражается тот факт, что несотворимые, неуничтожимые и неразрывно связанные («слитые» в одно и то же целое. – Авт.) материя и движение «являются своими собственными конечными причинами...»; что субстанция является «причиной самой себя»» (цит. по К. Марксу и Ф. Энгельсу) [35; с. 207–208]. Как видим, речь идет о самодвигателе (!), фактически, одной и той же внутренней причине под названием «материя» (самопричине «изнутри»), а посему и мысль философа о некоем «отличии» последней от самой себя («извне»), логически неправомерна. Следовательно, условность, производность, относительность и пр. касаются отнюдь не материального взаимодействия систем объектов, «отличных» от самой материи, но абсолютно относительных взаимодействий этих же объектов как бы изнутри – в пределах абсолютной материальности.]

В случае же, если мы возобновим попытки абсолютизации какой-либо из трех сторон (к примеру, «диалектический материализм» В. Орлова, либо «материалистическая диалектика» от Б. Кедрова, либо исходная изменчивость от В.С. Мерлина, как «стохастические связи»), то ход логического заключения (законов объективной мысли) вновь приведет нас к разделению (дизъюнкции) и новой дополнительности – абсолютизму. Последовательность логических дезинтеграции и интеграции в «итоге» может умножаться бесконечно, однако и предельной абсолютизации через инверсию (как относительности), когда-то тоже должен быть предел.

Он-то и составляет, так сказать, упорно повторяющееся чередование (закон) процессов абсолютных конвергенции и дивергенции, которые как раз и есть необходимые и, вместе с тем, достаточные предпосылки истинного заключения, но, как ни парадоксально, абсолютно «слитого» с абсолютизмом предпосылок. Выходит, не абсолютизм, не относительность и, в то же время, и абсолютизм, и относительность (абсолютизма), взаимоисключаясь... в целом, суть истинное знание предмета.

Иное дело, – практика возможных применений истинного знания, «ключ» от которого «лежит в самой действительности», отраженной генотипом (субъектом объективного познания), но также в самоотражении его (!), на чем и зиждется критерий истинности практики. «Под кажущимися привычными и спокойными формулировками положений марксизма скрыты глубокие и напряженные мировоззренческие проблемы, которые не всегда нами хорошо осознаны и поставлены», – вновь признается самому себе В. Орлов [45; с.15]. Впрочем, добавим, – в зависимости оттого, как будут решены эти проблемы, зависит, по большому счету, активная позиция отдельных социальных групп (отдельной «личности») и, собственно, возможность выработки «социально»-политической идеологии (на базе знания единства и различий генотипов), которая, в дальнейшем, может быть возведена в естественный закон Истории.

К чему «единая для всех», «духовно»-философская доктрина, без преувеличения, воинствующего «материализма» привела в ушедшем СССР, детально распространяться, думаем, не следует. Тем более, в Истории такого еще не было, чтоб, выражаясь фигурально, хвост вилял собакой, при том, что и собака, и сам хвост – одно и то же целое (одно животное); однако хвост собаки виляет или поднимается и опускается, тогда как мозг животного, на основании агрессии и страха, извечно управлял служебным псом (конечно, если не считать тех деструктивных (революционных) исключений с «кардинальной» сменой руководства).

Увы, воинствующий любомудр В. Орлов не задает вопроса: чем кроме отношении собственности, борьбы систем «капитализма и социализма» могут быть объяснены «глубокие и напряженные мировоззренческие проблемы, которые не всегда осознаны», – например, такой анахронизм, как допотопное «партразделение» всей философии на «метафизику идеализма» и «диалектику материализма». Либо почему одни животные «поглочены» занятиями той же философией, мол, с «углублением научного мировоззрения»; другие же, пресыщенные жизнью, – эстрадною попсой за супер-бабки, с развеселой «напряженностью» мировоззрения; тогда как третьи процветают в криминально-политической «малине» на «базе» все того же ненасытного «мировоззрения», да еще, дескать, «не всегда осознанного»?..

А вот служебный пес, приветливо виляющий хвостом, а «за глаза» облаивающий всех и вся, покорно лижет руки своему Хозяину, – он, бедолага, и поныне в конуре. Недаром ведь, поэтом сказано: «Козыри свежи, а дураки – те же»; хотя точнее, – те же и дураки, и козыри. Следовательно, отчего на протяжении веков, тысячелетий финансово-имущественное, гражданское, этническое, расовое, половозрастное, наконец, «духовное», культурное неравенство незыблемо, и «социальной справедливости» как не было, так нет, как будто таковой в природе человека не бывало, и быть не может от самой Природы? И почему «телега» паразитов, «социально исторически», всегда оказывается впереди, тогда как «лошадь» труженика, – так же «социально исторически», – всегда лишь сзади? (Что, впрочем, не одно и то же относительно к бездельникам и труженикам по ту и эту «стороны»).

Поэтому вполне понятно, почему В. Орлов не видит (не осознает и потому, не раскрывает) третьей стороны, так называемого основного философского вопроса, которая являет «третье» дополнение к: 1) психофизической (физиологической), эволюционно-исторической (онтологической) и 2) гносеологической его проблемам. Но именно как «третья», – истинная, – дополнительность, она не связывает, но «сливает» все данные проблемы в одно и то же целое, по сути, образуя базовый каркас всей теоретико-методологической системы философии.

«Ценностно-праксеологическое решение основного вопроса философии, – полагает В. Сержантов, – не есть простое приложение к решению этого вопроса в онтологическом и гносеологическом аспектах. Оно имеет особое содержание, свой специфический язык – язык оценочных (и значит, субъективных, в т. ч., и познавательных. – Авт.) суждений, норм и закономерностей.

Аксиолого-праксеологический [22 - Праксиология (реже праксеология; от др.-греч. πράξις – деятельность, и λογία – наука, учение) – учение о человеческой деятельности, о реализации человеческих ценностей в реальной жизни. – Прим. ред.] аспект основного вопроса... представляет собой один их существенных элементов теоретического выражения гуманистического содержания философии марксизма (не только «гуманистического» и не только философского. – Авт.), выполняющий специфическую функцию в системе духовной культуры, в том числе и таких ее областях как этика и эстетика, которые... не могут рассматриваться как особые, отдельные философские науки. Они органически входят, со своими основными категориями и принципами, в систему диалектико-материалистической философии...».

«В конечном счете, – уточняет «этико-эстет», – основная направленность, функция и смысл рассматриваемой проблемы состоят в обосновании той или иной системы ценностей (и антиценностей – вне надуманных «гуманистических» критериев. – Авт.), и, тем самым, философия в целом, свое мировоззренческое значение и свою социальную (?) природу приобретает через ценностно-праксеологические аспекты (включая познавательные ценности. – Авт.) основного вопроса философии.

Не входя в детальное обсуждение... проблемы, следует ответить, что ее последовательно материалистическое решение имеет место лишь в марксистской философии (?). Вместе с тем... в данной проблеме, материализм невозможен вне диалектического (?) способа мышления. Выйти из замкнутого круга идей, наделенных ценностным (допустим, классово-антагонистическим. – Авт.) функционированием, понять их более глубокие, т. е. материальные основания, философская мысль до К. Маркса была не в состоянии (?)...» [42; с. 38].

Но одно дело декларируемый идеал «гуманистического» видения мира, другое – реальная действительность как жесткая борьба меж человеческими животными за наилучшее существование (по принципу гедонического насыщения), в которой можно наблюдать вполне определенные системы ценностей, детерминированные объективно, генетически. Тем паче, К. Маркс был более философом-экономистом, нежели биологом и психофизиологом, генетиком, и был, к тому же, человеческим животным/генотипом.

Можно предположить (хотя не нужно и предполагать), что типология развития от И.П. Павлова суть также и, одновременно, типология различных ценностных смыслообразующих жизненных систем, мировоззрений конституциональных типов (групп людей), классифицируемая по критерию «сигнальности» нейросистем (1-я, 2-я, 3-я) на базе энергодинамического (эмоционально-волевого), интенционального и некоторых

других аспектов темперамента (!).

Иначе говоря, направленность активности (рефлексов генофонда) имеет и формально-содержательную сторону, которая находит выражение в системе ценностей и антиценностей, как отношений особи на достижение потребностного результата, подкрепления рефлекса.

Однако мысль эту, можно сформулировать иначе: направленность активности есть ценностные ориентации субъекта, как объективно-генетические, смыслообразующие установки (диспозиции) активной жизненной позиции акцентуаций видового генофонда (типов), – и, в частности, темпераментальных групп.

В. Сержантов, к сожалению, в своем по духу интегральном, психофизиологическом исследовании человека, – в конечном счете ограничивается лишь общей постановкой «аксиолого-праксеологической проблемы» философии, осуществляя «разрешение» ее с этических марксистских (как бы должных), в т. ч. методолого-теоретических позиций, – т. е. самое печальное, вне типологии развития животных. Хотя еще раз повторим, что заключения свои «биологический» марксист-философ строит, собственно, в контексте психофизиологического «слития», реалий высшей нервной деятельности (психики) по И.П. Павлову.

Закономерной кульминацией такого расхождения реального и «должного», закономерно вылившегося в мучительные «эстетические» формы поиска «этического» смысла жизни (этакого «человеческого» идеала, вопреки «животной» сути), – к несчастью, вновь утверждается, изрядно всем поднадоевший, абстрактный гуманизм, реализация которого на практике, увы, утопия.

Нам представляется, что основной теоретической иллюзией, преградой, о которую ломают копыта большинство «биологически» (и «социально») ориентированных любомудров (не говоря об откровенных заблуждениях огромной массы «творцов-полубогов»), по сути дела, выступает абсолютизация сугубо человеческого творчества как якобы ведущей деятельности, «смысла» их «особой» жизни (не в пример другим, которым, дескать, «лень взять в руки книгу»), отрицающей все «низменное», «как у животных», что оскверняет ореол «возвышенного», «нравственного». Хотя действительный смысл жизни заключается в совсем ином (или почти в совсем ином).

Не случайно у биосоциомарксиста, системообразующим, ведущим компонентом «личности» является характер (?!), дескать, «сформированный» при жизни самим (!!) субъектом, исключительно благодаря «социогенному» влиянию, «личным» качествам (упорство, целеустремленность, нравственные, эстетические ценности, концепция «свободы и ответственности», «справедливости и истинности», правовые, политические принципы и пр.) [с. 210–211, там же], – как будто человек сам волен «делать» самого себя, а не использовать, помимо воли, собственный природный темперамент в качестве «строительного материала»!

Но темпераменту, в концепции В. Сержантова, отводится роль более чем скромная и отчего-то вне отношений (ценностных ориентаций, установок), приписываемых исключительно характеру, – как своего рода, «заслуги» генотипа перед обществом, сформировавшего на «благо» общества свой «особый», «высококачественный» характер. Таким образом, темперамент у В. Сержантова рассматривается вне «интегративной аксиологической функции, объединяющей все другие (ценности. – Авт.)» – то бишь, «индивидуальной концепции смысла жизни человека».

«Заслуга К. Маркса состоит, в частности, в том, – справедливо полагает Л. Петрушенко,

– что он впервые в истории показал, что социальный индивид активен не «от бога», не «от духа», а «от природы» (!), поскольку его социальная творческая самодеятельность, в конечном счете, является вторичной, производной (?) от самодвижения (активности) природы, чьим историческим (?) продуктом он и общество является [35; с. 209].

Здесь, впрочем, Л. Петрушенко снова путает абсолютизм активности Природы с, дескать, относительной активностью ее частей (объектов). На деле же, активность «первой» (сила как причина) являет собственную же «производную» активность, – у человека выступающую, как в форме трудовой и ряда прочих «деятельностей», так и в особой, «высшей» форме: творческой активности. Следовательно, вопрос лишь в том, что представляет собой первичная основа (сила), как абсолютизм активности у человеческих животных.

В связи со сказанным не мудрено понять, что павловский классический «набор» трех оснований ВНД (сила (генофонд), подвижность (изменчивость его) и уравниченность (стабильные границы изменчивости генофонда)), – был глубоко продуманной концепцией. А именно: под основными свойствами ученый разумел триаду базовых параметров Материи, в ее стабильности самодвижения (развития) и видоизменения стабильности, в стабильных же границах и в пространстве-времени. Поэтому вопрос о производности самодвижения (как видоизменения), оторванной от основания(!), тем паче, абсолютизация ее, решаться должен исключительно в пределах абсолютности самодвижения, в котором «относительная» сторона, – лишь абсолютная материя в самодвижении (изменчивости).

«Зарождаясь еще в древнейших мифологических представлениях, – пишет Л. Петрушенко, – идея самодвижения (активности) проходит через всю древневосточную (Индия, Китай) и античную философию, прежде всего, как идея активного, само собой происходящего, всеобщего изменения и развития природы. В философско-религиозных учениях Востока активность, действенность рассматривалась как внутреннее субстанциональное свойство всего мира и, вместе с тем, причина его движения, его двигатель» [с. 204, там же].

«В первоначальных представлениях субстанция и двигатель мира были тождественны и не всегда различались. Например, в учении Лао Цзы понятие «дао» характеризует мировую материю, мировую силу и мировой разум. Вечное, единое и абсолютное «дао» может рассматриваться как идеализированный первобытный хаос, порождающий все многообразие вещей, в метаморфозах которого выражается его жизнь. Дао представляет путь и путника; субстанцию мира и сам мир; материальное бытие, изменяющееся по закону своей эволюции, и одновременно сам закон эволюции этого материального бытия; причину бытия и самобытие» [с. 204–205, там же]. «Таким образом, согласно представлениям древних, некое стремление, неотделимое от материи, некая активность, действенность или активная спонтанная сила лежит в основе движения мира, благодаря чему оно представляет само(!)движение» [с. 205–206, там же].

«В античной диалектике, – продолжает экскурс Л. Петрушенко, – причина движения мира рассматривалась как имманентная самому миру, исходящая из него и его же преобразующая. Поэтому идея двигателя мира выступала в форме представлений о неразрывной диалектической связи (т. е. «слитности». – Авт.) всего мира (бытия) и его движения, что, в свою очередь, выражалось в трех представлениях об активной спонтанной силе как движущей силе мира, о движении мира как самодвижении вследствие этой активной спонтанной силы и, наконец, о круговороте (по спирали) как

наиболее общей, инвариантной форме самодвижения мира» [с.206, там же].

Еще раз повторим: «Ключ к пониманию самодвижения лежит в самой действительности (отраженной субъектом. – Авт.); движение материи выступает как само(!)движение в отношении внутренней противоречивости материи (ка к тождеству. – Авт.); в отношении универсального взаимодействия всех тех объектов, субстанцией которых является материя; в плане само(!)сохранения (устойчивости) и само(!)изменения (изменчивости); в плане развития материальных объектов. Иными словами, источник самодвижения следует видеть во внутренней противоречивости материи (точней, – в мизмизме «противоречивости» как абсолютной относительности. – Авт.), универсальном взаимодействии (как «слитности» материи. – Авт.) [с. 207–208, там же].

Системно-интегральная монистическая методология, вопреки диалектическому методу марксизма (господствующей философской доктрине в России прошлого века), позволила по-новому исследовать вековые проблемы человечества в отношении отдельно взятой человеческой индивидуальности – центра философского и естественнонаучного познания. Решение этих вековых проблем, приведших к пониманию индивидуальности как интегрального конституционального типа в триединстве его морфопсихохимии, а также видоизменении его стабильности, – послужило основанием и для интегрального изучения (уже с позиций интегральной генетики) системы так называемого «Социума», который предстал в совершенно новом «обличье»: как гигантская популяция человеческих животных, разделенных на конституциональные типологические группы, а также типы наследственных самовоспроизводящихся социальных групп, участвующих во всеобщем видовом воспроизводстве.

По сути, данная философская методология и социобиологическая (историческая) философия, основанные на естественнонаучной базе интегральной генетики, являются своего рода новым, – не побоимся этого слова, – революционным мировоззрением с системой ценностей (и антиценностей), по большей части, познавательного плана, отличных от отживших свой век ценностных ориентиров прошлого.

Готово ли общество к принятию этого мировоззрения, к практическому использованию его положений и принципов, ответить однозначно нельзя. Скорее всего, не готово, – хотя бы из-за противоречия с господствующей ныне политико-идеологической и философской доктриной. Зачем простому обывателю (и не только) знать больше, чем положено и предопределено? Да и что, в принципе, можно изменить в объективно одном и том же, не изменяющемся мире? Мы просто вынуждены констатировать то, что есть, нескромно претендуя на соискание Истины, во имя борьбы с невежеством масс (да и самой науки и философии), во имя развенчания зоологического обмана и грабежа в обществе животных «сверху» до «низу».

Поэтому наши конституциональные выбор и мировоззрение служат, фактически и по большому счету все-таки другой цели: самореализации и самоутверждению, своему личному третьесигнальному статусу, ибо имеющийся на сегодняшний день социальный статус автора равен почти нулю...

Литература

1. Аллахвердова В.М., Безносков В.А. Психология. Уч-к для вузов. М., Прометей, 2004.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М., Изд-во МГУ, 1988.
3. Анохин П.К. Эмоции. // Психология эмоций. Тексты. МГУ, 1984.
4. Антипова Г.А. Психология для студентов ВУЗов. М., 1996.
5. Асратян Э.А. Иван Петрович Павлов. М., Наука, 1981.
6. Белоус В.В., Щebetенко А.И. Человек как интегральная индивидуальность. Изд-во Пятигорского гос. лингвистического университета, 1996.
7. Будилова Е.Н. Философские проблемы в советской психологии. М., Наука, 1972.
8. Вестник ПГПУ. Серия 1. Психология. 2000, № 1–2; 2003, № 1.
9. Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. П., 2000.
10. Вяткин Б.А., Щукин М.Р. Развитие учения об интегральной индивидуальности: проблемы, итоги, перспективы. // Психологический журнал. 1997 Т. 18, № 3.
11. Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. М., Прометей, 1993.
12. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М., Искусство, 1991.
13. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., Изд-во полит, литературы, 1991.
14. Данилова Н.Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. М., 1989.
15. «Дополнительности метод». Философский словарь. // под ред. И. Фролова, М., 1986.
16. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М., Смысл, 1993.
17. Дубинин Н., Карпец И., Кудрявцев В. Генетика, поведение, ответственность. М., 1982.
18. «Екклесиаст». Атеистический словарь. М., Политиздат, 1983.
19. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., Наука, 1983.
20. Коган А.Б., Косицкий Г.И. Физиология человека и животных. М., В.Школа, 1984.
21. Колесов Д.В. Эволюция психики и природа наркотизма. М., педагогика, 1991.
22. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., Наука, 1980.
23. Конопкин О.А., Моросанова В. И. Стилевые особенности регуляции деятельности. // Вопросы психологии. 1989. № 5.
24. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., МГУ, 1981.
25. Ломов Б.Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. М., Педагогика, 1991.
26. Маркс К. Капитал. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., 1960.
27. Мелехин С. Т., Петров Ю. А., Рузавин Г. И. Философские проблемы естествознания. М., В.Школа, 1985.
28. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., Просвещение, 1986.
29. Мерлин В.С. Структура личности: характер, способности, самосознание. П., 1990.
30. Мерлин В.С. Очерк теории темперамента. М., 1964.
31. Небылицын В.Д. Избранные психологические труды. М., Педагогика, 1990.
32. Нуркова В.В., Березанская Н.В. Психология. Уч-к для ВУЗов. М., Проспект, 2004.
33. Павлов И.П. Полн. собр. сочинений. М., 1951, Т. 3, кн. 2.
34. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения ВНД (поведения) животных. Л., 1938.

35. Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., Наука, 1971.
36. Полисистемное исследование интегральной индивидуальности. // Под ред. Б. А. Вяткина, 2005.
37. Психология. Учебник для пед. институтов. // Под ред. А. А. Смирнова, М., 1962.
38. Равич-Щербо И.В., Мерютина Е.Л. Психогенетика. М., Аспект Пресс, 2003.
39. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
40. Селье Г. Очерки об общем адаптационном синдроме. М., Медицина, 1960.
41. Селье Г. Стресс без дистресса. М., Прогресс, 1982.
42. Сержантов В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. Л., Изд-во ЛГУ, 1990.
43. Симонов П.В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций. Тексты. МГУ, 1984.
44. Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. М., Наука, 1989.
45. Философский материализм и современность. К., Изд-во Красноярского университета, 1986.
46. Чухахин И.Я., Плотников А.И. и др. Формальная логика. Л., ЛГУ, 1977.
47. Щebetенко А.И. Динамическая характеристика общительности в формировании готовности к педагогической деятельности: Дис. канд. психолог, наук. – М., 1984.
48. Щукин М.Р. Стиль деятельности. // Интегральная индивидуальность человека и ее развитие. // Под ред. Б.А. Вяткина. М. ИПРАН, 1999.
49. Щукин М.Р. Структура индивидуального стиля деятельности и условия его формирования. Авторе, дис... докт. психолог, наук. – Новосибирск, 1994.